

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сборник статей

Орёл
ОрЮОИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2017

УДК 347.91+343.1
ББК 67.99(2)92+67.99(2)93
А43

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доцент С.К. Жилиева (председатель),
канд. юрид. наук, доцент С.В. Мельник (заместитель председателя),
канд. экон. наук О.Г. Селютина,
канд. экон. наук А.А. Коробов (ответственный секретарь)

А43 **Актуальные проблемы гражданского и уголовного**
судопроизводства: сборник статей / отв. редакторы:
С.К. Жилиева, С.В. Мельник. – Орел: ОрЮИ МВД России имени
В.В. Лукьянова, 2017. – 160 с.
ISBN 978-5-88872-190-2

Авторами материалов сборника выступили профессорско-преподавательский состав, курсанты, слушатели и студенты образовательных организаций МВД России и иной ведомственной принадлежности, а также представители страховых компаний, практикующие юристы.

Сборник рекомендуется для сотрудников подразделений ОВД, ГИБДД, прокуратуры, суда, руководителей и работников коммерческих организаций, страховых компаний, а также адъюнктов (аспирантов), слушателей, курсантов, студентов и всех тех, кого интересует указанная в названии сборника проблематика.

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 347.91+343.1
ББК 67.99(2)92+67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-190-2

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Анисин А.Л. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ.....	6
Болотин В.С. СИСТЕМА, ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ.....	12
Бондарева М.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ.....	18
Гаврилова Н.В. К ВОПРОСУ ПОДСУДНОСТИ ВСТРЕЧНОГО ИСКА.....	22
Гроза А.С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ.....	31
Гущина Т.В. БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	39
Ермакова А.Л. КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	50
Жиляева С.К. К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СОЖИТЕЛЕЙ.....	62
Калюжная Л.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	67
Киреева Н.С. УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ.....	73

Кондурова О.А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	78
Королев В.В., Коробов А.А. КЛЮЧЕВЫЕ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	83
Коробов А.А. ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ».....	93
Ломовская А.В. ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА.....	100
Ломовская О.И. НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	106
Мальшева Н.А. БЭБИ-БОКСЫ В РОССИИ: ОКНО ЖИЗНИ ИЛИ ПОРОЧНАЯ ПРАКТИКА?.....	116
Надтачаев П.В., Мельник С.В. ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКОВ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ОСОБЫЙ ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	121
Рыбак А.А. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	133
Селютина О.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДТП.....	139
Фалькина Т.Ю., Алимпиев С.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	145

Чернецова М.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	149
Юзефович Ж.Ю. ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	155

Анисин А.Л.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ

В статье дан краткий обзор идейного наследия 20-го века, раскрывающий несостоятельность как либерализма, так и коммунизма в качестве идейных основ общественной и личной жизни. Предлагается духовно-нравственное обоснование триединой русской идеи для 21-го века: «Патриотизм, Соборность, Традиционализм», раскрывается смысл, взаимосвязь и значимость этих понятий для современной России.

Ключевые слова: русская идея, патриотизм, соборность, традиционализм, либеральная идеология, коммунистическая идеология.

Тот исторический вызов, перед которым стоит сейчас Россия, – это необходимость выработки и формулирования *русской идеи*, то есть определенного видения места России в мировой истории и позитивного проекта, обращенного в будущее. В готовом виде где-то в прошлом искать такую идею бесполезно. А выработать ее необходимо, Россия может иметь будущее только в том случае, если у нас найдется, *что* этому будущему сказать.

Надо отметить, что именно в этом смысле понятие «русская идея» было впервые употреблено Ф.М. Достоевским [1, с. 7]. Он имел в виду не просто некую национальную идею для внутреннего употребления, а именно идейный проект общечеловеческой значимости. С тех пор прошло уже полтора века и Россия в эти полтора века имела, что сказать и что показать миру. Россия за это время стала другой. Самые радикальные изменения – идейного, прежде всего, характера – связаны, конечно, с XX веком: с революционной катастрофой, столетие которой мы вспоминаем в этом году, с семидесятилетним советским проектом под знаменем коммунистической идеи, и с концом этого проекта, – едва ли не более катастрофичным, чем было начало.

Либеральные западнические идеи, при торжестве которых был похоронен Советский Союз, к настоящему моменту полностью дискредитировали себя в глазах большинства российских граждан. Да

и у себя, на исторической родине они все больше теряют приличный вид.

Надо уже признать: либерализм есть извращение идеи свободы и, по существу, уничтожение настоящей свободы человека, но при этом нельзя забывать, что настоящая человеческая свобода есть непреходящая нравственная ценность и важнейший мировоззренческий ориентир. Отвергая либерализм, нельзя отдавать ему на откуп драгоценную идею свободы, которая должна быть понята во всей высоте своего смысла.

Коммунистическая идея тоже не имеет больше перспектив в России, несмотря на симптомы ностальгии по советскому прошлому. Эта идея тоже эксплуатировала очень значимые нравственные понятия, – о высоком достоинстве простого человека труда, о братстве всех людей, о социальной справедливости, об общем служении общему делу, – однако все эти правильные ценности коммунизм нанизывает на гнилую нитку, в его основе лежит принципиальная ложь.

Все реальные достижения советского периода стали возможны только потому, что люди вдохновлялись в своей жизни высокими нравственными принципами, которые находились в прямом противоречии с декларируемой идеологией. Из той веры, что человек представляет собой высокоразвитое животное, из марксистской теории экономического детерминизма и классовой борьбы, никак не вытекают высокие нравственные идеалы.

Собственно говоря, нужно согласиться с А.А. Зиновьевым в том, что обе эти идеи – либеральная и коммунистическая – являются двумя полюсами, двумя ликами одного и того же явления, которое он назвал «западнизм»: «Капитализм и коммунизм суть крайние проявления и высший уровень развития ... двух аспектов западнизма» [2, с. 48].

Россия, конечно, связана и с Европой, и со всей мировой культурой, но при этом в России существует собственное исторически выстраданное понимание мира и человеческой жизни, собственные цивилизационные основы. Из них и надо исходить.

Начинать нам нужно именно с этого факта: чтобы понять Россию, надо любить её. Исходной точкой разработки русской идеи XXI века должно быть понятие патриотизма. Это первое ее ключевое слово, которое очень нуждается в настоящем осмыслении.

Патриотизм

Тема патриотизма и патриотического воспитания звучит в последние годы достаточно мощно. Такое положение вещей вполне естественно. Однако стоит прислушаться и к той критике, которая в последние годы слышна в связи с тем, что «государство будет учить нас любить Родину». Прислушаться стоит не для того, чтобы менять убеждения, а для того, чтобы глубже понять настоящий смысл патриотизма.

Люди, выражающие опасения по поводу патриотического тренда, видят в нем опасность тоталитаризма. «Личность – ничто, государство – всё», – вот куда, по их мнению, ведет накачивание патриотической темы. И если к этому, действительно, ведет подъем патриотических настроений, то против него совершенно необходимо протестовать. То, что он при определенных условиях *может* туда привести, – это очевидно.

Прежде всего, необходимо задаться вопросом: а что же такое Родина? Может быть, надо сказать так: Родина это то, откуда вырастает человеческое бытие, это та почва, – историческая, культурная, природная, социальная, семейная почва, куда человек уходит своими корнями. Человек вырастает и раскрывается как человек только, напитавшись из этой почвы Родины.

Нельзя быть полноценным человеком, не испытывая благодарности родителям и Родине. Но человек – это больше, чем просто средство продолжения родовой жизни, человек есть образ и подобие Божие и ценность его души, его личности первостепенна.

Если жертвенное служение Отечеству является для человека свободным подвигом, раскрывающим и созидающим настоящую высоту его личности, – такой патриотизм свят. Если же преданность коллективным интересам народа нивелируют и обезличивают личность человека, то такой патриотизм имеет сатанинский характер.

Не должна быть Родина чем-то внешним для личности, – ни таким внешним, которое подавляет личность, ни таким внешним, которое обслуживает интересы личности. Между личностью человека и его Родиной существует живая внутренняя связь. Любовью к Родине создается личность. И именно в этом созидании личного достоинства каждого человека состоит весь смысл исторического бытия народа и всех тех культурных богатств, которые он производит. Именно такое

переживание Родины лежит, на наш взгляд, в основе российской цивилизации, она состоялась под знаком такого духовного патриотизма.

То, каким образом русский человек понимает соотношение личности и общества, индивидуальной жизни и жизни Родины, предполагает выход за рамки противостоящих друг другу индивидуализма и коллективизма. Для того, чтобы назвать этот русский принцип единства, нужно вспомнить слово, на Руси изобретенное: соборность. С этим словом тоже не все так просто. С ним тоже требуется потрудиться для достижения настоящего понимания.

Соборность

Само слово «соборность» впервые ввел в философию А.С. Хомяков в первой половине XIX века, взяв это понятие из православного учения о Церкви. Однако то, что называется «соборными началами жизни», имеет в России гораздо более глубокую историю.

Церковь, по православному учению, соборна не потому, что охватывает весь мир, а потому, что собирает людей в такое единство, которое обладает полнотой, в котором каждый человек обретает внутреннюю полноту жизни и созидает полноту жизни целого. Эта жизнь в режиме соборности не единолична и не безлична, она есть, как писал А.С. Хомяков, свободное единство в любви.

Думается, что такой идеал духовного единства, свойственен вообще человеческой душе и именно к этому идеалу так или иначе тянутся люди во всех культурах. Концепция соборного единства, с одной стороны, раскрывает некие общезначимые духовные истины, но в то же время делает это тем уникальным способом, который выработан историей именно русского духа. «Соборность» есть то важное слово, которое Россия может и должна сказать миру.

Если для Запада общественным идеалом с самого начала, и чем дальше, тем больше была правовая организация жизни, «равенство в свободе по всеобщему закону» (И. Кант), то для России таким идеалом является общественная соборность, «единство в свободе по закону любви» (А.С. Хомяков).

Понятие соборности уточняет и углубляет настоящий смысл патриотизма, о котором уже шла речь: именно в свете соборности патриотизм должен быть понят для того, чтобы избежать опасности

тоталитаризма и национализма. Тот факт, что у меня с кем-то общая Родина вовсе не означает насильственного объединения. А тот факт, что у кого-то Родина другая, вовсе не означает отчуждения между нами. Любовь к своей Родине соединяет людей на началах свободы. Общие святыни, соединяющие людей единством Родины, должны быть, прежде всего, святынями личными. Принцип соборности есть принцип личности, столь важный в эпоху небывалого агрессивного обезличивания. И принцип соборности это принцип любви, противостоящий всякому отчуждению, националистическому в частности.

Все это подводит нас к еще одному аспекту той русской идеи, которую Россия может предложить XXI веку. Обычаи у всех народов разные, а нравственные понятия и принципы – одни и те же. Традиции у людей разные и они порой утрачиваются, а вот традиционные ценности это те ориентиры, которые сохраняют свою неизменную значимость.

Третье понятие, раскрывающее смысл русской идеи для XXI века это традиционализм.

Традиционализм

Для современного человека это слово звучит анахронизмом. Тема традиций и традиционализма ассоциируется с «традиционным обществом», на смену которому уже давно пришло общество «индустриальное», а нынче и вовсе наступила пора «постиндустриального», «информационного» общества. В этой связи глубокий смысл традиции в жизни человека нужно заново осмыслить.

Традиция это онтологический, жизненный опыт народа, это опыт его исторического бытия и опыт постижения им абсолютного бытия. Традиция это способ сделать мир обжитым, а жизнь осмысленной, это способ сопряжения временной жизни с вечными ориентирами. Эти-то вечные ориентиры и называются традиционными ценностями.

«Традиционное общество», действительно, ушло в прошлое. И это означает, что традиции в современном цивилизованном мире давно уже разрушены. «Традиционное общество» жило опорой на однажды выработанные и неизменно воспроизводимые формы связи с традиционными ценностями. Разрушение этих традиционных форм жизни, к сожалению, имело для многих людей следствием утрату

вообще каких бы то ни было ясных и абсолютных ориентиров в жизни. Порвав с традиционными ценностями так называемый цивилизованный мир всё больше сходит с ума. В современном мире защита традиционных ценностей является насущным вопросом выживания человечества.

Тот «новый традиционализм», который могла бы предложить миру Россия, – это традиционализм, не привязанный к конкретным национальным и культурным традициям, а ориентированный непосредственно на сами традиционные ценности. Что может для этого дать опыт России? Трагическая история XX века стала в России временем невиданного по радикализму разрушения традиционных устоев жизни. Русский народ оказался практически полностью лишен своих традиций, но при этом в достаточной степени сохранил традиционные понятия о жизни.

Русский опыт XX века показывает, с одной стороны, что никакие самые прочные, казалось бы, традиции не гарантированы от агрессивного разрушения или выхолащивания. Но с другой стороны, он говорит и о том, что, как бы ни было трагично почти полное разрушение привычных устойчивых форм связи с вечными ценностями, сами эти духовные и нравственные ценности могут сохранять для человека свою непреходящую значимость.

Традиционализм, как составная часть русской идеи для XXI века, означает утверждение неотменяемой значимости каждой культуры, которая несет в себе уникальный опыт проживания и воплощения ценностных основ человеческого бытия. Этот традиционализм утверждает, таким образом, духовное единство людей различных культур на основе общих традиционных ценностей. Такой традиционализм прямо связан и с принципом соборности, и с принципом патриотизма, он неразрывен с этими сторонами русской идеи.

У России есть что сказать сегодняшнему миру, а вот насколько она будет способна это сказать, – это от нас с вами зависит. Хотелось бы верить, что мы окажемся достойны того духовного наследия, которое дано нам нашей историей. Духовно здоровый патриотизм, принцип соборного единства в многообразии, опора на традиционные духовные и нравственные ценности, – всё это должно стать идейной основой российской системы образования и воспитания.

Речь, конечно, не идет о некой *обязательной* государственной идеологии, – не только потому, что это формально противоречит

Конституции, но, прежде всего, потому, что это по существу противоречило бы тем принципам, о которых идет речь: принципам духовной свободы и нравственного достоинства. Утверждение этих идей в общественном сознании не есть дело государственного принуждения, это дело духовного просвещения и нравственного воспитания. Государство только может создать условия для такого просвещения и воспитания. И оно должно их создать, если хочет быть прочным.

-
1. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Собр. соч. в 15 т. Т. 11. Л.: Наука, 1993.
 2. Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. М.: Астрель, 2013.

Сведения об авторе

Анисин Андрей Леонидович
Доктор философских наук, доцент
Начальник кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел
(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
E-mail: anisin@bk.ru

УДК 347.471.33.37

Болотин В.С.

СИСТЕМА, ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

В статье рассматривается система, основные виды и классификация лицензионно-разрешительных производств. Делается вывод о том, что основу системы лицензионно-разрешительного производства образуют законодательные установления и его правореализующие институты.

Ключевые слова: лицензионно-разрешительное производство; административное право; лицензия; договор; классификация; гражданские правоотношения; транспортные средства; оружие.

Лицензионно-разрешительное производство является важным элементом правового регулирования гражданско-правовых отношений, сочетающим в себе взаимосвязанные признаки гражданско-правового метода (способы и средства воздействия на общественные отношения с целью достижения правомерного поведения и стабильности гражданского оборота), правовой формы публичного управления (внешнего выражения деятельности регистрирующих органов, вызывающие юридически значимые последствия как гражданского, так и административно-правового характера) и административной процедуры (процессуальный аспект).

И.В. Ершова считает, что разрешительный режим осуществления деятельности имеет свою специфику, проявляющуюся, в том числе, при лицензировании предпринимательской и иной экономической деятельности: в лицензировании оборота товаров при ведении субъектами внешнеэкономической деятельности; выдаче лицензий на пользование недрами, заключении лицензионных договоров при предоставлении права использования результатов интеллектуальной деятельности и др. [1, с. 23]

Лицензионно-разрешительные отношения, регулируемые административным правом, отличаются:

- от разрешений разового характера и предоставления определенного полномочия (например, доверенность, согласие на обработку персональных данных);
- от разрешений на совершение единичных действий, таких как въездные визы, ввоз образца товара, предоставление права проезда транспортного средства по территории государства; лицензия на приобретение единицы охотничьего оружия, судебных санкций.

К примеру, частью 2 статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что при наличии уважительных причин, может быть дано разрешение вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет (по общему правилу брачный возраст наступает с 18 лет – ч. 1 ст. 13).

Основной критерий классификации лицензионно-разрешительных производств определен самой системой гражданского права,

институтами которой определяется необходимость либо обязательность наличия лицензии или разрешения:

- при осуществлении гражданами и юридическими лицами предпринимательской деятельности;
- в качестве условия возникновения гражданских прав и обязанностей или закрепления принадлежности объекта гражданских прав определенному лицу;
- в области ограничения дееспособности граждан;
- при введении ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав;
- как условие осуществления права собственности и другие вещных права на недвижимость, ограничения этих прав, их возникновения, перехода и прекращения;
- при заключении отдельных видов сделок и договоров;
- как условие обеспечения обязательств;
- как формы передачи исключительного права на интеллектуальную собственность.

Существенным критерием классификации лицензионных производств является закрепление в законе видов деятельности, подлежащих лицензированию.

Так, в соответствии с положениями ч. 1 статьи 12 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» – «Перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии», лицензированию подлежат следующие виды деятельности:

- связанной с защитой информации (пп. 1, 2, 3, 4, 5);
- производство и реализация защищенной от подделок полиграфической продукции (п. 6);
- разработка, производство, испытание и ремонт авиационной техники (п. 7) и военной техники, а также ее установка, монтаж, техническое обслуживание, утилизация и реализация вооружения (п. 8);
- связанной с гражданским и служебным оружием, боеприпасами к нему и пиротехнических изделий (пп. 9, 10);
- по хранению и уничтожению химического оружия (п. 11);
- связанной с взрывопожароопасными и химически опасными производственных объектов (п. 14), а также деятельность по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, разме-

щению отходов I-IV классов опасности (п. 30), деятельность в области использования источников ионизирующего излучения (п. 39);

- связанной с обеспечением пожарной безопасности (пп. 14, 15);

- производство лекарственных средств (п. 16), фармацевтическая деятельность (п. 47), оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивирование наркосодержащих растений (п. 18);

- производство и техническое обслуживание (п. 17);

- в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных и генно-инженерно-модифицированных организмов (п. 19);

- по перевозкам авиационным, водным, автомобильным и железнодорожным транспортом (пп. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26);

- погрузочно-разгрузочная деятельность применительно к опасным грузам на железнодорожном транспорте, водном транспорте и в морских портах транспорте (пп. 27, 28), по осуществлению буксировок морским транспортом (п. 29);

- деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах (п. 31);

- частная охранная и детективная (сыскная) деятельность (пп. 31, 32);

- заготовка, хранение, переработка и реализация лома черных металлов, цветных металлов (п. 34);

- оказание услуг по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (п. 35);

- оказание услуг связи (п. 36), телевизионное вещание и радиовещание (п. 37), по изготовлению экземпляров аудиовизуальных произведений, программ для электронных вычислительных машин, баз данных и фонограмм на любых видах носителей (п. 38);

- геодезическая и картографическая деятельность (п. 42), производство маркшейдерских работ (п. 43);

- в области гидрометеорологии и в смежных с ней областях (пп. 44, 45);

- деятельность по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (п. 48);

- по проведению экспертизы промышленной безопасности (п. 49) а также связанная с обращением взрывчатых материалов промышленного назначения (п. 50);

- предпринимательская деятельность по управлению многоквартирными домами (п. 51);

- медицинская деятельность (п. 46) и образовательная деятельность (п. 40) с учетом особенностей, установленных Федеральными законами от 28.09.2010 № 244-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об инновационном центре «Сколково», от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и от 13.07.2015 № 212-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О свободном порте Владивосток».

Виды регистрационных производств, определяются системой нормативно-правовых актов соответствующей правоотраслевой принадлежности в сфере обеспечения стабильного гражданского оборота и защиты интересов его участников.

По целям лицензионные производства и разрешительные процедуры классифицируются следующим образом:

- производство по выдаче лицензий и разрешений в сфере предпринимательской деятельности;

- лицензионное производство, направленное на обеспечение безопасности граждан, общественной и государственной безопасности;

- контрольно-надзорное производство (наблюдение за соблюдением правил, требований и условий в период действия выданных разрешений)

- процедуры оформления допусков к объектам, деятельности и работам;

- процедуры оформления едино разовых разрешений (проезд по территории государства, виза и т.п.);

- процедуры подтверждения правообладания собственностью или предоставления определенного полномочия (например, выдача доверенности);

- заключение лицензионных договоров предоставления права использования результатов или продуктов интеллектуальной деятельности.

Лицензионно-разрешительное производство характеризуется следующим:

- реализацией относительных запретов (занятие деятельностью только при наличии лицензии, разрешительное возникновение правообладания);

- субъектами лицензионно-разрешительных правоотношений являются граждане и юридические лица, с одной стороны, и органы публичной исполнительной власти (должностные лица) – с другой;

- осуществлением надзора за соблюдением лицензиатами и иными субъектами, получившими разрешения, правил, требований и условий соответствующего вида деятельности (совершения определенных действий);

- применение мер государственного принуждения в случае осуществления деятельности (действий) без соответствующей лицензии (разрешения), либо при нарушении правил и условий разрешенной деятельности (совершения действий).

Основу системы лицензионно-разрешительного производства (совокупности процессуальных действий) образуют законодательные установления и его правореализующие институты (исходные нормы, средства и субъекты обеспечения).

1. Ершова И.В. Лицензирование экономической деятельности в условиях интеграционных процессов // Предпринимательское право. 2014. № 1.

Сведения об авторе

Болотин Владимир Сергеевич

Кандидат юридических наук, доцент

Доцент кафедры административного и уголовного права

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал)

УДК 347.77.043:342.9

Бондарева М.Г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ

В статье рассматриваются некоторые экономические аспекты социальной защиты сотрудников органов внутренних дел РФ. Делается вывод о том, что создание государством благоприятных и безопасных условий их служебной деятельности является предпосылкой эффективности деятельности ОВД.

Ключевые слова: социальная защита; сотрудники органов внутренних дел; гражданско-правовые отношения; налоги; налогоплательщики; доходы; Налоговый кодекс РФ; налог на доходы физических лиц.

Существенную роль в социальной защите сотрудников органов внутренних дел играют не только гражданско-правовые, но и экономические аспекты. Одним из важнейших из них является налогообложение доходов сотрудников органов внутренних дел.

Речь идет о том, что органы внутренних дел, их должностные лица и все остальные сотрудники в различных формах выступают участниками общественных отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, что обусловлено спецификой осуществления ими своей деятельности.

Но бесспорно, главным является то обстоятельство, что все сотрудники органов внутренних дел сами являются налогоплательщиками практически по всем видам получаемых ими доходов, а в случае наличия у них иных объектов налогообложения – земельного участка, транспортных средств либо недвижимого имущества – плательщиками соответственно земельного, транспортного налога и налога на имущество физических лиц.

Центральное место среди уплачиваемых сотрудниками органов внутренних дел налогов, безусловно, занимает налог на доходы физических лиц (НДФЛ), порядок исчисления которого регулируется положениями главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации.

По общему правилу налогообложению подлежат все доходы сотрудников ОВД, полученные ими как в денежной, так и в натуральной

формах, а также доходы в виде материальной выгоды (экономии на расходах) при пользовании заёмными (кредитными) средствами. При этом доход может быть получен как непосредственно из кассы или на банковский счёт, так и косвенно в форме оплаты в интересах сотрудника стоимости товаров, работ, услуг или имущественных прав либо иным образом. Если из дохода налогоплательщика по его распоряжению либо по решению суда или иных органов производятся какие-либо удержания (алименты, погашение неизрасходованного и своевременно не возвращённого аванса в связи со служебной командировкой и в других случаях), то такие удержания не уменьшают сумму дохода, облагаемую налогом.

В общем виде перечень доходов, подлежащих обложению НДФЛ, определён статьёй 208 Налогового кодекса Российской Федерации. Применительно к сотрудникам органов внутренних дел среди таких доходов можно выделить следующие:

- вознаграждение за выполнение служебных обязанностей (денежное довольствие);
- доходы от реализации недвижимого или иного имущества, включая ценные бумаги;
- доходы, полученные от сдачи в аренду, по договору найма или иного использования имущества сотрудника ОВД;
- доходы, полученные в порядке наследования или дарения;
- доходы от использования авторских или иных смежных прав;
- страховые выплаты при наступлении страхового случая;
- дивиденды и проценты, полученные от кредитных и иных организаций;
- стоимость любых выигрышей и призов.

При этом следует отметить, что перечень доходов, подлежащих налогообложению, не является исчерпывающим, поскольку законодатель допускает возникновение иных источников материальных привилегий и благ.

Большинство доходов сотрудников органов внутренних дел имеет денежную форму, главным из которых выступает вознаграждение за выполнение служебных обязанностей или денежное довольствие, являющееся основным средством их материального обеспечения и стимулирования служебной деятельности по замещаемым должностям.

Принятые в 2011 году федеральные законы «О полиции», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О службе в органах внутренних дел» существенно видоизменили структуру денежного довольствия сотрудников ОВД и состав иных социальных выплат.

Так, денежное довольствие сотрудников органов внутренних дел включает в себя месячный оклад в соответствии с занимаемой штатной должностью, месячный оклад в соответствии с присвоенным специальным званием, которые составляют оклад месячного денежного содержания, ежемесячные и иные дополнительные выплаты.

Все дополнительные выплаты денежного довольствия имеют строго целевое назначение, которые условно можно подразделить на 4 группы:

- стимулирующие (ежемесячная надбавка к окладу денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), ежемесячная надбавка к должностному окладу за квалификационное звание, премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей, поощрительные выплаты за особые достижения в службе, ежемесячная надбавка сотрудникам полиции, имеющим почётное звание «Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации» или «Заслуженный юрист Российской Федерации» и др.);

- за особые условия службы (ежемесячная надбавка к должностному окладу за особые условия службы, ежемесячная надбавка к должностному окладу за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, надбавка к должностному окладу за выполнение задач, связанных с повышенной опасностью для жизни и здоровья в мирное время и др.);

- за выполнение дополнительных обязанностей (доплата за работу в ночное время, оплата за работу в выходные, праздничные дни, в сверхурочное время и др.);

- компенсационные и гарантийные выплаты (районные коэффициенты, коэффициенты за службу в высокогорных районах, службу в пустынных и безводных местностях, подъёмное пособие, материальная помощь, единовременное пособие при увольнении со службы, денежная компенсация за неиспользованный отпуск и др.).

Следует отметить, что в соответствии с налоговым законодательством любые получаемые сотрудниками органов внутренних дел

суммы в виде денежного довольствия учитываются для целей налогообложения при условии, что такие выплаты не входят в исчерпывающий перечень необлагаемых доходов, приведённых в статье 217 НК РФ.

Всего Налоговый кодекс устанавливает более 50 категорий видов доходов в денежной и натуральной формах, не подлежащих налогообложению. На практике нередко возникают вопросы, связанные с применением законодательства о подоходном налогообложении различных денежных выплат, пособий, гарантий и компенсаций, требующие самого внимательного рассмотрения с позиции нормативного регулирования таких выплат.

Наряду с доходами в традиционной денежной форме особое внимание следует уделить рассмотрению отдельных видов доходов сотрудников органов внутренних дел, получаемых ими в натуральном виде либо в виде материальной выгоды. Налоговое законодательство Российской Федерации предусматривает обязанность по уплате налога с некоторых видов привилегий и благ, получение которых в обычных условиях потребовало бы от налогоплательщиков дополнительных затрат и расходов, например, при получении беспроцентных банковских кредитов и займов, при приобретении товаров по ценам ниже рыночных и в некоторых иных случаях.

Следует отметить, что выплата денежного довольствия, социальных и иных компенсаций и гарантий сотрудникам органов внутренних дел в натуральной форме действующим законодательством прямо не предусмотрена. Однако случаи получения сотрудниками доходов в натуральном виде вполне могут иметь место, например:

- при получении льгот по оплате стоимости обучения в образовательных учреждениях;
- при использовании служебного автотранспорта в личных целях (для транспортного обеспечения свадеб и иных мероприятий);
- бесплатное предоставление органами внутренних дел своим сотрудникам мест в общежитиях и иных жилых помещениях специализированного жилищного фонда и т. п.

Таким образом, создание государством благоприятных и безопасных условий служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел является предпосылкой эффективности деятельности ОВД. Но не менее важное значение в повышении эффективности

правоохранительной деятельности имеет и уровень социальной защиты сотрудников органов внутренних дел.

Сведения об авторе

Бондарева Марина Геннадьевна
Курсант факультета подготовки специалистов ГИБДД
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

УДК 340

Гаврилова Н.В.

К ВОПРОСУ ПОДСУДНОСТИ ВСТРЕЧНОГО ИСКА

Статья посвящена отдельным проблемам подсудности встречных исковых требований в гражданском судопроизводстве. В статье делается вывод о том, что преодоление коллизий между нормами института подсудности гражданских дел, исходя из приоритета подсудности встречного иска перед исключительной подсудностью, привело бы к существенным противоречиям в системе гражданского процессуального права в целом и института подсудности гражданских дел в частности.

Ключевые слова: иск, встречный иск, подсудность, ответчик, истец, исковое производство.

Часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Граждане реализуют свое право на судебную защиту путем предъявления искового заявления в суд. Другая же сторона судебного процесса реализует это право посредством подачи встречного иска.

Основываясь на действующие правовые нормы и анализ сущности встречного иска, можем выделить его такие характерный черты как:

1) В соответствии с ч. 2 ст. 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, встречный иск предъявляется в суд по месту рассмотрения первоначального иска.

2) В соответствии со ст.137 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации встречный иск предъявляется по общим правилам предъявления иска.

3) Для предъявления встречного иска по месту рассмотрения первоначального иска необходимо наличие связи между ними и целесообразность их совместного рассмотрения.

«Связь между этими исками определяется признаками, которые подтверждают возможность полного или частичного опровержения первоначального иска посредством удовлетворения встречного иска. Критерием целесообразности являются такие условия, которые более благоприятные для раскрытия объективной истины по этим делам. В том случае, при котором принятие встречного иска содействует правильному рассмотрению обоих исков, суд обязан это сделать. При отсутствии таких условий, необходимо отказать в приеме встречного иска».

4) Только ответчик по первоначальному иску имеет право на предъявление встречного иска. Встречный иск предъявляется только к первоначальному истцу. По встречному иску первоначальный истец является ответчиком.

5) Ответчик вправе предъявить встречный иск в любой части судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения. Из этого следует, что встречный иск может быть предъявлен только в суд первой инстанции. В судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций и при пересмотре решений по вновь открывшимся обстоятельствам встречный иск не может быть предъявлен.

6) Встречный иск заявляется только в защиту своего права, а не чужого.

Таким образом, все основные особенности встречного иска установлены законодательством и подробно исследованы в теории гражданского процессуального права.

Но, это положение вовсе не означает, что исследование встречного иска не представляет собой теоретического или практического интереса. Так, при решении вопроса о подсудности встречного иска в определенных случаях возникают затруднения.

В науке гражданского процессуального права образовалась дискуссия о разрешении коллизий, которые возникают между нормами института подсудности гражданских дел, имеющие специальный и исключительный характер. Наиболее проблемным вопросом является преодоление коллизий подсудности встречного иска и исключительной подсудности.

По мнению В.М. Жуйкова, «правовая природа встречного иска такова, что он делает невозможным рассмотрение первоначального иска без встречного ... встречный иск предъявляется в суде по месту рассмотрения первоначального иска. Это означает, что на него не распространяются правила исключительной подсудности».

С.А. Дергачев считал, что «подсудность встречного иска имеет приоритет перед исключительной подсудностью» [1, с. 21-23].

Е.Е. Укусова придерживается совсем другого взгляда по этому поводу. Она полагает, что, «если встречный иск подпадает под действие исключительной подсудности, то правила подсудности по связи дел не действуют».

На наш взгляд, позиция Е.Е. Укусовой, которая отстаивает приоритет исключительной подсудности, является более обоснованной.

Коснемся вопроса о соотношении норм о подсудности встречного иска с нормами, которые устанавливают исключительную подсудность. Для этого необходимо обратить внимание на место норм, которые регулируют подсудность встречного иска в системе норм института подсудности гражданских дел.

В теории гражданского процессуального права процессуальные нормы в зависимости от сферы действия классифицируются на общие, специальные и исключительные. Это положение абсолютно справедливо относится к нормам института подсудности гражданских дел в целом и к нормам, которые регулируют территориальную подсудность в частности.

Исследуя структуру института подсудности гражданских дел, стоит отметить, что нормы, которые составляют этот институт, являются однородными. Кроме того, некоторые процессуальные нормы имеют специфические признаки. Эти признаки группируют нормы в составы соответствующих статей ГПК РФ. При этом общей нормой территориальной подсудности гражданских дел является норма, которая закреплена статьей 28 ГПК РФ.

В Гражданском процессуальном законодательстве предусмотрены специальные нормы, которые регулируют территориальную подсудность гражданских дел. Это альтернативная подсудность, подсудность связанных между собой дел и договорная подсудность (ст. 29, ст. 31 и ст. 32 ГПК РФ).

Положения статьи 30 ГПК РФ закрепляют нормы, которые имеют исключительный характер.

Перечисленные выше нормы сформулированы применительно только к исковому производству. По своей природе они не могут распространяться на иные категории дел, которые возникают из публичных правоотношений и дел, рассматриваемых в порядке особого производства.

Таким образом, подсудность встречного иска регулируется специальными нормами, которые не совпадают с нормами общей, альтернативной, договорной и исключительной подсудности.

При отнесении норм, которые регулируют подсудность по связи дел, к специальным нормам института подсудности гражданских дел, мы можем сделать вывод, что при возникновении коллизий между подсудностью встречного иска и исключительной подсудностью последнее должно быть приоритетнее.

Однако Н.Г. Елисеева считает, что «исключительная подсудность и подсудность по связи дел представляют собой формально равноценные специальные правила по отношению к общей норме о предъявлении иска по месту жительства ответчика» [2].

К тому же, с мнением Н.Г. Елисеевой нельзя согласиться, так как правовая природа встречного иска подразумевает, что основными критериями, которые определяют специальный характер подсудности встречного иска, являются: принцип процессуальной экономии, интерес ответчика и стремление избежать противоречивых судебных решений.

В.В. Попов, после исследования сущности встречного иска, отметил, что «встречный иск можно предъявить только в суд по месту рассмотрения иска первоначального истца. Эта особенность обусловлена опять же взаимосвязью обоих исков, наличием одних и тех же субъектов правоотношения, необходимостью и целесообразностью совместного рассмотрения исков в целях процессуальной экономии».

Таким образом, основными критериями, которые предопределяют специальный характер подсудности встречного иска, являются исключительно процессуальные аспекты.

Но все эти факторы вряд ли следует рассматривать в качестве достаточных оснований для установления приоритета норм о подсудности встречного иска над нормами, которые регулируют исключительную подсудность гражданских дел, учитывая, насколько важным является для участников гражданских правоотношений определение места возможного судебного разбирательства.

Т.П. Ерохина справедливо утверждает, что «приоритет правил исключительной подсудности проявляется при конкуренции норм территориальной подсудности, как то, при объективном объединении исков в соответствии с частью 1 статьи 31 ГПК РФ применяются правила исключительной подсудности»[3]. Так как специфические черты норм, которые регулируют исключительную подсудность гражданских дел, предопределяются процессуальными и материальными аспектами.

В соответствии со статьей 30 ГПК РФ для отдельных категорий гражданских дел устанавливается исключительная территориальная подсудность, при которой в силу прямого указания закона иск подлежит рассмотрению в строго определенном суде.

По мнению М.К. Треушникова, нормы об исключительной подсудности разумны и направлены на обеспечение наиболее благоприятных условий для своевременного и правильного рассмотрения дел, так как облегчается собирание доказательств по делу и решение других вопросов процесса. В качестве дополнительного аргумента автор обращает внимание на значимость исключительной подсудности для реализации вынесенного по делу судебного решения тем судом, где находится объект спора.

Таким образом, относя гражданские дела к исключительной подсудности, законодатель руководствовался интересами сторон, соображениями процессуальной экономии и исполнимости решений, то есть процессуальными аспектами.

Также, гражданские дела, которые рассматриваются в порядке исключительной подсудности, имеют особенности, имеющие связь с материально-правовой природой, которые, в свою очередь, оказывают влияние на подсудность указанных дел.

В соответствии с ч. 1 ст. 30 ГПК РФ иски о правах на земельные участки, участки недр, здания, в том числе жилые и нежилые

помещения, строения, сооружения, другие объекты, которые прочно связаны с землей, предъявляются в суд по месту нахождения этих объектов.

Так как особенности правового режима данных объектов вытекают из материального права, исключительность подсудности данной категории дел предопределяется особенностями правового режима указанных объектов гражданских прав, которые являются недвижимыми по своей природе.

Гражданские дела, в которых наследственные правоотношения являются предметом судебного рассмотрения, также имеют особенности и рассматриваются по правилам исключительной подсудности.

Учитывая изложенное, абсолютно справедливым будет утверждение о том, что одним из критериев определения исключительной подсудности гражданских дел должен выступать характер материальных правоотношений (материальный аспект).

Так, можем сделать вывод о том, что процессуальный аспект не является универсальным и однозначным критерием для определения исключительной подсудности гражданских дел. Для определения исключительной подсудности гражданских дел являются следующие критерии: материальный аспект (характер материальных правоотношений) и процессуальный аспект (процессуальная экономия, исполнимость решений и т.д.).

Помимо того, подсудность встречного иска необходимо рассматривать во взаимосвязи с иными нормами статьи 31 ГПК РФ. Гражданские дела, которые рассматриваются по связи дел, обязаны отвечать определенным требованиям, в частности способствовать быстрому и правильному разрешению спорных отношений.

В судебной практике часто встречаются такие случаи, когда в рамках одного производства для совместного рассмотрения лицами, которые участвуют в деле, предъявляются несколько самостоятельных требований. Подсудность этих требований регулируется специальными нормами, которые не совпадают с нормами общей, альтернативной и исключительной подсудности. Возможность объединения нескольких требований в одно производство обуславливается объективной связью, обстоятельствами, которые имеют объективный характер.

Таким образом, подсудность встречного иска – это прежде всего подсудность дел, связанные между собой. Целесообразность выделения данных норм продиктована исключительно процессуальными сообра-

жениями. Это доказывает еще раз, что исключительная подсудность имеет приоритет перед подсудностью встречного иска.

Также необходимо учитывать, что преодоление коллизий между нормами института подсудности гражданских дел, исходя из приоритета подсудности встречного иска перед исключительной подсудностью, привело бы к существенным противоречиям в системе гражданского процессуального права в целом и института подсудности гражданских дел в частности.

С таким пониманием подсудности встречного иска пришлось бы говорить об особой процессуальной норме, которая имеет приоритет перед общей, специальными и исключительными нормами и которая не имела бы отношения ни к одной из них.

Еще к одной проблеме относится такая, как разрешение коллизий подсудности встречного иска и договорной подсудности, когда соглашением сторон установлена подсудность для предъявляемых ответчиком требований во встречном исковом заявлении.

По нашему мнению, разрешение этой проблемы имеет тесную связь с пониманием правовой природы встречного иска как средства защиты ответчика против первоначального иска.

В теории гражданского процессуального права сложилось не совсем правильное представление о правовой природе встречного иска, который рассматривается исключительно как средство защиты интересов ответчика.

Эта ситуация является следствием того, что правом предъявления встречного иска обладает не любой участник гражданского процесса, а только ответчик по первоначальному иску.

Таким образом, если рассматривать встречный иск только как средство защиты против первоначального иска, коллизии между подсудностью встречного иска и договорной подсудностью могут быть преодолены только через приоритет подсудности встречного иска.

Вместе с тем встречный иск является самостоятельным требованием ответчика к истцу и может быть предметом отдельного самостоятельного иска.

Как говорится в научной литературе: «Встречный иск прежде всего является таким же иском, как и первоначальный, то есть средством судебной защиты субъективного права».

Встречный иск сохраняет свою полную самостоятельность на всех стадиях рассмотрения гражданского дела, и к нему предъявляются такие же требования, что и к первоначальному иску. По встречному иску должен быть соблюден досудебный порядок урегулирования спора, если он предусмотрен для данной категории дел, а также должны быть соблюдены все предпосылки и условия права на предъявление иска.

Можем сделать вывод о том, что сводить встречный иск только к процессуальному средству защиты ответчика против основного иска будет неправильно. Это вовсе не означает, что мы совсем отрицаем значение его как средства защиты против основного иска.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Л.А. Грось, которая полагает, что встречный иск или является формой защиты против первоначального требования (абз. 3 ст. 138 ГПК РФ), или способствует полному и правильному разрешению спорных отношений (абз. 2 и 4 ст. 138 ГПК РФ).

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что рассмотрение встречного иска только как средства защиты интересов ответчика приводит к неправильному представлению о правовой природе встречного иска.

Так, можем сделать вполне справедливый вывод о том, что встречный иск обладает двойкой правовой природой, так как он имеет полную самостоятельность и может быть предъявлен как самостоятельный иск.

При таких обстоятельствах возникающие коллизии между подсудностью встречного иска и договорной подсудностью можно будет преодолеть следующим образом. Если встречный иск выступает в качестве средства защиты ответчика против первоначального требования, то следует говорить о приоритете подсудности встречного иска. На наш взгляд, в этих случаях встречный иск обязательно должен быть принят судом к своему рассмотрению независимо от того, имеется ли соглашение сторон, которое устанавливает подсудность требований, заявленных ответчиком во встречном иске. В противном случае не может быть правильно решен и первоначальный иск и, следовательно, вынесено законное и обоснованное судебное решение.

Если встречный иск не имеет цель защиты против первоначального иска, то рассмотрение требований, которые заявлены ответчиком во встречном исковом заявлении, должно быть

осуществлено в соответствии с заключенным соглашением о подсудности. Иное положение неминуемо приводит к ограничению прав сторон и противоречит принципу диспозитивности.

Вышеуказанные выводы находят свое подтверждение в судебной практике. Обобщая практику применения нижестоящими судами правил подсудности, судебная коллегия по гражданским делам Омского областного суда обращает внимание на то, что в части 1 статьи 31 ГПК РФ устанавливается, что иск к нескольким ответчикам, которые проживают или находятся в разных местах, предъявляется в суд по месту жительства или месту нахождения одного из ответчиков по выбору истца. Однако данная норма закона не изменяет правила об исключительной подсудности. Поэтому, если к нескольким ответчикам предъявлены связанные между собой требования, но на одно из них распространяются правила об исключительной подсудности, то по связи дел применению подлежит статья 30 ГПК РФ. Положения статьи 30 ГПК РФ действуют и при предъявлении встречного искового требования, на которое распространяются правила об исключительной подсудности.

Таким образом, подсудность встречного иска – это, прежде всего, подсудность дел, связанных между собой. Целесообразность выделения данных норм продиктована исключительно процессуальными соображениями. Это доказывает еще раз, что исключительная подсудность имеет приоритет перед подсудностью встречного иска.

-
1. Дергачев С.А. Встречный иск и договорная подсудность: Вопрос соотношения // Российский судья. 2010. № 8.
 2. Елисеев Н.Г. Подсудность дел, связанных с недвижимостью // Объекты гражданского оборота: сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007.
 3. Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2004.

Сведения об авторе

Гаврилова Наталья Викторовна
Слушатель 501 учебной группы факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: natali.natali95@yandex.ru

Научный руководитель:
Мельник Сергей Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент
Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 347.9

Гроза А.С.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Статья посвящена анализу основополагающих принципов и прав в сфере труда, установленных Конституцией Российской Федерации, исследуется вопрос их соответствия международным трудовым стандартам и Концепции достойного труда. Рассматриваются механизмы воплощения конституционных принципов в трудовом законодательстве России, а также проблема соответствия норм Трудового кодекса РФ конституционным принципам и правам в свете последних изменений трудового законодательства.

Ключевые слова: принципы права, право на труд, свобода труда, принудительный труд, дискриминация, охрана труда, работник, работодатель.

Особое место среди принципов права занимают принципы, закрепленные в Конституции РФ. В Основном законе страны содержатся самые общие и основные принципы права, на основе которых происходит развитие всего отраслевого законодательства, системы права и, естественно, принципов низших уровней и видов. Таким образом, принципы, закрепленные в Конституции РФ, являются основными, а их выделение из общей классификации (общей системы) вполне обоснованно и оправданно не только спецификой их

нормативного закрепления, но и содержанием этих конституционных принципов, определяющим основу всей правовой системы.

К общим конституционным принципам относятся: принцип законности, принцип приоритета и уважения прав и свобод личности, принцип справедливости, принцип демократизма, принцип равноправия, принцип верховенства Конституции и законов. Значение этих принципов заключается, в создании правовой основы регулирования отдельных областей отношений складывающихся в обществе, и в меньшей степени в их непосредственном (прямом) правовом регулировании. Это связано, в том числе и с тем, что многие из них не имеют легального определения и отражены в законодательстве косвенным образом.

В этой связи, необходимо согласится с мнением Н.В. Халдеевой, которая утверждает, что общие принципы в зависимости от сферы своего действия приобретают свое специфическое содержание [1, с. 227].

На территории Российской Федерации разработана основательная правовая база регулирующая труд и занятость граждан. Свое отражение вопросы в области труда и занятости находят в Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ, а также в Законе РФ от 19 апреля 1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

Согласно Конституции РФ «Российская Федерация – является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в котором каждый имеет право на защиту от безработицы».

Каждый гражданин имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

Согласно статье 1 Закона о занятости населения в РФ «гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному, творческому труду. Принуждение к труду в какой-либо форме не допускается, если иное не предусмотрено законом. Незанятость граждан не может служить основанием для привлечения их к административной и иной ответственности». Так, например, статьями 43 и 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрено в качестве наказания обязательные и исправительные работы. В

соответствии с УК РФ «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда».

Труд является в современном обществе категорией социальной, экономической, а также политической. Материальную основу любого общества составляет трудовая деятельность человека, которая в то же время развивает и преобразует самого человека. Все великие открытия, весь научно-технический прогресс общества, его цивилизация — это результат большого труда многих поколений людей. Труд определяет богатство общества и его развитие.

Человек и общество могут потреблять лишь то, что создано трудом. Чем выше организация труда, его техническая вооруженность, а следовательно, и его производительность, тем богаче общества.

По мнению Т.В. Соколовой, «традиционно понятие «труд» определяется как целесообразная деятельность людей, направленная на создание материальных и культурных ценностей» [2, с. 78].

Принципы трудового права невозможно свести к правам и обязанностям лишь только субъекта трудового права – работника. Регулирующее воздействие этих принципов охватывает все субъекты (в том числе работодателей, трудовые коллективы, а также их представительные органы).

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией РФ основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются следующие.

1. Принцип свободы труда, заключается в том, что каждый свободно выбирает или свободно соглашается на труд. Одна из социальных проблем является проблема свободы труда и она занимает одно из ключевых мест в жизни и мировоззрении многих поколений людей. Разрешение данной проблемы связано с обеспечением эффективной занятости трудоспособного населения, от чрезмерной эксплуатации чужого (наемного) труда и свободой от безработицы. Опыт показывает, что эксплуатация труда работников и безработица до сих пор являются неминуемыми и постоянными спутниками общественного производства. Но надо полагать, что социально-эффективный способ производства и демократическое государство может на деле реализовать полную и эффективную занятость трудоспособных граждан, разрешить проблему с безработицей и воплотить в реальности принцип свободы труда.

Как указывает О.А. Куницина, «принцип свободы труда означает, прежде всего, возможность каждого трудоспособного гражданина свободно распоряжаться своей способностью к труду (рабочей силой), выбирать род деятельности. Таким образом, этот принцип отражает сущностные свойства правовых норм, регулирующих привлечение трудоспособных граждан к труду в качестве наемных работников. Помимо статьи 37 Конституции РФ этот принцип выражен и в других нормативных актах трудового законодательства, закрепляющего право граждан на труд и обеспечивающего их занятость, ибо свобода труда немыслима без обеспечения занятости. В условиях рыночной экономики свобода труда и право на труд должны рассматриваться как объективно необходимые категории, взаимно дополняющие друг друга и определяющие правовые основы жизни и деятельности трудоспособных граждан» [3, с. 83].

Специфической социально-правовой чертой принципа свободы труда является то, что он выражает определенные отношения между работником и государством по поводу труда, при которых обеспечение работой выступает как объект права и обязанности. При этом обязанности государства по обеспечению занятости не противоречат данному принципу, а дополняют его необходимыми гарантийными свойствами.

Таким образом, данный принцип предполагает обеспечение эффективной занятости населения, выражает и сосредотачивает такие нормы трудового права, которые, предоставляя право на труд, гарантируют трудоустройство и устанавливают социальную привлекательность труда и стимулы для граждан.

2. Принцип запрещения принудительного труда является, во-первых, одним из базовых принципов международного и российского трудового права, который применяется в силу обязательства нашего государства, вытекающего из факта членства государств Международной организации труда (далее – МОТ), о чем прямо закреплено в Декларации МОТ 1998 года «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда». Данное обязательство действует вне зависимости от факта ратификации нашим государством Конвенции МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» 1957 года и Конвенции МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 года. Во-вторых, по сфере своего действия, принцип носит характер межотраслевого. В-третьих, принцип запрещения принудительного труда, отражает

государственную политику в области трудовых, а также непосредственно связанных с ними иных отношений.

В Трудовом кодексе РФ указано, что «принудительный труд – это выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе: в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности».

3. Следующий принцип – это принцип обеспечения свободы трудового договора, который выражает сущность большинства норм, регулирующих прием на работу, переводы граждан, а также их увольнения (раздел 3 Трудового кодекса РФ). Данный принцип заключается в том, что трудовые отношения определяются трудовым договором. Именно трудовой договор является основанием для возникновения, изменения и прекращения этих отношений. При помощи свободного трудового договора гражданин Российской Федерации, трудоспособного возраста, имеет право устроиться на работу и реализовать свое право на свободный труд. Согласно статье 72 ТК РФ «изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон трудового договора, за исключением случаев, предусмотренных Кодексом».

4. Принцип обеспечения равноправия в сфере труда и занятости и запрета дискриминации. Он закреплен в статье 3 Трудового кодекса РФ и конкретизируется во всех институтах трудового права.

Конвенция МОТ № 111 1958 года «О дискриминации в области труда и занятости» предусматривает искоренение всякой дискриминации в труде и занятости. Дискриминация определяется ею как всякое различие по признаку расы, пола, религии, политических убеждений, иностранного или социального происхождения или по любой другой причине, оговоренной государством-членом, и приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей при доступе к труду, занятости, профессиональному обучению и условиям труда.

Российское законодательство в сфере труда не приемлемы дискриминация и привилегии в труде каким-либо социальным группам. В связи с этим единство условий труда (как правового принципа) обозначает, что нормы, характеризующий высокий уровень условий труда, обязательны для всех организаций, принимающих граждан на работу по трудовому договору. Они распространяются независимо от области приложения труда, системы оплаты труда и характера выполняемых трудовых функций на всех работников.

5. Принцип обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них, право работодателей создавать объединения работодателей и вступать в них, характеризуется тем, что работники наделяются правом участвовать в управлении посредством проведения общих собраний (конференций) трудового коллектива, советов коллектива, профессиональные союзы и другие органы, уполномоченные вносить предложения по улучшению условий труда, а также учувствовать в решении вопросов социально-культурного и бытового характера (главы 5 и 6 Трудового кодекса РФ).

6. Принцип обеспечения права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное существование человека, а также его семьи, не ниже ежегодно устанавливаемого Федеральным законом минимального размера оплаты труда (МРОТ). Он закреплен в статье 37 Конституции РФ и получил отражение в статье 2 Трудового кодекса РФ. Трудовые доходы каждого работника определяются его личным вкладом с учетом конечных результатов работы организации, регулируются налогами и максимальными размерами не ограничиваются. Минимальный размер заработной платы в соответствии с трудовым законодательством означает, что месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда [4, с. 104].

Современное законодательство в сфере труда направлено на локальное регулирование заработной платы работников. Это касается не только рабочих, но и руководителей, специалистов и служащих. При оплате труда рабочих могут применяться тарифные ставки, оклады, а также бестарифная система, если работодатель и

представители работников сочтут такую систему наиболее целесообразной. Вид, система оплаты труда, размеры тарифных ставок, окладов, премий, иных поощрительных выплат, а также соотношение в их размерах между различными категориями персонала организации определяются самостоятельно и прописываются в локальных нормативных актах.

Оплата труда формируется, как правило, на основе должностных окладов, которые устанавливаются в соответствии с должностью и квалификацией. Но также может устанавливаться другой вид оплаты труда (в процентах от выручки, в долях от прибыли и иные). Можно полагать, что конкретизация должностных окладов и видов оплаты их труда осуществляется посредством трудового договора, заключаемого работодателем с гражданином.

7. Принцип обеспечения права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе отвечающие требованиям безопасности и гигиены, получил закрепление в статье 22 Трудового кодекса РФ, возлагая указанную обязанность на работодателя. По мнению некоторых ученых, под обеспечением безопасности труда понимается обязанность работодателя внедрять современные технические средства, предупреждающие производственный травматизм, и создавать санитарно-гигиенические условия, предотвращающие возникновение профессиональных заболеваний работников [5, с. 168].

8. Принцип обеспечения права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска конкретизируется и обеспечивается нормами институтов рабочего времени и времени отдыха. Законодательно он закреплен в пункте 5 статьи 37 Конституции РФ, а нормативно регулируется в разделе V Трудового кодекса РФ.

Трудовой кодекс закрепляет ряд иных принципов, таких как: принцип обеспечения права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту, принцип обеспечения права на обязательное социальное страхование, принцип обеспечения права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности. На основе этих основополагающих положений, соответствующих Конституции РФ и базовых международно-правовых актов разработано все российское законодательство.

Подводя итоги, необходимо отметить, что конституционные принципы регулирования отношений в сфере труда и занятости представляют собой двухуровневую систему; общие принципы составляют верхний уровень, а принципы, касающиеся непосредственно механизма правового регулирования – принципы межотраслевые, а также принципы, влияющие только на определенную сферу, более низший уровень. При этом принципы низшего уровня развивают и раскрывают положения принципов высшего уровня.

1. Халдеева Н.В. Современные международные и конституционные принципы в регулировании трудовых отношений // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: международная научно-практическая конференция (2013, Волгоград). Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013.
2. Соколова Т.В. Научные работники: понятие и правовое регулирование труда // Вестник Российской правовой академии. М.: РПА МЮ РФ. 2013. № 4.
3. Куница О.А. Свобода труда в системе конституционных принципов // Гражданин и право. М.: Новая правовая культура, 2012. № 2.
4. Петров А.Я. МРОТ как основная государственная гарантия заработной платы работников // Трудовое право. М.: Интел-Синтез, 2010. № 7 (125).
5. Вихров А.А., Князева Е.А. Проблемы обеспечения безопасных условий трудовой деятельности и охраны труда – конституционное их разрешение, локализация // Закон. Право. Государство. (Lex. Jus. Civitas.) СПб.: ГУАП. 2013. № 2.

Сведения об авторе

Гроза Александра Сергеевна
Студент магистратуры
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал)

УДК 349.2

Гущина Т.В.

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье дается общий анализ норм и судебной практики, касающихся банкротства граждан.

Ключевые слова: институт несостоятельности физических лиц, признаки несостоятельности граждан-потребителей, реструктуризация долгов, реализация имущества, права кредиторов.

До недавнего времени п. 2 ст. 231 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] отсылал к предполагаемому федеральному закону, который предусматривал бы специальные процедуры банкротства в отношении граждан. Последовавшие за принятием Закона разъяснения существовавшего на тот момент Пленума ВАС РФ несильно прояснили ситуацию: по мнению ВАС РФ, формула п. 1 ст. 231 Закона о банкротстве свидетельствовала о том, что гражданин (не являющийся индивидуальным предпринимателем) не может быть признан банкротом [2], при этом содержащиеся в Законе о банкротстве нормы, касающиеся банкротства гражданина (глава X), следовало применять в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей [3].

Следует отметить, что основная цель любого закона о банкротстве гражданина – возможность остановить погоню кредиторов за должником и простить либо частично списать безнадежные долги. Неурегулированность этого вопроса в России на практике означала, что граждане в принципе не имели возможности защититься от требований кредиторов и были обречены на преследования со стороны бывших партнеров. Тем не менее некоторым юристам все же удалось найти возможность защитить интересы своих клиентов. Так, в 2011–2013 годах советникам владельца Михайловского театра и фруктовой компании г-на Кехмана удалось отстоять интересы клиента в английском суде и доказать компетенцию суда в деле о банкротстве. Изобретательность юристов на деле оказалась простой: исковые требования обосновывались в том числе тем, что в Российской Федерации не существовало законов о

несостоятельности физических лиц [4]. Любопытно в этой связи, как будет рассмотрено дело с учетом принятия нового Закона.

Новые нормы были внесены Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника». Данные правила достаточно органично вписываются в Закон о банкротстве: Закон содержит четыре блока норм, затрагивающих банкротство физических лиц, индивидуальных предпринимателей, банкротство крестьянского (фермерского) хозяйства, а также норм, затрагивающих банкротство гражданина в случае его смерти. Указанные нормы являются специальными по отношению к Закону о банкротстве в целом, и в случаях, не урегулированных данными нормами, подлежат применению общие положения Закона о банкротстве (п. 1 ст. 213.1 Закона о банкротстве).

В Законе отмечается, что «гражданин предполагается неплатежеспособным при условии, что имеет место хотя бы одно из следующих обстоятельств:

гражданин прекратил расчеты с кредиторами, то есть перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил;

более чем десять процентов совокупного размера денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей, которые имеются у гражданина и срок исполнения которых наступил, не исполнены им в течение более чем одного месяца со дня, когда такие обязательства и (или) обязанность должны быть исполнены;

размер задолженности гражданина превышает стоимость его имущества, в том числе права требования;

наличие постановления об окончании исполнительного производства в связи с тем, что у гражданина отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание» [5].

В соответствии со статьей 213.6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», если имеются достаточные основания полагать, что с учетом планируемых поступлений денежных средств, в том числе доходов от деятельности гражданина и погашения задолженности перед ним, гражданин в течение непродолжительного времени сможет исполнить в полном объеме денежные обязательства и (или) обязанность

по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил, гражданин не может быть признан неплатежеспособным [6].

Как написано в юридическом энциклопедическом словаре, «гражданин – это лицо, принадлежавшее на правовой основе к определенному государству», а «физическое лицо – это субъект гражданского права, относящийся к категории граждан» или «это гражданин как субъект гражданского права. К физическим лицам относятся граждане, иностранные граждане, лица без гражданства» [7, с. 147].

Помимо суда, кредиторов (уполномоченных органов) и собственно гражданина, обновленный Закон о банкротстве вводит новое лицо – финансового управляющего. Роль финансового управляющего сводится к управлению процессом банкротства должника. Финансовый управляющий в определенных случаях, среди прочего, вправе предварительно одобрять сделки гражданина-должника, а также осуществлять определенные права от своего имени, к примеру, регистрировать переход или обременение прав гражданина на имущество, в том числе на недвижимость и ценные бумаги (п. 7 ст. 213.25 Закона о банкротстве).

Новые правила не предусматривают признаков «объективной» несостоятельности гражданина, то есть безусловного признания гражданина несостоятельным на основании объективных критериев. Напротив, несостоятельность гражданина определяется судом в зависимости от того, кто из заинтересованных лиц – гражданин, кредитор (уполномоченный орган) – инициирует процедуру несостоятельности.

Применение новых норм в законодательстве о банкротстве физических лиц с 2015 года даст возможность каждому гражданину, оказавшемуся в непростом финансовом положении, с учетом имеющихся материальных средств, выполнить обязательства перед кредиторами, восстановить свою платежеспособность.

Основной целью нового закона является предоставление гражданину, не сумевшему распланировать погашение своих долгов, возможности восстановить свое финансовое положение путем изменения первоначальных условий получения займа. Нововведения в Закон о банкротстве физических лиц предоставили значительные возможности как кредиторам для защиты нарушенных прав, так и для физических лиц, попавших в тяжелое материальное положение.

Процедура несостоятельности физических лиц новая, не имеет наработанной судебной практики. Несмотря на правильность введения процедуры банкротства граждан, в законе существует ряд спорных вопросов, практику применения которых еще предстоит создавать, разрабатывать, вносить поправки.

Безусловно, банкротство граждан несет в себе как положительные моменты для граждан, оказавшихся в тяжелой материальной ситуации, так и отрицательные последствия, прописанные как законодательно, так и возникающие в правоприменительной практике. В силу особенностей нашей страны, устоявшихся норм и правил как в сферах экономической жизни, так и социальной, может оказаться, что у гражданина, признанного банкротом, будут проблемы с получением кредита и по истечению пятилетнего срока, установленного законом, так как банки, скорее всего не захотят связывать свои отношения с потенциальными неплательщиками.

Также нужно предполагать, что банкротство даст негативный оттенок практически на все сферы жизни гражданина-банкрота. «Подводный камень» банкротства заключается в том, что заемщик теряет доверие, что также будет ограничивать число желающих вести дела с таким человеком. Конечно, степень распространения этого негатива станет понятна для всех только после наработки практики в данной области.

Процедура банкротства граждан эффективный инструмент прекращения обязательств, но только в руках квалифицированных специалистов. Должники не имеют достаточного опыта в применении вопроса о банкротстве физических лиц, поэтому в данной ситуации логичным будет привлечение специалиста – адвоката, для оказания помощи в подготовке пакета документов для подачи в арбитражный суд и последующее представление интересов должника на всех заседаниях. Стоимость услуг адвоката в случае банкротства физических лица не слишком высокая, поэтому естественным желанием адвоката при не очень высокой стоимости услуги набрать больше клиентов, что уменьшает внимание к каждому конкретному делу. И всё-таки пользование услугами специалиста это дополнительные траты, которые в сложившейся ситуации не к чему. Поэтому, чтобы заявление не осталось без движения в суде из-за недостаточности информации или неполноты прилагаемых документов, целесообразнее будет воспользоваться электронными ресурсами государственных органов, на которых в

свободном доступе размещена информация о перечнях необходимых документов, формы и бланки заявлений, реквизиты уплаты госпошлин, а также перечень часто задаваемых вопросов. Например, Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (bankrot.fedresurs.ru), Арбитражный суд Орловской области (<http://orel.arbitr.ru>), КонсультантПлюс – компьютерная справочно-правовая система в России (Consultant.ru).

Одной из недоработок закона является то, что законодатель не ввел существенные для должника неблагоприятные последствия личного банкротства, которые заинтересовывали бы его исполнять обязательства, не прибегая к банкротству. Те последствия, которые установлены законом, не заставляют гражданина принимать значительных мер для избежания статуса банкрота.

В условиях непростой экономической обстановки, когда многие заемщики лишились возможности исправно погашать долги, принятие банкротства безусловный выход из ситуации. Но нельзя все случаи подводить под единый критерий.

Так, например, не может быть обращено взыскание по исполнительным документам на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, но этим имуществом может быть дом в несколько сот квадратных метров, а не типовая квартира. Соответственно, при исключении случаев внесения имущества в конкурсную массу точнее было бы установить нормы жилищной площади согласно ЖК РФ, а не общее понятие единственного жилья. Ведь рыночная стоимость такого объекта может в разы превышать имеющиеся долги гражданина и суммы, полученной в процессе реализации, может хватить как для покрытия долга, так и для приобретения наиболее бюджетного варианта жилья.

На данный момент нет единого порядка в вопросе отнесения имущества должников к предметам роскоши и богатства.

Процедурой реализации имущества занимается финансовый управляющий, без которого должник не сможет реализовать процедуру банкротства. Услуги финансового управляющего подлежат оплате, оплата составляет десять тысяч рублей, в дальнейшем финансовый управляющий получает на свой счет по два процента от реализованного

имущества, вознаграждение управляющему выплачивается по истечении соответствующей процедуры.

Процедура банкротства длится достаточно продолжительный период времени и требует от управляющего выполнения большого объема работы, надо изучить финансовое положение гражданина, провести анализ совершенных им сделок и сделать выводы об их оспаривании. Конечно, десять тысяч рублей не самая правильная сумма в данном случае.

Естественно, что за такие деньги арбитражный управляющий вряд ли согласится провести процедуру банкротства физического лица, тем более что административная ответственность за недобросовестное исполнение своих обязанностей в виде штрафа превышает указанную сумму в несколько раз. Основная проблема это размер оплаты вознаграждения, установленный на законодательном уровне. Соответственно решением проблемы является увеличение фиксированной выплаты финансовому управляющему путем создания страхового фонда, взносы в который будут поступать при открытии кредитной истории.

Процедура банкротства достаточно дорогостоящий процесс. Необходимо заплатить госпошину в размере шести тысяч рублей, деятельность финансового управляющего, истцу придется оплатить все расходы на пути получения статуса несостоятельности. Сбор пакета документов не бесплатный, большая часть справок подлежит оплате. При этом необходимо предоставить суду документы, свидетельствующие, что у гражданина есть финансовая возможность для проведения процедуры банкротства, в противном случае дело не будет подлежать рассмотрению. Точная сумма расходов на проведение процедуры не прописана, но по предварительным данным большинства специалистов стоимость процедуры банкротства будет составлять примерно от ста до трехсот тысяч рублей. Как показывает практика первых поступивших заявлений о получении статуса банкрота, в арбитражный суд обращаются граждане с существенными суммами долга для простого человека. Иски, поданные банками-кредиторами в отношении должников, также содержат огромные суммы. По мнению большинства экспертов, минимальные суммы, при которых издержки банков на процедуру банкротства будут оправданы – от трех миллионов рублей.

В Орловской области Арбитражным судом нарабатывается судебная практика применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Так уже вынесены решения о признании граждан – физических лиц банкротами.

7 апреля 2016 г. гражданка В.Г.Н. обратилась в Арбитражный суд Орловской области с заявлением о признании банкротом, в котором просит признать ее банкротом и ввести в отношении должника процедуру реализации имущества гражданина, утвердить финансового управляющего из числа членов Ассоциации МСРО «Содействие». Определением Арбитражного суда Орловской области от 13 мая 2016 г. после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения, заявление должника было принято к производству, возбуждено производство по делу № А48-2034/2016 [8]. В обоснование заявленных требований должник ссылается на положения п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве, указывает, что сумма просроченной задолженности перед кредиторами (с учетом последнего уточнения от 11 мая 2016 г.) составляет по просроченному основному долгу 232 023 067,07 руб., по просроченным процентам – 69 438 406, 26 руб., общая сумма задолженности, учитываемая для возбуждения дела о банкротстве составляет 301 461 473, 33 руб. Размер задолженности превышает стоимость принадлежащего имущества. С учетом планируемых поступлений денежных средств должник не сможет исполнить в полном объеме свои денежные обязательства. Причиной возникновения задолженности является отсутствие источников поступления денежных средств. В судебном заседании должник требования поддержал, на основании п. 8 ст. 213.6 Закона о банкротстве заявил ходатайство о признании его банкротом и введении процедуры реализации имущества должника без реструктуризации долгов, указал, что должник с учетом его доходов не в состоянии погасить имеющуюся кредиторскую задолженность. Изучив представленные доказательства, арбитражный суд считает установленными следующие обстоятельства. В.Г.Н. не является индивидуальным предпринимателем, что подтверждается справками налогового органа от 4 апреля 2016 г. Из списка кредиторов должника следует, что размер задолженности перед кредитором – АО «Россельхозбанк» составляет 349 191 689,34 руб. При этом, из представленных в материалы дела доказательств и пояснений должника от 11 мая 2016 г. следует, что размер просроченной задолженности должника по основному долгу составляет по просроченному основному

долгу 232 023 067, 07 руб., по просроченным процентам – 69 438 406,26 руб. Сумма задолженности по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, выплате компенсации сверх возмещения вреда, оплате труда работников и выплате им выходных пособий, выплате вознаграждения авторов результатов интеллектуальной деятельности отсутствует. Согласно справке МИ ФНС № 6 по Орловской области от 20 апреля 2016 г. исх. № 145 о состоянии расчетов по налогам, сборам, пеням, штрафам, процентам физических лиц, не являющихся индивидуальным предпринимателем, задолженность по основным платежам отсутствует. При этом удовлетворение требований одного из кредиторов (нескольких кредиторов) приведет к невозможности исполнения заявителем денежных обязательств в полном объеме перед другими кредиторами. Как усматривается из представленных должником документов (список кредиторов должника), у него задолженность перед АО «Россельхозбанк» образовалась на основании поручительства по кредитным договорам от 15 августа 2006 г. № 061000/0390-9, от 17 июля 2007 г. № 071000/0111-9. Как следует из заявления должника, на момент подачи заявления о признании его банкротом и в настоящее время должник не имеет принятых к производству судами общей юрисдикции, арбитражными судами, третейскими судами исковых заявлений. Должник указал, что состоит в браке (свидетельство о заключении брака), имеет дочь 2001 г. р. Кроме того, должник указал, что между супругами был подписан договор раздела имущества между супругами 6 апреля 2011 г., который был удостоверен нотариусом Свердловского нотариального округа Орловской области. Как следует из справки УФССП России по Орловской области от 4 июля 2016 г. исх. № 57907/16/9048, в отделе судебных приставов по Покровскому и Свердловскому районам УФССП по Орловской области сводное исполнительное производство № 5653/15/57017 в отношении В.Г.Н., в состав которого входит 7 исполнительных производств на общую сумму задолженности 349 200 522,67 руб. Согласно справке от 25 апреля 2016 г. исх. № 010-39-21/2248 года задолженность перед взыскателем ОАО «Россельхозбанк» по просроченному основному долгу и процентам составляет 301 461 473,33 руб. Также должник указал, что за три года до даты подачи настоящего заявления им не совершались сделки с недвижимым имуществом, ценными бумагами, долями в уставном капитале, а так же сделки на сумму свыше трехсот тысяч рублей. Расценивая свое финансовое положение как не позволяющее выплатить

задолженность перед кредиторами в связи с отсутствием имущества, гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом). Согласно статье 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Арбитражный суд, оценив относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности, приходит к выводу о признании должника несостоятельным (банкротом). Признать должника – В.Г.Н. банкротом и ввести процедуру реализации имущества гражданина на 6 месяцев. Утвердить финансовым управляющим Жердева Валерия Максимовича, члена Ассоциации МСРО «Содействие». Утвердить финансовому управляющему Жердеву В.М. единовременное вознаграждение в размере 10 000 руб. С даты принятия настоящего судебного акта наступают последствия, предусмотренные ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». На основании положений п. 3 ст. 213.24 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установить временное ограничение права на выезд из Российской Федерации. Привлечь к участию в рассмотрении дела о банкротстве гражданина орган опеки и попечительства. Направить копию настоящего решения гражданину, признанному банкротом, финансовому управляющему, саморегулируемой организации, главному судебному приставу Орловской области, судебному приставу по месту нахождения должника; суд общей юрисдикции (мировой судья и районный суд) по месту жительства должника и нахождения принадлежащего должнику недвижимого имущества, Управлению Федеральной миграционной службы по Орловским области, в пограничные органы (Управление пограничного контроля Пограничной службы ФСБ России), орган по контролю (надзору), орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним по месту нахождения должника или по месту нахождения недвижимого имущества должника (Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Орловской области), Администрации Свердловского района Орловской области.

4 июля 2016 года С.Е.С. обратилась в Арбитражный суд Орловской области с заявлением, в котором просит признать ее банкротом и ввести процедуру реализации имущества; утвердить финансового управляющего из числа членов Ассоциации «Межрегиональной саморегулируемой организации арбитражных управляющих «Содействие». Из заявления должника следует, что размер задолженности должника, учитываемой для целей возбуждения дела о банкротстве, составляет 1 771 375,55 руб. Определением Арбитражного суда Орловской области от 11 июля 2016 г. заявление должника было принято к производству, возбуждено производство по делу № А48-4173/2016 [9]. В обоснование заявленных требований должник ссылается на положения п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве, указывает, что прекратил расчеты с кредиторами по денежным обязательствам, размер задолженности перед кредиторами в совокупности составляет 1 881 405,82 руб., из них размер задолженности должника, учитываемой для целей возбуждения дела о банкротстве, составляет 1 771 375,55 руб. Размер задолженности превышает стоимость принадлежащего имущества. С учетом планируемых поступлений денежных средств должник не сможет исполнить в полном объеме свои денежные обязательства. Причиной возникновения задолженности является отсутствие источников поступления денежных средств. Должником на основании п. 8 ст. 213.6 Закона о банкротстве заявлено ходатайство о признании его банкротом, поскольку имеющаяся задолженность не подлежит реструктуризации по причине несоответствия должника требованиям пункта 1 статьи 213.13 Закона о банкротстве, так как последний не имеет источника дохода, позволяющего исполнить план реструктуризации его долгов; должник указал, что у него отсутствует источник дохода. На судебном заседании представитель должника заявленные требования поддержал, уточнил заявленное ходатайство об истребовании доказательств: просит истребовать у АО «Тинькофф Банк» справку о наличии счетов, вкладов в банке, остатков денежных средств на счетах, выписку за трехлетний период по каждому из открытых на имя С.Е.С. счетов, копию договора на основании которого С.Е.С. была выдана банковская карта, справку о размере и составе задолженности С.Е.С. перед банком (с указанием общей задолженности суммы, суммы основного долга, начисленных процентов, неустоек, штрафов, процентов). В соответствии с нормами статьи 66 АПК Российской Федерации лицо, участвующее в деле и не имеющее возможности

самостоятельно получить необходимое доказательство от лица, у которого оно находится, вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайство об истребовании данного доказательства. В материалы дела представлены доказательства, свидетельствующие о невозможности самостоятельного получения испрашиваемых им документов и сведений непосредственно у кредитных организаций. С учетом изложенного, суд приходит к выводу об удовлетворении заявленного ходатайства должника об истребовании доказательств, поскольку гражданин самостоятельно не может получить испрашиваемые доказательства, а они необходимы для рассмотрения поданного им заявления о признании банкротом. Изучив представленные доказательства, арбитражный суд признал должника – гражданку С.Е.С. банкротом и ввел процедуру реализации имущества гражданина.

Таким образом, гражданин вправе подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

В России в настоящее время появился механизм, который позволит гражданам освободиться от неподъемных долгов, однако новые положения законодательства о банкротстве физических лиц не исключают возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных заемщиков.

-
1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
 2. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума ВАС Рос. Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 3. О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: Постановление Пленума ВАС Рос. Федерации от 30 июня 2011 г. № 51. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы [Электронный ресурс] // Закон. 2014. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
6. Малько А.В. Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., М.: Проспект, 2015. С. 147.
7. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/9f7568dc-a4e8-470b-9b5e-9c7a850877e9/A48-2034-2016_20160715.
8. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f436e7e9-5600-4c9a-bef8-3f55b236e408/A48-4173-2016_20160815.

Сведения об авторе

Гущина Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры гражданского процесса
(Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева)
E-mail: tanyagushchina@mail.ru

УДК 347

Ермакова А.Л.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу особенностей отправления правосудия Европейским судом по правам человека, а также вопросам отнесения правовых позиций Европейского суда к прецедентному праву.

Ключевые слова: прецедентное право, Европейский суд по правам человека, Конвенция о правах человека, отправление правосудия.

Во многих спорных вопросах Европейский суд «усовершенствовал», сформировал концепцию справедливого судебного разбирательства, определив в качестве дополнительных условий к отправлению правосудия ряд гарантий, которые конкретно не были определены в тексте в Конвенции, но следуют из широкого понимания ее норм. Такие полномочия добровольно предоставляются им участниками данного международного договора (ст. 32).

Как отмечается в литературе, прецедентная практика Европейского суда в данном случае выходит за пределы толкования правовой нормы как процесса уяснения права для себя и разъяснения его для других для определения и установления действенных гарантий защиты конвенционного права на справедливое судебное разбирательство [1, с. 28-23]. В чем и проявляется общий подход учрежденных Конвенцией органов к интерпретации ее положений: толкование ее норм исходит из их цели, а формулировкам ее положений придается автономный смысл [2, с. 13].

Применительно к праву на справедливое судебное разбирательство конвенционные нормы раскрываются Европейским судом шире, чем это следует из буквального смысла их текста. Анализ его практики, содержащей прецеденты толкования положений ст. 6 и ст. 13 Конвенции, позволил выделить следующие европейские стандарты отправления правосудия.

1) Недопустимость выборочного ограничения или отмены судебного контроля.

Как уже отмечалось, государство должно гарантировать каждому лицу, имеющему с ним правовую связь, право на рассмотрение дела с помощью производства, имеющего атрибуты судебной формы контроля. Государство не может безоговорочно и бесконтрольно изъять из юрисдикции судов целую группу гражданских исков или освободить определенную категорию лиц от всякой ответственности, не проигнорировав при этом принцип верховенства права в демократическом обществе и п. 1 ст. 6 Конвенции [3, с. 80-84].

Таким образом, если законом предусмотрен несудебный (к примеру, административный) порядок разрешения споров, должно

соблюдаться одно из требований: либо органы, принимающие первоначальное решение, должны соответствовать предусмотренным стандартам отправления правосудия, либо их решения должны подвергаться последующему контролю со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой полномочий и призванного обеспечить соблюдение указанных требований [4, с. 123].

В случае иного толкования государства-участники Конвенции были бы свободны, не нарушая принятых на себя обязательств, упразднить судебные органы или вывести из их юрисдикции определенные категории дел. Такая ситуация граничит с произвольным лишением лиц права на судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов, что сделало бы закрепление норм ст. 6 в Конвенции бесполезным, априори неэффективным.

2) Доступ в судебные инстанции.

Право на доступ к правосудию рассматривается Европейским судом в качестве неотъемлемого элемента права на суд [5, с. 39-80]. Для того, чтобы реализация данного права была действительно эффективной, лицо должно располагать четкой и реально осуществимой возможностью оспорить в суде любое действие (бездействие), затрагивающее его права и интересы.

Требование доступности правосудия следует из положений Конвенции в силу самого закрепления права на суд. Так как гарантии справедливости судебной процедуры не имеют смысла без практической возможности ее инициировать и принимать в ней участие.

Исполнение государствами принятых на себя обязательств в части обеспечения доступности правосудия рассматривается Европейским судом в двух аспектах: 1) недопущение препятствий к реализации лицами права на суд, 2) совершение необходимых позитивных действий для создания условий, облегчающих доступ заинтересованных лиц к судебной защите.

К типичным обстоятельствам, препятствующим доступу в судебные инстанции, отнесены:

- усложненные или формализованные процедуры принятия и рассмотрения заявлений,
- чрезмерно короткие сроки для обращения в суд,
- ограничение или лишение определенного лица (категории лиц) права самостоятельно инициировать возбуждение дела,

- отсутствие возможности обжаловать в суде решение (действие), затрагивающее права и законные интересы лица,
- высокие ставки судебных пошлин,
- недоступность квалифицированной юридической помощи (по сложным делам или если законом предусмотрено обязательное наличие защитника),
- отсутствие упрощенных процедур рассмотрения несложных дел и дел о правах, требующих оперативной защиты, и др.

Совершение государством-участником Конвенции позитивных действий, направленных на обеспечение доступа к правосудию, может выражаться в деятельности его органов различных ветвей власти. К примеру, законодательные органы компетентны закрепить структуру судебной системы, обеспечивающую территориальную доступность судов, установить оптимальный порядок возбуждения судебного разбирательства, предусмотреть упрощенные процедуры рассмотрения определенных категорий дел, систему льгот по уплате судебных пошлин, предусмотреть основания и механизм получения бесплатной квалифицированной юридической помощи и др.

Органы судебной власти, в свою очередь, способны создать дополнительные условия доступности правосудия: обеспечить доступ к информации о порядке деятельности суда, предусмотренных законом требованиях к обращению в суд (включая сроки), ходе судебных разбирательств, процедуре исполнения судебных решений и др.

Тем не менее, право на доступ к суду не рассматривается Европейским судом как абсолютное – оно может быть ограничено в интересах надлежащего отправления правосудия. В частности, такие ограничения могут быть предусмотрены законом в отношении лиц, склонных к сутяжничеству, душевнобольных на время их лечения, а также в других исключительных случаях, преследующих легитимную цель.

К примеру, не вызывает возражений установление национальным законодательством пресекательных процессуальных сроков, возможности добровольного отказа от судебной процедуры разбирательства споров (в частности, по соглашению сторон об обращении к третейскому суду). Однако недопустимым ограничением доступа к суду рассматривается отказ в правосудии, связанный с недостатками законодательного регулирования: отсутствием компетенции у национальных судов по рассмотрению определенных

категорий требований, нечетким разрешением вопросов подведомственности и др.[6, с.76-83]

Таким образом, право на доступ к суду не является абсолютным и может ограничиваться на законном основании самими участниками спора, национальным судом или законодательством. При этом вводимые государством ограничения доступа к правосудию должны преследовать законную цель, быть соразмерными ей с точки зрения используемых средств, учитывать баланс публичных и частных интересов и не должны абсолютно лишать лицо права на судебную защиту, наносить ущерб самой его сути.

3) Состязательность и равенство сторон.

Концепция справедливого судебного разбирательства, сформулированная в положениях Конвенции и правовых позициях Европейского суда, исходит из необходимости достижения «справедливого баланса» между сторонами процесса [7, с. 107-114].

То есть каждому из участвующих в деле лиц должны быть гарантированы равные возможности по отстаиванию своей позиции. Для этого за участниками процесса признается право ознакомиться с доказательствами до начала рассмотрения дела в судебном заседании, а также выразить свое мнение относительно наличия, содержания и подлинности представленных доказательств заблаговременно в письменном виде (при необходимости).

Также к гарантиям состязательности и равенства сторон относятся такие процессуальные правомочия, как право вызова и проведения перекрестного допроса свидетелей, возможность ответить на письменные объяснения оппонента суду и др. [8, с. 75-76]. Потому национальные суды должны контролировать неукоснительное исполнение сторонами обязанности по заблаговременному раскрытию доказательств друг перед другом.

Действие начал состязательности процесса и равноправия сторон распространяется и на сведения секретного характера, а также содержащиеся в документах, изготовленных иными (помимо участвующих в деле) лицами. Сторонам должен быть обеспечен доступ к таким материалам, при этом государство может установить особую процедуру ознакомления с ними.

Кроме того, в заведомо невыгодном положении в процессе может оказаться лицо, не владеющее языком, на котором ведется судебное разбирательство. В связи с этим ему должна быть предоставлена

возможность ознакомиться с материалами дела и представленными доказательствами в переводе на понятный ему язык.

Таким образом, каждый из участников судебного разбирательства должен иметь реальную возможность представить свой взгляд на дело в условиях отсутствия у кого-либо явного преимущества в процессе. Для этого каждое участвующее в деле лицо должно быть уведомленным о замечаниях и доказательствах, представленных оппонентом, иметь возможность прокомментировать их, а также представить свои доводы и возражения.[9]

Тем не менее, п. 1 ст. 6 Конвенции не требует от стран-участниц закрепления чистой состязательной модели процесса в национальной судебной системе [10, с. 176]. Право на справедливое судебное разбирательство предполагает наличие такого характера судопроизводства, который дает сторонам принципиальную возможность представлять доказательства в защиту своей позиции, быть информированными обо всех приобщенных к делу материалах и доказательствах, делать замечания, представлять возражения на доводы другой стороны с целью оказать воздействие на решение суда. Национальное законодательство может закрепить такой характер процесса по-разному, но избранный способ должен гарантировать участникам разбирательства равные возможности защиты.

Следует отметить, что Европейский суд также признает нарушением права на справедливое судебное разбирательство издание государственным органом нормативного правового акта, изменяющего правовое регулирование спорных правоотношений, с целью предвосхитить благоприятный для государства результат судебного разбирательства, в котором оно выступает в качестве стороны. Такое вмешательство, предрешающее исход спора, нарушает стандарты состязательности и равенства, а также гарантии независимости суда, обязанного разрешить дело на основе действующего законодательства.

4) Мотивированность принимаемого по делу судебного акта.

Данный европейский стандарт судебного разбирательства требует от национальных судов приведения обоснования принимаемых судебных актов по любым категориям рассматриваемых ими дел.

По критерию мотивированности окончательного судебного акта (в числе ряда других обстоятельств) определяется степень обеспеченности равного процессуального положения сторон и гласности судопроизводства.

Нарушением права на справедливое судебное разбирательство может быть признана ситуация, когда национальным судом при принятии судебного акта проигнорированы доводы, представленные одной из сторон. К примеру, это имело место в одном из дел, рассмотренных Европейским судом в отношении Российской Федерации, – основной довод заявителей был оставлен за рамками судебной проверки и, следовательно, не был рассмотрен по существу [11, с. 46]. Такое исключение было квалифицировано как невыполнение национальным судом обязанности обосновать свое решение и обеспечить соблюдение принципов справедливости и равенства сторон, что нарушило право на справедливое судебное разбирательство.

Тем не менее Европейский суд не исходит из толкования требования мотивированности как предполагающего подробный ответ суда на каждый тезис, высказанный участвующим в деле лицом. Немотивированными признаются лишь чрезмерно «лаконичные» судебные постановления, оставляющие повод для неясности причин (мотивов, оснований) разрешения судом отдельного вопроса или спора в целом именно таким образом, как это было сделано. Кроме того, учитываются различия национальных правовых систем в сфере законоположений, обычаев, доктринальных концепций оформления и составления (изложения) судебных решений и постановлений [12, с. 39].

5) Принцип правовой определенности.

Государства-участники Конвенции свободны в выборе средств и способов организации судебной защиты прав и свобод на национальном уровне. При этом они обязуются обеспечить стабильность правового положения лиц, обратившихся за такой защитой. В связи с этим одним из важнейших стандартов судебного разбирательства, обеспечивающих его справедливость (в широком понимании), является принцип правовой определенности, характеризуемый Европейским судом как один из фундаментальных аспектов верховенства права.

Требование правовой определенности не допускает пересмотра окончательного вступившего в законную силу судебного акта, если такой пересмотр обусловлен только наличием противоположных точек зрения сторон по одному вопросу и нацелен на получение иного решения по спору (то есть является скрытой формой обжалования).

Вышестоящие национальные суды могут использовать свои полномочия по отмене или изменению вступившего в законную силу судебного акта только с целью исправления фундаментальных

нарушений, когда этого требуют обстоятельства существенного и непреодолимого характера. В связи с этим национальным институтам надзорного производства неоднократно была дана критическая оценка [13, с. 130-156].

Как отмечал судья Европейского суда Х. Розакис, «...правовая определенность – не теоретический постулат, а ожидание того, что окончательное судебное решение будет уважаться. Когда решение, вступившее в силу, субъективно, необоснованно аннулируется, то не только страдают правовая определенность, эффективность, но и становится иллюзорным право на суд» [14, с. 79-80].

Таким образом, справедливость судебного разбирательства заключается не только в соблюдении стандартов его проведения и доступности судебной защиты как таковой, но и в стабильности принимаемого по делу акта, его неукоснительном исполнении. Из этого также следует связь принципа правовой определенности с требованием обязательности исполнения (и как таковой исполнимости) судебных решений, принимаемых национальными судами.

б) Обязательность исполнения вынесенных судебных решений.

Европейский суд неукоснительно придерживается своей устоявшейся правовой позиции относительно обязательности исполнения окончательных судебных актов. В случае иного толкования права на справедливый суд гарантии вынесения законного, обоснованного, справедливого решения теряют всякий смысл, так как неисполнение принятого судом акта свидетельствует о незавершенности судебной процедуры.

«Право на суд было бы иллюзией, если бы правовые системы Договаривающихся Государств допускали, чтобы окончательное и обязательное судебное решение оставалось недействующим в ущерб одной из сторон [15, с. 147]. Было бы непостижимым, если бы статья 6 (п. 1) должна была описывать детально процессуальные гарантии, предоставленные спорящим сторонам..., не защищая при этом выполнение судебных решений». Такая ситуация несовместима с принципом верховенства права, который обязались соблюдать страны-участницы Конвенции.

Таким образом, неисполнение судебного решения (или иного окончательного судебного акта), согласно толкованию Европейского суда, составляет такое же нарушение права на справедливое судебное

разбирательство, как и воспрепятствование возбуждению последнего или нарушение установленной процедуры.

В свете Конвенции процесс исполнения судебного акта рассматривается в качестве неотъемлемой части «права на суд». Исходя из этого, при определении степени разумности срока судебного разбирательства принимается во внимание срок исполнения окончательного судебного акта [16, с. 431]. Данное требование необходимо учитывать при разрешении национальными судами вопросов об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения судебных решений, а также при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей.

Кроме того, следует отметить, что ни один должник, в том числе государство, не вправе ссылаться на отсутствие средств в оправдание неисполнения судебного решения. В случае, если бы данная причина признавалась уважительной, нормы ст. 6 Конвенции были бы лишены какого-либо полезного эффекта, а их закрепление утратило бы смысл.

7) Критерии допустимости доказательств.

Следует уточнить, что положения ст. 6 Конвенции не устанавливают конкретных правил допустимости доказательств. В связи с этим Европейский суд неоднократно отмечал, что оценка обстоятельств дела с точки зрения фактического содержания доказательств, исследованных при рассмотрении дела национальным судом, не входит в его компетенцию. Вопрос допустимости доказательств, главным образом, регулируется национальным законодательством, и, по общему правилу, именно национальные суды призваны провести надлежащую оценку [17, с. 443].

Тем не менее, при решении вопроса о справедливости судебного разбирательства в целом имеет значение допустимость доказательств, на которых было основано решение национальных судов. Европейским судом была выработана следующая правовая позиция: приобщение к делу незаконно полученных доказательств будет являться нарушением права на справедливое судебное разбирательство только в том случае, если окончательный судебный акт в большей степени основан на указанных доказательствах, а заявитель был лишен возможности оспорить их достоверность и факт использования.

Необходимо отметить, что при решении вопроса о допустимости представленных доказательств Европейский суд во всех случаях оценивает их роль в доказательственной базе по делу в целом.

Таким образом, по результатам исследования содержания концепции «права на справедливое судебное разбирательство» в правовом пространстве европейского региона, можно резюмировать следующее.

В рамках выработанной на данный момент совокупности европейских стандартов отправления правосудия условно могут быть выделены две группы: закрепленные непосредственно в тексте Конвенции и выявленные Европейским судом по правам человека в ходе толкования норм о праве на справедливое судебное разбирательство.

Минимальный круг признаков справедливости (в широком смысле) судебного разбирательства включает в себя следующие стандарты:

- независимость и беспристрастность суда (как с субъективной, так и с объективной точки зрения);
- публичность разбирательства, за исключением особых обстоятельств рассмотрения дела;
- разумность срока рассмотрения дела (включая обязательное досудебное разбирательство и исполнение принятого судебного акта);
- разбирательство дела созданным на основании закона судом, обладающим и использующим полномочия на рассмотрение соответствующей категории дел;
- недопустимость отмены или ограничения судебного контроля в определенных сферах или в отношении определенных категорий дел;
- обеспечение реально осуществимого доступа к национальным судебным инстанциям и участию в рассмотрении дела;
- «справедливый баланс», равные процессуальные возможности для участников состязательного процесса (в том числе право лица на участие в судебном разбирательстве на понятном и доступном ему языке общения);
- соблюдение условий допустимости доказательств, положенных в основу принимаемого по делу судебного акта;
- мотивированность судебных актов, принимаемых в ходе рассмотрения дела национальными судебными инстанциями;
- максимальное сокращение периода правовой неопределенности для лица, чьи права и свободы нарушены или незаконно ограничены;

- обеспечение реального исполнения вынесенного по делу окончательного судебного акта.

Перечисленные стандарты отправления правосудия стали одним из результатов активного международного сотрудничества в сфере защиты прав человека. Их предназначение – определить ту минимальную планку, ниже которой не должно опускаться правовое государство, если оно решило предоставить лицам, находящимся под его юрисдикцией, действенную и реальную защиту со стороны закона. Такое государство принимает на себя дополнительные обязательства: не только устанавливать правила получения защиты и соблюдать их, но и допустить возможность внешнего наблюдения за данным процессом, прислушиваться к замечаниям, устранять недостатки, заметные со стороны, и недопускать их возникновения впредь.

Таким образом, становится очевидным, что цель признания данных стандартов вполне отвечает интересам «источника власти» Российского государства – людей, участвующих в правоотношениях индивидуально или коллективно, сталкивающихся с проблемами функционирования институтов публичной власти или неуважением к закону со стороны «частных» лиц. Однако признание еще не означает применение. Последнее требует создания правовых механизмов, необходимых для реализации этих международных и национальных норм на практике.

-
1. Жилин Г.А. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 1. С. 28-33.
 2. Мак-Брайд Дж. Понятие справедливого судебного разбирательства и его основные элементы // Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / Под общ. ред. А.В. Деменевой. Екатеринбург, 2004.
 3. Постановление ЕСПЧ от 30.01.2003 по делу «Кордова (Cordova) против Италии» // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2003 год. М., 2005.
 4. Постановление ЕСПЧ от 27.05.2003 по делу «Кришан (Crisan) против Румынии» // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2003 год. М., 2005.

5. Постановление от 21.02.1975 по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 39-80.
6. Постановление ЕСПЧ от 22.12.2009 по делу «Безымянная (Bezmyannaya) против РФ» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2010. № 5.
7. По делу «Делькур (Delcourt) против Бельгии»: Постановление ЕСПЧ от 17 января 1970 г. Пункт 25.
8. Постановление ЕСПЧ от 18.10.2007 по делу «Стадухин (Stadukhin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2008. № 2.
9. Пункт 99 Постановления ЕСПЧ от 14.12.2006 по делу «Маркович (Markovic) и другие против Италии» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Пункт 33 Постановления ЕСПЧ от 20.02.1996 по делу «Вермюлен (Vermeulen) против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000.
11. Постановление от 11.01.2007 по делу «Кузнецов (Kuznetsov) и другие против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 7.
12. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007.
13. Постановление от 25.07.2002 по делу «Совтрансавто-Холдинг» (SovtransavtoHolding) против Украины» // Журнал российского права. 2003. № 9.
14. Нешатаева Т.Н. Соответствовать требованиям европейских стандартов // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сб. науч. статей. СПб., 2004.
15. Судебное решение от 07.05.2002. Дело «Бурдов против Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8.
16. Постановление от 19.03.1997 по делу «Хорнсби (Hornsby) против Греции» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000.
17. Пункт 50 Постановления ЕСПЧ от 23.04.1997 по делу «Ван Мехелен (VanMechelen) и другие против Нидерландов» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000.

Сведения об авторе

Ермакова Алина Леонидовна
Курсант 401 учебной группы факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Научный руководитель:
Мельник Сергей Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент
Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 343.1

Жиляева С.К.

К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СОЖИТЕЛЕЙ

Автор в статье отмечает, что в последние годы значительно возросло число лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, т.е. «сожителей». В работе проанализированы проблемные вопросы, возникающие при разделе имущества лиц, не состоящих в зарегистрированном браке.

Ключевые слова: раздел имущества, брак, фактические брачные отношения, «гражданский брак».

В начале двадцать первого века количество людей, проживающих в фактическом браке, растет по всему миру. Если в США в 1960-е гг. около 5 % детей рождались вне брака, в 1980 году эта цифра достигла уже 18 %, то в 2009 – 41 %. В Европе, где в течение последних десятилетий также наблюдался рост фактических браков, по данным Евростата в 2011 году 37,3 % всех родов в 27 странах ЕС были внебрачными. Современное российское общество не является исключением. Зачастую люди живут вместе, ведут общее хозяйство, рожают и воспитывают совместных детей, но по различным причинам не

желают оформлять официально свои отношения. Имеются различные версии причин проживания именно незарегистрированным браком: нежелание обременять себя ответственностью; отсутствие времени для процедуры оформления законного брака; попытка, таким образом, лучше узнать друг друга; боязнь вступления в новый брачный союз; для подтверждения и проверки любви; «штамп в паспорте ничего не меняет» и многие другие доводы [1].

Действительно, незарегистрированный брак – удобная, на первый взгляд, форма отношений. Вместе с тем, у нее могут быть и отрицательные последствия. Ряд из них связаны с юридической стороной проблемы. С точки зрения адвоката такой брак не так идеален, как может показаться на первый взгляд.

История права знает примеры законодательного регулирования фактического брака. Так, законы Древнего Рима допускали внебрачное сожителство мужчины и женщины, с целью создания брака, именовавшееся «конкубинат» – «дикий брак». Лица, состоявшие в конкубинате, не пользовались супружескими правами, в том числе и имущественными. При этом, у рожденных в конкубинате детей возникали некоторые права: на алименты, ограниченное право на наследство после отца и др.

Действующее законодательство России не предусматривает таких явлений как фактический брак и т.п. В соответствии со ст. 1 Семейного кодекса РФ браком признается только оформленные в установленном законом порядке отношения граждан. Вследствие этого незарегистрированные брачные отношения оказываются вне правового поля. Вместе с тем, в актах судебных органов России понятия «сожителство», «фактические брачные отношения» и другие близкие по смыслу понятия встречаются, что свидетельствует о юридической значимости подобных форм совместного проживания [2].

Фактические отношения мужчины и женщины, возникающие из официального брака делятся на: личные и имущественные. С личными отношениями вроде бы все понятно: обязанность заботиться, помогать, поддерживать друг друга и т.д. свойственна любому браку. Обратимся теперь к имущественным отношениям, так как семейное законодательство регулирует лишь имущественные отношения законных супругов, а не фактических.

Для многих сожителей большой неожиданностью становится отсутствие у них прав и законных способов защиты прав при «разводе»

или смерти одного из супругов. В отношении совместного имущества, нажитого фактическими супругами в период совместного проживания, действует режим общей долевой собственности, то есть отношения супругов регулируются нормами гражданского законодательства, а не семейного. Например, «супруг», занимающийся ведением домашнего хозяйства в период сожителства, ничего не получит из совместного имущества, а если фактический «супруг» приобрел автомобиль в период брака, то «супруга» не вправе претендовать на него, если не докажет, что вкладывала личные средства в его приобретение.

Особенно актуальной становится ситуация в случае внезапной смерти одного из «супругов», когда все имущество «супруга» переходит его наследникам. Таким образом, по законодательству РФ между фактическими супругами семейно-правовых связей не возникает. Закон стоит на страже интересов законных супругов, предоставляя им определенные правовые гарантии. Правовых гарантий фактическим супругам в Российской Федерации не предусмотрено. Имущественные отношения фактических супругов зависят от морально-этических качеств партнеров, а они не являются надежным оберегом и гарантией от произвола одного из супругов при разделе имущества [3].

При прекращении семейных отношений сожителей судьба общего имущества разрешается по нормам гражданского законодательства (точно так же и по тем же правилам, как если бы Вы приобрели имущество на имя друга или родственника). При прекращении сожителства каждый из «супругов» должен будет доказывать, что имущество было приобретено на его средства или, что на приобретение имущества были затрачены средства обоих «супругов» с целью вложения средств в собственность, оформленную на имя одного из фактических супругов [4].

Согласно требованиям ст. 244 ГК РФ общая собственность сожителей является долевой. Для распоряжения своей долей «супруг» обязан заручиться согласием другого «супруга». Это согласие требуется, если имущество находится в общей долевой собственности супругов. Если же собственником имущества указан один из супругов, то другому супругу придется еще доказать в судебном порядке свое право на долю в общем имуществе. Супруг, являющийся собственником имущества, вправе по своему усмотрению подарить, завещать, иным образом распорядиться своей долей без согласия другого фактического супруга. Когда отношения меняются, портятся

со временем, принимается решение о прекращении «гражданского» брака, тогда и возникает вопрос о судьбе имущества, приобретенного в период такого брака.

Наиболее цивилизованным и бесконфликтным способом решения проблемы является заключение соглашения между гражданами о разделе их общего имущества и определении долей. В этом же соглашении может решиться вопрос о порядке пользования имуществом. Но, увы, такие случаи в практике достаточно редки... Согласно п. 37 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 01 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского Кодекса РФ» в случае невозможности раздела имущества, находящегося в долевой собственности, в натуре либо выдела из него доли, в том числе и в случае, указанном в ч. 2 п. 4 ст. 252 ГК РФ, не исключается право участника общей долевой собственности заявить требование об определении порядка пользования этим имуществом, если этот порядок не установлен соглашением сторон [5].

В случае раздела имущества сожителей наибольшую сложность представляет доказывание времени возникновения общей собственности супругов, прав супруга на его приобретение, цель приобретения имущества и других фактов, на основе которых и будет признано право супруга на имущество [1].

Таким образом, быстрый и наименее затратный способ раздела имущества сожителей – это добровольное заключение соглашения о разделе. Как и само сожительство, такое соглашение может быть неформальным, однако для того, чтобы избежать ненужных рисков, договоренность лучше закрепить в соответствующем документе и заверить его у нотариуса.

На практике, далеко не всегда гражданские браки распадаются «мирным путем». Очень часто все имущество находится под контролем одного из сожителей, и другой остается в буквальном смысле «на улице». Для стороны, чьи имущественные права попорчены, единственный способ восстановить справедливость, это обращение в суд.

Обычно дорогостоящее имущество, приобретаемое совместно мужем и женой (например – автомобиль), оформляется на одного из супругов, хотя для его приобретения использовались деньги обоих. И если для состоящих в формальном браке это обстоятельство не имеет принципиального значения, т.к. закон в любом случае признает равные

права супругов на собственность, то имущество сожителей, с точки зрения закона, принадлежит тому, на кого оно оформлено [6].

Поэтому предметом разбирательства суда о разделе имущества, нажитого в гражданском браке, является не только непосредственно раздел или определение доли каждого претендента, но прежде всего признание имущества долевым имуществом.

Доказывая свои права в суде, проще всего опираться на свидетельские показания. Однако они не самый весомый аргумент в спорах о разделе имущества после прекращения гражданского брака. Большой доказательной силой обладают документальные свидетельства. К ним относятся как документы подтверждающие доходы, так и расходы на приобретение той или иной вещи. При этом следует учесть, что доходы как таковые не могут быть предметом спора. Однако размеры доходов могут быть учтены судом при определении доли каждого сожителя в приобретенной собственности.

Законодательные нормы позволяют добиться справедливого раздела имущества, даже если оно нажито в гражданском браке. Однако доказательство имущественных прав сожителей в суде связано с рядом сложностей, поэтому лучше всего привлечь для этого профессиональных юристов.

-
1. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2014. С. 20,300.
 2. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 3. Жилиева С.К., Жилиева А.А. Реформирование семейного законодательства как неотъемлемая часть государственной семейной политики по укреплению института семьи и брака // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 4.
 4. Жилиева С.К. Проблемы и перспективы развития института однополого брака в России и за рубежом // Наука и практика. 2015. № 3. С. 48.
 5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. Чапышкин А.Ю. Осуществление и защита имущественных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

Сведения об авторе

Жиляева Светлана Константиновна
Кандидат юридических наук, доцент
Начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: nir-orui@yandex.ru

УДК 347.6

Калюжная Л.В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Предметом исследования являются нормы права и научные источники, характеризующие правовые основы банкротства (несостоятельности) физического лица, складывающиеся при применении норм права, регламентирующие гражданско-правовые отношения. Посредством анализа нормативно-правовых актов, научной литературы, судебной практики автор излагает краткое содержание правовых основ, которые характеризуют общие черты гражданско-правового института банкротства (несостоятельности) физического лица. В результате исследования автор делает вывод о том, что в современной России продолжает формироваться надлежащая нормативная правовая основа, позволяющая обеспечить защиту прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, связанных с процедурой банкротства. Вместе с тем, практика применения положений нормативных правовых актов и дальнейшее развитие общественных отношений в рассматриваемой сфере, настоятельно потребует внесения изменений в законодательство о несостоятельности (банкротстве) физических лиц с целью эффективности реализации.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность) физического лица, процедура банкротства гражданина, нормативные правовые акты, правоотношения.

Появление в Российской Федерации института банкротства граждан представляет собой наиболее значимым нововведением. Банкротство физических лиц подразумевает признание арбитражным судом неспособности гражданина исполнять финансовые обязательства и вести расчеты с кредиторами.

С 1 октября 2015 года в силу вступили изменения в главу X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которыми допускается введение процедуры банкротства в отношении физического лица, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127 от 26 октября 2002 года устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

На фоне кризиса и спада экономики в стране с 1 октября 2015 года в стране вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127 от 26 октября 2002 года и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника», принятый Государственной Думой 19 декабря 2014 года».

До 2014 г. банкротство физических лиц в России законодательно было не урегулировано.

Необходимо отметить, что ранее федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127 от 24 октября 2002 года содержал параграф, который регулировал банкротство граждан. Но механизм не был четко прописан, и нормы о банкротстве физических лиц в отечественном законодательстве несмотря на свое существование, фактически, не применялись.

Однако закон о банкротстве физических лиц, принятый в октябре 2015 года, полностью регламентирует весь процесс: прописаны процедуры в делах о банкротстве физлиц, а также уточняется ряд

спорных моментов, например, процедура в случае смерти должника. Обновленные нормы направлены, с одной стороны, на создание условий для восстановления платежеспособности должника, с другой стороны, на защиту интересов его кредиторов и предотвращение недобросовестных действий должника по сокрытию имущества.

29.05.2015 Президентом РФ был подписан Закон «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 29.06.2015 № 154-ФЗ, которым:

- перенесена дата вступления в силу с 1 июля 2015 года на 1 октября 2015 г;

- определено, что дело о банкротстве физических лиц подсудны не судам общей юрисдикции, а арбитражным судам.

Указанный федеральный закон направлен на совершенствование действующего гражданского законодательства, регулирующего правовое положение граждан-должников.

Помимо указанных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок банкротства физических лиц, необходимо отдельно указать Арбитражный процессуальный кодекс РФ, регламентирующий процессуальный порядок рассмотрения дел о банкротстве, в соответствии со статьей 224 которого дела о банкротстве рассматриваются коллегиальным составом судей. К рассмотрению таких дел не могут привлекаться арбитражные заседатели. С заявлением о признании должника банкротом в арбитражный суд по месту нахождения должника вправе обратиться должник, кредиторы и иные заинтересованные лица в соответствии с федеральным законом, регулирующим вопросы несостоятельности (банкротства).

Статья 225 Арбитражного процессуального кодекса РФ: допускает возможность по делам о несостоятельности (банкротстве) заключение мирового соглашения и иные примирительные процедуры».

Широкий спектр правоотношений в вопросах несостоятельности (банкротстве) физических лиц принадлежит Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Введение с 1 октября 2015 года уточненного порядка регулирования процесса признания неплатежеспособности физических лиц повлекло и включение в законодательство санкций за правонарушения в сфере

банкротства. В частности, подверглись изменениям нормы КоАП РФ, применявшиеся ранее исключительно к банкротству юридических лиц.

Действия участников дела о банкротстве, применение которых влечет к административной ответственности: «Фиктивное банкротство – этот состав имеет место, если субъект осознает, что в действительности оснований для получения статуса неплатежеспособного у него нет, однако публично заявляет о несостоятельности и при этом совершает некоторые действия, которые должны создать видимость его неплатежеспособности» [1, с. 28].

К примеру, у гражданина имеются необходимые для погашения долгов перед контрагентами средства, но он хочет освободиться от неисполненных обязательств посредством прохождения процедуры банкротства, поэтому сообщает кредиторам заведомо ложную информацию о своем финансовом положении, а денежные средства скрывает – сняв их с банковских счетов, например. Санкцией для гражданина в таком случае будет штраф 1000 – 3000 рублей.

Согласно статье 14.12. КоАП РФ «преднамеренное банкротство – ситуация, которую нельзя путать с первым случаем, – здесь речь идет о реальной неспособности удовлетворить требования третьих лиц гражданином, однако его материальное положение является следствием его же умышленных действий. Нарушением закона считаются действия, которыми гражданин целенаправленно приводит себя в состояние банкротства, например, посредством участия в заведомо невыгодных сделках или же при распродаже своего имущества за бесценок». Ответственность за указанные действия такая же, как за вышеуказанный состав по преднамеренному банкротству — штраф от 1 до 3 тыс. рублей.

Иные неправомерные действия, совершаемые банкротами, перечислены в 14.13 статье КоАП.

- Соккрытие информации о месте, где находится имущество лица, его размере, а также умышленная передача своих активов, которые субъект желает сберечь, третьим лицам, а также их уничтожение влекут для лица штрафные санкции в размере 4-5 тыс. рублей;

- Санкции предусмотрены и для случаев, когда граждане при наличии установленных в ФЗ «О банкротстве» признаков (долг более 500 000, неспособность исполнить обязательства перед всеми контрагентами) не исполняют обязанность по подаче в срок до 30 дней после того, как обстоятельства обнаружались, заявления в суд о

признании неплатежеспособным. Штраф за такое бездействие составляет от 1 до 3 тыс. рублей;

- Понесет также наказание физическое лицо, которое создает препятствия финансовому управляющему, в силу чего он не может надлежащим образом выполнять свои функции, например, если гражданин уклоняется от передачи ему нужных бумаг, сведений. Санкция за такое правонарушение установлена в виде административного штрафа в размере от 1 до 3 тыс. рублей.

Правонарушения будет квалифицировано по КоАП РФ лишь при условии, что незаконные действия гражданина-банкрота не повлекли последствий в виде крупного ущерба кредиторам и иным лицам. Крупным ущербом, согласно положениям УК РФ в части, касающейся статей о преступлениях в сфере банкротства, считается сумма в 1.5 млн. рублей.

Наиболее грубые формы делинквентного (преступного) поведения человека, связанные с несостоятельностью (банкротством) физических лиц повлекшие существенное нарушение прав и свобод человека и гражданина, собственности, запрещены под угрозой наказания Уголовным Кодексом РФ, в котором банкротству посвящены 3 статьи 195 – 197 УК РФ.

Кодекс устанавливает, что «ответственность за неправомерные действия при банкротстве включает наложение штрафа — до 500 тыс. рублей; ограничение свободы до 2-х лет; арест до 6 месяцев и лишение свободы до 3 лет.

Во всех случаях уголовно наказуемые деяния должны быть совершены в процессе банкротства, или в его предвидении.

Процедурные, технические аспекты рассмотрения вопроса о приведении в действие механизма несостоятельности физических лиц регламентируются ведомственными правовыми актами. Например, приказ Министерства экономического развития РФ от 5 августа 2015 года № 530 «Об утверждении форм документов, представляемых гражданином при обращении в суд с заявлением о признании его банкротом», который устанавливает формы документов, представляемых гражданином при обращении в суд с заявлением о признании его банкротом.

Существенное значение в вопросах единообразной практики применения законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) физических лиц имеет Постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

Этот документ разъяснил новые термины и процедуры, с которыми уже в скором времени предстоит столкнуться арбитражным судам. Особое место там занимают вопросы, касающиеся проверки обоснованности заявления о банкротстве, утверждения плана реструктуризации, случаев «не освобождения» от долгов и злоупотреблений со стороны должника.

Таким образом, изменения 2015 года являются важной новеллой российского законодательства, открывающей новые возможности для защиты как интересов кредиторов должника-физического лица, так и интересов самого должника в случае злоупотреблений со стороны его кредиторов. В современной России продолжает формироваться надлежащая нормативная правовая основа, позволяющая обеспечить защиту прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, связанных с процедурой банкротства. Вместе с тем, практика применения положений нормативных правовых актов и дальнейшее развитие общественных отношений в рассматриваемой сфере, настоятельно потребует внесение изменений в законодательство о несостоятельности (банкротстве) физических лиц с целью эффективности реализации.

1. Ваганова А.С. Все о банкротстве. М.: Проспект. 2016.

Сведения об авторе

Калюжная Лариса Васильевна

Студент магистратуры

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал)

УДК 347

Киреева Н.С.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются теоретические основы применения этических норм прокурором на стадиях гражданского процесса. В работе выявлены наиболее актуальные проблемы применения норм Кодекса этики прокурорского работника. Автором предложены рекомендации при использовании данных моральных норм.

Ключевые слова: прокурор, мораль, гражданское судопроизводство, этика, кодекс, объективность, честность, воспитательный процесс.

На протяжении всего своего существования государство нуждалось в органе по надзору за соблюдением закона и законности. Ещё указом Петра 1, изданным 12 января 1722 года, была учреждена Российская прокуратура, главной задачей которой являлось уничтожение или ослабление преступности, а именно наблюдение за решениями принимаемыми органами управления. Первым Генерал-прокурором Сената стал граф П.И. Ягужинский. В рассматриваемый период к государственным служащим предъявлялись такие требования как здравый рассудок, верность службе, добрая воля в отправлении порученного. По прошествии времени требования менялись, но неизменным оставалось одно – он должен был быть высоко-нравственным человеком, строго придерживающийся норм морали, установленных в обществе. Согласно Федеральному закону «О прокуратуре РФ» «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации». Она включает в себя военную, правоохранительную и гражданскую государственные службы и не относится ни к одной из ветвей власти установленных на территории государства. Вся деятельность прокуратуры в гражданском процессе базируется на следующих принципах:

- единства и целостности территориальных органов – функционирование как единой системы на всей территории РФ;
- законности – подчинение органов прокуратуры Конституции РФ при реализации полномочий;
- независимости осуществления полномочий от органов государственной власти – прокуратура самостоятельный государственный орган, осуществляющий надзор за исполнением законов, установленных на территории РФ.

Несомненно, важную роль прокурор играет в гражданском судопроизводстве. ГПК РФ (ч. 1 ст. 45) с учетом положения Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» указывает, что заявление в защиту прав, свобод и законных интересов граждан может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, нетрудоспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд [1, с. 91]. Вследствие этого необходимо выделить следующие формы участия прокурора в гражданском процессе, будь то обращение с заявлением или вступление в начатое производство по гражданскому делу. Поэтому служащие данного органа в гражданском судопроизводстве обязаны неуклонно и при любых обстоятельствах реализовывать свои функции справедливо и беспристрастно, соблюдать права человека и гражданина. В связи с этим к работникам прокуратуры предъявляются различные требования, к примеру, обладание психологическими, морально-волевыми, нравственными качествами, поскольку личностные изъяны могут привести к опасным последствиям. Ведь нередко в отношении сотрудников прокуратуры возбуждаются уголовные дела, такие как превышение должностных полномочий, получение взятки, халатность предусмотренные соответствующими статьями УК РФ. Во избежание подобных случаев необходимо воспитывать соответствующие качества у сотрудников и должностных лиц органов прокуратуры. В силу данного обстоятельства был разработан и утвержден Приказом Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 [2] Кодекс этики прокурорского работника, который регламентирует обязанности и поведение при осуществлении им служебной деятельности. Также к сотрудникам прокуратуры предъявляются квалификационные требования к занимаемой должности. В частности при назначении на должность первого заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора необходимо иметь высокий уровень

правосознания, честность, гражданское мужество, объективность, принципиальность, чуткость, скромность и нравственную чистоту, что регламентировано Приказом Генпрокуратуры России от 9 января 2013 г. № 5 [3].

Данные требования – это этические категории, которые тесно соотносятся с моралью, являющейся одним из главных качеств наравне с нравственным долгом у сотрудников прокуратуры при производстве по гражданским делам. В свою очередь мораль – оценочная категория, которая определяет систему взглядов и представлений о хорошем и плохом, добре и зле, а также происходящую отсюда совокупность норм поведения. Она включает в свою структуру нравственную деятельность, нравственные отношения и моральное сознание. Говоря о нравственной деятельности, следует указать то, что в неё входит мотив – нравственно осознанное побуждение совершить поступок (обращение прокурора в суд), цель – предполагаемый лицом результат (защита прав, свобод, законных интересов физических и юридических лиц), средства – полномочия, которыми пользуется лицо для достижения цели (подача заявления прокурором в суд и как следствие пользование процессуальными правами истца) и результат – материальные или духовные последствия поступка, которые имеют соответствующее значение (решение суда по гражданскому делу). Говоря о нравственном отношении, сюда входят отношения между прокурором и государственными органами, сторонами, третьими лицами. Моральное сознание включает в себя рациональный и чувственный уровни. Раскрывая первый нельзя не упомянуть о том, что он представляет собой совокупность моральных норм и принципов морали, которые наиболее ярко отражены в Кодексе этики прокурорского работника. Если же говорить о чувственном уровне, то он подразумевает собой соотношение чувств (отношение лица к явлениям, происходящим в действительности) и переживаний (эмоциональное состояние, вызванное объективным событием). В качестве форм морали при осуществлении служебных полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве можно выделить личностные свойства, к примеру, честность, справедливость, мудрость и т.д. Особенность профессиональной нравственности прокурора участвующего в гражданском процессе заключается в специфике труда, обладании максимальной степенью объективности, юридическом оформлении

моральных норм и их властном характере, индивидуальном подходе к каждому гражданскому делу.

Возвращаясь к кодексу этики прокурорского работника необходимо указать, что он включает в себя общие положения, правила поведения прокурорского работника при осуществлении служебной деятельности, взаимоотношения прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры, основные правила поведения прокурорского работника во внеслужебной деятельности, ответственность прокурорского работника за нарушение требований настоящего Кодекса, заключительные положения, а также реализует следующие функции: регулятивную, культурную, управленческую. Первая предполагает доверие лиц в гражданском судопроизводстве, которое реализуется прокурором посредством принципа равенства всех граждан перед законом. Вторая подразумевает воспитание у сотрудников высокого уровня правовой культуры и должного правосознания. Третья включает в себе регламентацию поведения в различных ситуациях. В то же время применения норм, содержащихся в данном кодексе, является неоднозначным, ведь их применение во многом носит оценочный характер. К примеру, «стремиться быть образцом уважения к суду, способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного решения» или «использовать должностные полномочия взвешенно и гуманно, воздерживаться от поступков, которые могли бы вызвать сомнение в объективном исполнении прокурорским работником служебных обязанностей». Но в то же время такие требования для сотрудников органа прокуратуры являются необходимыми и вырабатывают определённую систему поведения. Но следует отметить, что в данном Кодексе не поднимается вопрос о том, кто будет производить оценку работы прокурора, а также нет соответствующих норм, которые могли бы разъяснить имеющиеся в нём понятия. Всё это, безусловно, усложняет задачу применения его на практике. В таком случае возникает ещё один вопрос, применять ли этические и моральные нормы, которые установлены в месте, где прокурор осуществляет свою профессиональную деятельность или же стандартизировать понятие нравственности для всех работников прокуратуры. Наиболее выгодной с позиции существующих общественных отношений, складывающихся между сотрудниками прокуратуры и граждан в гражданском судопроизводстве, считается вторая точка зрения. Также отдельного внимания заслуживает

Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации. Она определяет основные положения для совершенствования воспитания профессиональных кадров органа прокуратуры, для наилучшего выполнения поставленных перед ней задач, в частности для защиты прав и законных интересов физических и юридических лица гражданском судопроизводстве. Воспитательная работа своей главной целью ставит формирование должного уровня правосознания и свойств личности, таких как беспристрастие, честность и объективность присущих сотруднику прокуратуры, а также мировоззрения и соответствующей системы ценностей. В главе третьей обозначены принципы воспитательной работы. В их число входят законность, системность, объективность оценки деятельности работников прокуратуры, научная обоснованность, многообразие форм, методов и средств. Реализуется воспитательный процесс посредством трёх направлений: профессионального, историко-патриотического и психологического. Каждый из них имеет характерные присущие именно ему черты, будь то воспитания повышенного чувства ответственности, верность родине или эмоциональная устойчивость.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо указать на тот факт, что прокурору в гражданском судопроизводстве необходимо руководствоваться нравственными началами, которые регламентированы различными нормативно правовыми актами. Ведь при работе с лицами, являющимися участниками гражданского процесса, необходим особый подход, который не может реализовываться не будь у сотрудников органов прокуратуры соответствующих личных качеств, умело их применяющих в различных ситуациях, а кодекс этики прокурорского работника в свою очередь пропагандирует нравственные начала, которые оказывают положительное воздействие на правоприменителя, а также формирует соответствующее мировоззрение и систему ценностей.

-
1. Гражданский процесс: учебник. 5-е издание, перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. «Статут», 2014.
 2. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника: Приказ Генпрокуратуры Рос. Федерации от 17 марта 2010 г. № 114: ред. от 22 апреля 2011 г.

3. Об утверждении Квалификационной характеристики должности (квалификационных требований к должности) заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора: Приказ Генпрокуратуры России от 9 января 2013 г. № 5.

Сведения об авторе

Киреева Наталья Сергеевна,
слушатель 501 учебной группы факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Научный руководитель:
Мельник Сергей Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент
Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 347

Кондурова О.А.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты применения института амнистии в Российской Федерации.

Доказывается тезис, что процедура применения амнистии представляется наисложнейшим правовым и организационным процессом. Четкое соблюдение определенных процедурных правил исполнения актов об амнистии обладает наиважнейшим значением в комплексе условий, которые направлены на повышение эффективности самого акта.

Ключевые слова: амнистия, преступление, вина, гуманизм.

Институт амнистии существует с самых древнейших времен. Как замечает, А.И. Чучаев, сущность амнистии выявляется в том, что она является необходимым актом гуманизма, великодушия, милосердия со стороны государства, к тому же экономящий уголовную репрессию [1, с. 94].

Стоит заметить, что в юридической науке является дискуссионным вопрос о том, к какой отрасли права необходимо относить институт амнистии. Так, одни авторы относят данный институт к сфере государственного права [2, с. 30], другие считают его институтом уголовного права [3, с. 121], а третьи полагают, что амнистия обладает комплексным характером [4, с. 10].

По нашему мнению, институт амнистии является межотраслевым, заключая в себе нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, а также уголовно-исполнительного права.

Согласно ст. 84 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) данный институт применяется на различных стадиях реализации уголовной ответственности и предусматривает разные виды смягчения положения лиц, которые совершили преступления: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, снятие судимости.

На основании п. «о» ст. 71 Конституции РФ, амнистия находится в исключительном ведении Российской Федерации. Объявление амнистии является прерогативой Государственной Думы РФ, которая достаточно часто реализует предоставленное ей право. Для амнистии в качестве поводов чаще всего выступают какие-либо знаменательные или торжественные события в жизни страны.

Амнистия объявляется Государственной Думой РФ в отношении индивидуально неопределенного круга лиц путем принятия следующих постановлений: об объявлении амнистии и о порядке применения постановления об объявлении амнистии. В данных документах содержатся взаимосвязанные положения, на основании чего применение одного постановления без другого невозможно. В постановлении об объявлении амнистии должны быть указаны лица, к которым применяется амнистия, условия ее применения, а также лица, на которых амнистия не распространяется. Постановление о порядке применения амнистии содержит в себе список органов, на которые возлагается исполнение акта об амнистии, а также разъясняются некоторые положения и термины первого документа. Как правило, в преамбуле

постановления об объявлении амнистии в качестве обоснования ее объявления указывается принцип гуманизма [5, с. 84].

Проведя анализа Уголовного кодекса РФ, можно заметить, что в нем не установлены критерии применения, а также неприменения амнистии ни по категориям преступлений, ни по кругу лиц, так каждый акт об амнистии предусматривает свои критерии, а именно признаки, по которым выделяются категории виновных лиц, на которых распространяется действие амнистии. Как правило, к таким можно отнести индивидуальные особенности (например, беременные женщины, лица, награжденные орденами и медалями, инвалиды и др.); характер назначенной меры уголовно-правового воздействия; для осужденных к лишению свободы, таким критерием может являться назначенный срок наказания, форма вины, или же оставшийся для отбывания срок наказания. Вторая часть постановления об объявлении амнистии определяет категории лиц, на которых не распространяется действие амнистии. Такие ограничения связаны с характеристикой личности или с характером совершенного преступления. Они раскрывают, какие преступления на момент объявления амнистии рассматриваются как наиболее общественно опасные, и какие преступники не могут рассчитывать на прощение со стороны государства [6, с. 86].

Так, мы отметили, что акты амнистии в первую очередь представляются, как акты, которые выражают гуманизм и милосердие со стороны государства к преступникам. Также важно обратить внимание на тот факт, что одним из доводов в пользу института амнистии выступает мнение о том, что определенная часть амнистируемых после освобождения больше не совершит преступления. Однако, как отмечает А.Г. Косулина [7, с. 86], потери от амнистии, согласно статистике, в ряде случаев были более внушительны и ощутимы, чем ожидаемые от нее положительные результаты. В частности, это объясняется тем, что те слои населения, которые понесли потери от преступных посягательств амнистируемых, тем самым лишились здоровья, чести или имущества, возмущаются подобным милосердием к преступникам. Данный факт является вполне очевидным, т.к. жертвы преступлений вправе рассчитывать на применение со стороны государства адекватных уголовно-правовых санкций против тех, кто посягнул на их конституционные права, свободы и законные интересы.

Стоит согласиться с мнением Э. Аскерова, который считает, что частое принятие в стране актов об амнистии, формирует в общественном

сознании, особенно у людей неустойчивых и потенциальных правонарушителей, чувство вседозволенности и безнаказанности за содеянное [8, с. 53].

Интересной является точка зрения А.Г. Косулиной, которая полагает, что институт амнистии не обладает никакими профилактическими направленностями, а, даже наоборот, способствует совершению новых преступлений, так как у амнистируемых складывается мнение, что можно совершить преступление, потому что все равно освободят по амнистии [7, с. 87].

Также следует отметить мнение В. А. Григоряна, который отмечает, что при объявлении амнистии в первую очередь подрываются цели уголовного наказания [4, с. 11].

Таким образом, можно констатировать, что наибольшее число ученых-юристов, как практиков, так и теоретиков, придерживаются мнения о том, что амнистия представляется, как исключительный акт, в связи, с чем объявляться она должна редко, в исключительных случаях, а не объявляться по случаю какой-либо юбилейной даты или использоваться, как инструмент политической борьбы.

Как нами было отмечено, что у общества неоднозначное отношение к целесообразности применения амнистии. Так, мы предполагаем, что на подготовительной стадии применения амнистии необходимо было бы ввести в практику широкое обсуждение ее в обществе, что, с одной стороны, ослабило бы социальную напряженность, а с другой – благоприятно сказалось бы на возврате в общество амнистированных.

Однако, несмотря на все отрицательные черты амнистии, необходимо признавать, что современная Россия не может полностью отказаться от нее. Необходимо принять все возможные меры для того, чтобы амнистия полностью соответствовала тем задачам, на решение которых она направлена. Важно, чтобы амнистия не применялась, как способ для разрешения, проблемы переполненности мест лишения свободы.

Представляется, что важнейшим условием для грамотного применения амнистии необходимо ее сопровождение глубоко и всестороннее продуманной программой ресоциализации амнистируемых, которая должна заключать в себе комплекс мер по трудовому, а также бытовому обустройству лиц, которые освобождены из мест лишения свободы, их медицинскому обслуживанию и контролю за их поведением.

Итак, на основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что процедура применения амнистии представляется наиболее сложным правовым и организационным процессом. Четкое соблюдение определенных процедурных правил исполнения актов об амнистии обладает наиболее важным значением в комплексе условий, которые направлены на повышение эффективности самого акта.

-
1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 2016.
 2. Боровской В.А. Юридическая природа амнистии и помилования // Современные проблемы юридической науки. 2003. Выпуск 1.
 3. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / Н.И. Ветров, Г.В. Дашков, В.И. Динека и др.; под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Городец, 2016.
 4. Григорян В.А. Амнистия: теория и практика применения // Следователь. 2014. № 7.
 5. Иванов Н.Г. Уголовное право России: общая и особенная части: учебник для вузов. М.: Экзамен, 2016.
 6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева; изд. 3-е, измен. и допол. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2016.
 7. Косулина А.Г. Либерализация уголовной политики как одна из детерминант преступного поведения лиц, осужденных к лишению свободы // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2014. № 6.
 8. Аскеров Э. Акты об амнистии и помиловании // Законность. 2011. № 11.

Сведения об авторе

Кондурова Ольга Александровна
Студент магистратуры
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал)

Королев В.В., Коробов А.А.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются некоторые экономико-правовые аспекты, способствующие эффективному освоению потенциала интеллектуальной собственности.

При этом именно от полноты и своевременности освоения потенциала интеллектуальной собственности зависит, выйдет ли как отдельно взятый экономический субъект, так и государство в целом на качественно новый виток развития или нет.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, потенциал интеллектуальной собственности, авторское право, промышленная собственность, венчур, инновации.

В современной экономике все более значимую роль начинают играть интеллектуальные ресурсы. Они, в отличие от традиционных (труд, земля, капитал), обладают более высоким потенциалом роста в силу своей неотчуждаемости от создателя, практической неисключаемостью, а также в силу наличия целого комплекса смежных прав, что позволяет сделать их доступными широкому кругу экономических субъектов.

Вместе с тем, освоение потенциала интеллектуальной собственности – прикладная задача, решать которую необходимо любому субъекту экономической деятельности. Ведь наиболее эффективное освоение потенциала интеллектуальной собственности способно дать ему значимые конкурентные преимущества с одной стороны и мощный стимул для дальнейшего развития – с другой.

В то же время, освоение потенциала интеллектуальной собственности – задача комплексная и в значительной степени зависит от индивидуальных характеристик субъекта: сфера общественного производства, в которой функционирует субъект, его экономических возможностей, управленческой стратегии и многих других.

Однако можно выделить ряд ключевых проблем и возможных путей их решения в сфере освоения потенциала интеллектуальной собственности.

Одной из основных проблем, препятствующих эффективному освоению интеллектуальной собственности, является нехватка денежных средств.

Решением данной проблемы может служить либо банковский кредит, что не совсем целесообразно ввиду его высокой стоимости и высокой степени риска, связанного с освоением интеллектуальной собственности, либо венчурное, или т.н. «бизнес-ангельское» финансирование.

На сегодняшний день проблема поддержки инновационных предприятий и подразделений отраслевой и фундаментальной науки также осознана в самых верхних эшелонах власти: поддержка инноваций, создание наукоградов, технопарков, бизнес-инкубаторов возведено в ранг государственных приоритетов.

Следует отметить, что венчурное инвестирование в России сталкивается в своем развитии с целым рядом проблем: это и отсутствие законодательного обеспечения такого рода деятельности, и неотлаженность механизма инвестирования, и высокий риск, с которым сопряжено инвестирование разработки инноваций, и многое другое. А между тем это очень выгодный, перспективный и быстрорастущий бизнес. К примеру, за первые восемь лет после старта объем венчурного капитала в Великобритании увеличился в 300 раз [1]. Опыт развитых стран, в периоды промышленного спада сталкивавшихся с проблемами, аналогичными нынешним российским, свидетельствует, что венчурные фонды могут служить одним из эффективных средств преодоления дефицита и дороговизны инвестиционных ресурсов. Сегодня венчурные фонды инвестируют в экономику Западной Европы более 6 млрд долл. в год.

Явная результативность выведения исследователей и разработчиков-новаторов из-под административного контроля побудила крупные корпорации практиковать создание независимых исследовательских подразделений (лабораторий, институтов, филиалов) внутри своей организационной структуры (так называемые внутренние венчуры). Такие подразделения зачастую имеют статус дочерней компании. Они возглавляются специалистами – инициаторами перспективных разработок, авторами научно-технической идеи. Подбирая коллектив исследователей по собственному усмотрению, инициаторы получают полную самостоятельность в выборе направления исследования,

организации работы, расходования финансовых ресурсов. Таким образом, корпорация идет на риск при организации внутреннего венчура, рассчитывая на коммерческий успех новаторской идеи.

Рисковая форма предпринимательства (как в виде внешних, так и внутренних венчуров) предусматривает в случае успешной разработки и получения прибыли долевое участие разработчика в прибылях. Творчество и риск инициатора получает значительное материальное вознаграждение. Иногда размеры прибыли разработчика дают возможность организации собственного дела и превращаются в активный предпринимательский капитал, разработчик может рассчитывать за предоставленный кредит и на базе своего изобретения начать самостоятельное дело.

Следует отметить также ряд макроэкономических результатов от организации рискованного бизнеса. Прежде всего, прокладывая пути в новых технологиях и продуктах, апробируя их экономическую эффективность, этот вид предпринимательства фактически дает возможность находить новые направления и воздействовать на научно-технический прогресс. Значимость рискованных предприятий состоит и в том, что они стимулируют конкуренцию, подталкивая крупные фирмы к инновационной активности.

В условиях перехода России к наукоемким технологиям и высокотехнологичным кластерам, когда жесткие условия конкуренции и вероятность разорения предприятий заставляет внедрять новые технологии, продукты, способы организации и управления производством, необходимо применять более эффективные формы освоения инноваций. Одним из таких вариантов выступает венчурный капитал (рис. 1).

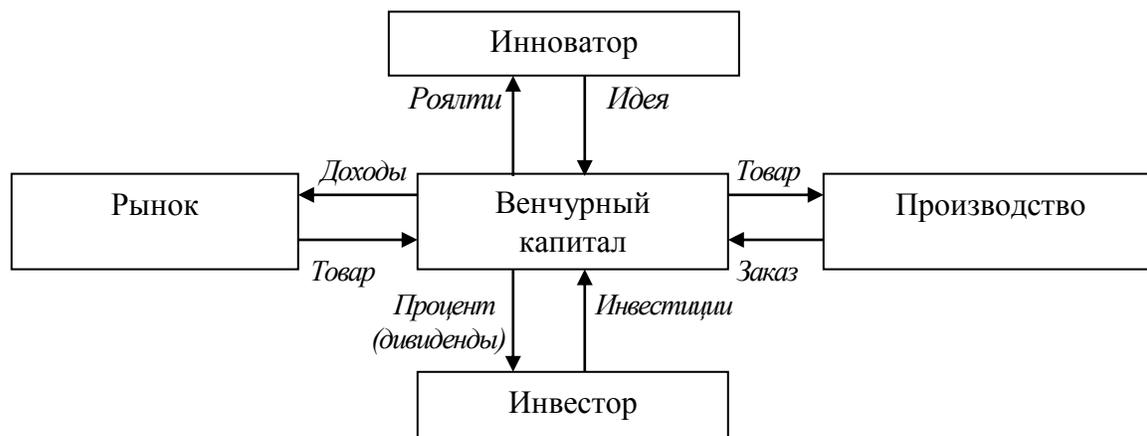

Рис. 1. Освоение инноваций при использовании венчурного капитала [1; 2].

При данном подходе предприятие выпускает инновационную продукцию по заказу, тем самым минимизируя риски разработки и опытного внедрения, инвестор получает достоверную информацию об идее, а инноватор – необходимые средства в виде части доходов. Таким образом, венчурный капитал как экономическая категория выражает отношения по согласованию и реализации противоречивых интересов инвесторов и инноваторов в процессе признания и оценки интеллектуальной собственности на инновации, долгосрочного инвестирования средств в создание и развитие инновационного предприятия, гарантирования инвестиций и предупреждения рисков, взаимовыгодного распределения доходов от реализации инноваций.

С правовой точки зрения венчурное финансирование подразумевает заключение предварительного соглашения по поводу объема прав на созданные и осваиваемые результаты инновационной деятельности. При этом соглашения не должны противоречить части 4 Гражданского кодекса. Достаточно часто венчурный капиталист используя нормы договорного права, обеспечивает себе участие в будущих прибылях, или если внедрение новшества требует значительных материальных, ресурсных и временных затрат – выкупает стартовый проект с полным переходом комплекса прав.

Данный аспект особенно актуален, т.к. в процессе освоения инноваций очень часто возникают побочные результаты интеллектуальной деятельности, коммерциализация которых способна принести (и это видно на приведенной нами схеме) значительную прибыль как инноватору, так и инвестору.

Венчурное финансирование не затрагивает все элементы инновационной цепи, оно обычно начинается с опытного производства и разработок и заканчивается выходом инновационного товара на рынок, не затрагивая фундаментальные исследования и вопросы дальнейшего развития производства и реализации продукции.

Венчурное финансирование имеет ряд особенностей, отличающих его также от банковского финансирования или финансирования стратегического партнера (табл. 1) [3; 4].

Таблица 1.

Венчурное финансирование

Источники финансирования	Банки	Стратегические партнеры	Венчурное финансирование
Инвестиции в акционерный капитал	-	+	+
Кредиты	+	-	+
Долгосрочные инвестиции	+	+	+
Рисковый бизнес	-	-	+
Участие инвестора в управлении фирмой	-	+	+

Помимо прочего, венчурный предприниматель в отличие от стратегического партнера редко стремится захватить контрольный пакет акций компании. Обычно это пакет акций порядка 25-40 %.

Еще одной особенностью рискованной формы финансирования является высокая степень личной заинтересованности инвесторов в успехе нового предприятия. Это вытекает как из высокой рискованности проекта, так и из статуса совладельца учреждаемого венчура, поэтому рискованные инвесторы часто не ограничиваются предоставлением средств, а оказывают различные консультационные, управленческие и прочие услуги, созданным венчурам.

Также существенную проблему, препятствующую эффективному освоению потенциала интеллектуальной собственности, составляет сложность адаптации к новшеству. Особенно это касается крупных предприятий со сложным производственно-экономическим циклом.

Исходя из этого, еще одним ресурсом оптимизации освоения инновационных проектов является деятельность так называемых малых наукоемких предприятий (далее – МНП). Достоинствами данных предприятий является их высокая адаптивность к постоянно меняющимся условиям бизнеса, высокая инновационная маневренность, высокий уровень восприятия новшества.

Здесь возникает ключевая гражданско-правовая проблема – как определить объем прав и круг правообладателей на созданные объекты интеллектуальной собственности. Если привлекались средства венчурного фонда, очевидно, что часть прав переходит к нему

Главной целью совершенствования МНП служит повышение эффективности управления развитием.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные задачи:

- ✓ адаптировать управление развитием МНП к условиям изменений среды (внешней и внутренней);
- ✓ повысить обоснованность выбора перспективных направлений инновационной деятельности;
- ✓ обеспечить сбалансированность текущей и стратегической инновационной деятельности;
- ✓ снизить рискованность инновационной деятельности.

Как уже было отмечено, различные факторы изменения внешней среды (такие как новые достижения в науке и технике, изменение условий конкуренции, социально-экономических и политических условий в обществе), а также внутренней (ресурсные, управленческие, организационно-технологические и др.) влияют на развитие МНП и обуславливают необходимость адаптации управления развитием. Например, конъюнктура рынка наукоемкой и высокотехнологичной продукции весьма изменчива, что требует от предприятия своевременных адаптационных действий, для удержания и улучшения своей позиции на рынке. Для обеспечения адаптации и повышения гибкости управления возможно применение функционально-структурного подхода к управлению развитием МНП. Функциональный анализ позволит выявить состав функций (и их взаимосвязь), необходимых для обеспечения эффективного управления развитием предприятия. Кроме того, он поможет определить, будет ли влиять изменение внешних и внутренних факторов на состав и взаимосвязи функций и каким образом.

Структурный анализ позволяет выявить состав подразделений и ответственных специалистов, а также их взаимосвязь в процессе управления. В свою очередь структурный анализ определит картину влияния изменения факторов на состав и взаимосвязи ответственных специалистов и подразделений.

Функционально-структурное представление даст целостную картину взаимосвязи функций и структурных единиц предприятия.

Другая важнейшая задача повышения эффективности управления развитием МНП заключается в обеспечении сбалансированности текущей и стратегической инновационной деятельности. В спектре

рассматриваемых на предприятии инновационных проектов есть те, которые поддерживают текущее функционирование предприятия, обеспечивают его финансовую устойчивость, а также те, которые обеспечивают его перспективное развитие, увеличение доли рынка, престиж. При реализации и внедрении инновационных проектов необходимо учитывать баланс между удовлетворением текущих потребностей предприятия для поддержания платежеспособности предприятия и обеспечением перспектив его развития. При этом независимо от категории инновационного проекта, он должен быть защищен с позиций действующего гражданского законодательства с целью недопущения неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности в будущем третьими лицами.

Как правило, используется правовая конструкция служебного произведения (ст. 1295 ГК РФ), когда личные неимущественные права остаются за автором, в то время как имущественные права переходят к работодателю. Часто при этом автору запрещается разглашать сведения, полученные им при создании объекта интеллектуальной собственности.

Кроме особенностей, связанных со спецификой наукоемкой деятельности, МНП испытывают негативное воздействие факторов, общих для предприятий малого бизнеса: ограниченность финансовых средств высокую налоговую нагрузку, трудности в получении кредита, ограниченность доступа к материальным ресурсам и информации и др.

К числу основных проблем управления развитием МНП следует отнести: необоснованность выбора перспективных направлений инновационной деятельности, отсутствие временной и финансовой сбалансированности текущей и стратегической инновационной деятельности, отсутствие методического обеспечения планирования и оценки инновационной активности МНП.

Анализ существующих отечественных и зарубежных концепций управления развитием МНП показал, что спектр подходов к решению этой проблемы различен и основан как на организационно структурных преобразованиях (в том числе с использованием информационных систем), так и на формировании различных стратегий инновационного развития и построении моделей управления нововведениями. Однако эти подходы не решают одну из главных проблем управления развитием МНП, а именно отсутствие сбалансированности текущей и перспек-

тивной инновационной деятельности. Более того, из-за отсутствия сбалансированности инновационной деятельности зачастую МНП сложно выделить и осуществить должную правовую защиту результатов интеллектуальной деятельности, что при современном развитии электронных телекоммуникационных систем в разы повышает вероятность их неправомерного использования.

К числу основных задач повышения эффективности управления развитием МНП относятся такие, как: обеспечение сбалансированности текущей и стратегической перспективе и повышение обоснованности выбора направлений и снижение рискованности инновационной деятельности; адаптация управления развитием МНП к условиям изменения среды, выбор адекватных и своевременных механизмов гражданско-правовой защиты потенциала интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, важно отдельно отметить и некоторые правовые аспекты освоения потенциала интеллектуальной собственности.

На рынке результатов интеллектуальной деятельности важно не только вывести интеллектуальный продукт на рынок, но и должным образом организовать его правовую защиту.

Другой проблемой гражданско-правового характера является определение права собственности на побочные результаты интеллектуальной деятельности, а также более проблемные с точки зрения защиты права объекты, например, секреты производства. В данном случае возможны два пути: либо согласно статье 1468 ГК заключить договор об отчуждении исключительного права на секрет производства, либо согласно статье 1469 ГК – лицензионный договор о предоставлении права использования секрета производства.

При этом второй вид договора с точки зрения правообладателя выгоднее, поскольку обладатель исключительного права на секрет производства предоставляет или обязуется предоставить другой стороне право использования соответствующего секрета производства в установленных договором пределах, не прекращая использовать данный объект интеллектуальной собственности сам.

Учитывая творческий характер интеллектуальной деятельности, а также высокую вероятность появления побочных результатов интеллектуальной деятельности, в структуре МНП целесообразно выделить штатные единицы, занимающиеся правовой защитой и коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности.

В данном аспекте довольно перспективной представляется стратегия «патентного зонтика», когда правовую защиту получает не только основная разработка, но и все побочные, а также полученные при ее помощи объекты интеллектуальной собственности. Иными словами, создается не один, а несколько связанных между собой охранных документов на отдельные фрагменты технологии. В качестве примера можно привести производителя бритв компанию Gillette, которая окружила свою модель Sensor-22 связанными между собой патентами, охватывающими все компоненты ее технологий от двойных, движущихся независимо друг от друга, лезвий, до дизайна ручки. Запатентована даже упаковка бритвы, которая производит «мужественный звук» в момент ее открытия.

В бизнес-план необходимо заложить возможность роста числа патентов компании, затраты на регистрацию и поддержку интеллектуальной собственности (в том числе за рубежом) и появление в штате специалистов по ИС.

С патентными «зонтиками» связана и стратегия конкурентной борьбы, которая образно называется стратегией «заклучения в скобки». Она состоит в том, что более сильная компания изгоняет конкурента с рынка через последовательное патентование смежных изобретений. Например, компания А разработала новое высокоинтенсивное излучение и запатентовала нить накала. Это изделие требует и прочного стекла для изготовления лампы, и создания надежного патрона для поглощения исходящего от лампочки тепла, специальной упаковки. Тогда компания В, конкурент А, вникнув в технологию А из описания патента, может запатентовать и патрон, и стекло, и упаковку, если ее специалисты создадут их независимо от А, и если А не удастся запатентовать все сопутствующие технологии быстрее В (что может случиться из-за отсутствия денег). Тогда В сможет легальным образом заблокировать выход А на рынок. Компания А будет вынуждена продать свой патент В за деньги, меньшие чем те, которые она могла бы выручить, продав патент до начала «заклучения в скобки» [2].

Ввиду этого достаточно действенным механизмом представляется использование положений пп. 4-5 ст. 1549 ГК РФ «Право на технологию, принадлежащее совместно нескольким лицам»

«...Доходы от использования технологии, право на которую принадлежит совместно нескольким правообладателям, а также от распоряжения этим правом распределяются между правообладателями

по соглашению между ними...» Здесь речь идет о соглашении, которое разграничивает права патентообладателей, заранее исключая коллизии между ними.

«... Если часть технологии, право на которую принадлежит нескольким лицам, может иметь самостоятельное значение, соглашением между правообладателями может быть определено, право на какую часть технологии принадлежит каждому из правообладателей. Часть технологии может иметь самостоятельное значение, если она может быть использована независимо от иных частей этой технологии.

Каждый из правообладателей вправе по своему усмотрению использовать соответствующую часть технологии, имеющую самостоятельное значение, если иное не предусмотрено соглашением между ними. При этом право на технологию в целом, а также распоряжение правом на нее осуществляется совместно всеми правообладателями.

Доходы от использования части технологии поступают лицу, обладающему правом на данную часть технологии...» Данное положение, во-первых, позволяет наиболее полно раскрыть потенциал объекта интеллектуальной собственности, а во-вторых, наметить круг лиц, имеющих право на получение прибыли от использования как отдельных частей изобретения, так и полностью объекта интеллектуальной собственности.

В данной правовой конструкции заложен, по нашему мнению, механизм разрешения возможных противоречий между правообладателями в будущем.

-
1. Друкер П. Бизнес и инновации. М.: ИД «Вильямс», 2016.
 2. Коробов А.А. Проблемы венчурного финансирования инновационных проектов в ГИБДД: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. 175 с.
 3. Горфинкель В.Я. (ред.) Инновационный менеджмент: учебник для магистров. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 391 с.
 4. Каширин А., Семенов А. В поисках бизнес-ангелов. 3-е изд. М.–СПб.: Вершина, 2014.

Сведения об авторах

Королев Валерий Валерьевич
Начальник отдела оперативного дежурства

(Федеральная служба судебных приставов)
E-mail: Korol@inbox.ru

Коробов Алексей Александрович
Кандидат экономических наук
Преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: konvar2012@mail.ru

УДК 346

Коробов А.А.

ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»

В статье рассматриваются узловые моменты генезиса и понятия интеллектуальной собственности, а также перечень правовых институтов, входящих в комплексное понятие интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, трансформационные процессы, авторское право, промышленная собственность.

Трансформационные процессы являются неотъемлемой частью эволюции любой системы (в том числе правовой и экономической) и переходом этой системы на новый этап развития. На новом этапе развития названных систем обновляется понятийный аппарат, появляются новые экономические и правовые категории, что предшествует переходу как общества в целом, так и экономики и права в частности на новый, качественно иной уровень развития со своими движущими силами, приоритетами, и законами.

Одной из составляющих обновленного понятийного аппарата является понятие «интеллектуальной собственности». Несмотря на то, что само понятие «интеллектуальной собственности» (ИС) появилось

сравнительно недавно, его истоки можно проследить в далеком прошлом.

Еще древние римляне указывали, что обнародование и использование результатов творческой деятельности затрагивают финансовые интересы и личные права авторов. При этом они основывались на концепции так называемой «бестелесной вещи», выдвинутой римским юристом Гаем, который разделял все вещи на две группы: «телесные» и «нетелесные», т.е. «вещи, которых можно коснуться», и «вещи, к которым прикоснуться нельзя». Здесь, с нашей точки зрения, заложено понимание специфической природы объектов интеллектуальной собственности (ОИС). Именно это понимание, на наш взгляд, послужило предпосылкой эволюции понятия «собственность» применительно к ИС.

В своих истоках интеллектуальная собственность как экономическое и правовое явление восходит к французскому законодательству XVIII века и опирается на теорию естественного права, получившую обоснование в трудах французских философов Вольтера, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Руссо. Согласно данной концепции, создатель любого произведения или иного творческого результата обладал на него неотъемлемым природным правом, возникающим из самой природы творческой деятельности и существующим независимо от признания этого права государством: «ни одно принадлежащее человеку благо не может быть ему более принадлежащим, чем право на продукт его умственного творчества».

На данном этапе происходит понимание неотчуждаемости знаний от их создателя.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что одним из основных источников стабильного процветания страны является интеллектуальный потенциал нации и свобода творчества ее граждан. XX век многократно подтвердил это положение. Если в XVIII и XIX столетиях Англии удавалось лидировать на основе достижений экспериментальной науки, в той же мере закономерных, в какой и случайных, то в начале XX века Германия заняла первое место среди индустриальных держав фактически исключительно за счет новых отраслей промышленности, в частности химии и электротехники, где ключевым фактором успеха было применение уже не экспериментального, а теоретического знания. Лидерство США в середине века обусловлено их прорывом в область высоких информационных технологий; здесь теоретическое знание стало

использоваться уже не для производства новых продуктов, а для генерирования самого нового знания. Подобные аспекты развития общества неоднократно анализировались с самым пристальным вниманием.

Таким образом, в условиях, когда информация и знания становятся непосредственной производительной силой, возникает ресурс, отличающийся неизвестными прежде качествами и характеристиками. С одной стороны, усвоение знаний и информации служит предпосылкой производства нового знания, а их использование не уменьшает располагаемого количества этого ресурса. Таким образом, он оказывается неисчерпаемым, что радикально меняет характер задач и целей, стоящих перед человеком, формирует новую систему мотивов деятельности. С другой стороны, доступ к этому ресурсу остается ограниченным, так как знания отличаются от большинства индустриальных благ своей редкостью и невозпроизводимостью, а рост затрат, используемых для их создания, непропорционален получаемым результатам; в этой связи ценность знания регулируется законами монопольных благ, при этом его носители оказываются в исключительном положении по отношению к окружающим. Возникающая в результате экономико-правовая система становится наиболее динамичной из всех, существовавших ранее.

Как отмечает отечественный исследователь данной проблемы, В.Л. Иноземцев, «...в современных западных странах уверенно формируется общество, основанное на знаниях (knowledge-based societies), и это не могло не сказаться на распределении богатства не только внутри этих стран, но также и в мировом масштабе. Сегодня на 20 % населения планеты, проживающего в развитых государствах, приходится 86% мирового валового продукта; еще в середине 90-х годов семь постиндустриальных держав обладали 80,4 % мировой компьютерной техники, обеспечивали 90,5 % высокотехнологичного производства и контролировали 97 % зарегистрированных в мире патентов».

Эволюция данного понятия не завершена и имеет тенденцию к росту значимости авторского права и результатов интеллектуальной деятельности в духовно-интеллектуальном развитии общества.

Впервые в отечественном законодательстве термин «интеллектуальная собственность» появился в Законе СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. Закон РСФСР «О

собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г. разъяснял, что объектами интеллектуальной собственности являются произведения науки, литературы, искусства и других видов творческой деятельности в сфере производства, в том числе открытия, изобретения, рационализаторские предложения, промышленные образцы, программы для ЭВМ, базы данных, экспертные системы, ноу-хау, торговые секреты, товарные знаки, фирменные наименования и знаки обслуживания. Окончательно же термин «интеллектуальная собственность» был «узаконен» Конституцией Российской Федерации 1993 года.

Таким образом, понятие «интеллектуальная собственность», применяемое в международной практике с 60-х годов, в России появилось в 90-х годах. Что же касается понятия «авторское право» то оно примерно в этот же период приобрело новое содержание: если в СССР автору принадлежали лишь личные неимущественные права (право на имя, право на авторство), а имущественные и смежные права были минимальны, – выплачивалось, как правило, единовременное денежное вознаграждение в виде премий, то в настоящее время автор при условии надлежащей защиты и авторского сопровождения может претендовать и на смежные права от использования результатов своей интеллектуальной деятельности третьими лицами.

В законодательстве, учебной и справочной литературе понятие «интеллектуальная собственность» раскрывается, как правило, через понятие исключительных прав на результаты творческой деятельности.

«Интеллектуальная собственность» (англ. Intellectual property) – исключительные права на литературные художественные и научные произведения, программы для ЭВМ и базы данных, смежные права; на изобретения, промышленные образцы, полезные модели, а также приравненные к результатам интеллектуальной деятельности (РИД) средства индивидуализации юридического лица (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания) и другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, охрана которых предусмотрена законом.

Выделяют следующие основные институты интеллектуальной собственности:

- авторское право;
- патентное право;

•исключительные права на средства индивидуализации (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения, фирменная упаковка).

Интеллектуальная собственность, по мнению А.Н. Козырева, – собирательное понятие, применяемое для обозначения следующих прав:

- на результаты интеллектуальной (творческой) деятельности в области литературы, искусства, науки и техники, а также в других областях творчества, куда и входят первые два института, а именно авторское право и смежные права, охраняющие произведения литературы, искусства, науки, кино, звукозаписи и права исполнителей, а также патентное право, охраняющее изобретения, полезные модели, промышленные образцы;

- на средства индивидуализации участников экономических отношений, товаров или услуг (права на товарные знаки, знаки обслуживания, наименование мест происхождения товара, фирменные наименования);

- на защиту от недобросовестной конкуренции [1] .

Отметив универсальность приведенной формулировки в качестве ее основного достоинства, позволяющего охватить всю совокупность прав, которые, в принципе, могут быть отнесены к интеллектуальной собственности, А.Н. Козырев подчеркивает и ее основной недостаток, затрудняющий непосредственное практическое использование.

В частности, замечается, что недостатком этой формулировки является отсутствие конкретного указания на совокупность прав, составляющих содержание исключительных прав. К тому же, надо иметь в виду, что не все права, относимые к ИС, как будет показано далее, являются исключительными.

По заключению А.Н. Козырева, дать точное и универсальное определение интеллектуальной собственности крайне сложно, если вообще возможно, поскольку содержание понятия ИС меняется по мере развития техники, рыночных отношений и законодательства, а объединяемые данным понятием права очень разнородны.

С этим утверждением можно согласиться как с констатацией факта на определенный момент времени, что подтверждается предложенной нами схемой эволюции понятия ИС.

Понятие ИС впервые нормативно было введено в 1967 году Стокгольмской конвенцией, учредившей Всемирную организацию

интеллектуальной собственности (ВОИС). Российская Федерация на сегодняшний день является ее участником.

Эта конвенция также рассматривает ИС как совокупность личных и исключительных прав на результаты творческой деятельности.

В отечественной практике понятие интеллектуальной собственности изначально было основано на статьях 128-й, 138-й Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Ст. 128, 138 Гражданского кодекса РФ (до вступления в силу ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» и четвертой части Гражданского кодекса РФ) отождествляли термины интеллектуальная собственность и исключительные права.

Однако, на сегодняшний день интеллектуальная собственность – это юридический термин, обозначающий совокупность прав, предоставляемых авторам или другим правообладателям на нематериальные объекты.

Понятие «интеллектуальная собственность» в Российской Федерации получило свое распространение в научном и правовом обороте в начале 90-х годов. Термин «интеллектуальная собственность» упоминается в статье 44 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества.

В международной практике понятие «интеллектуальная собственность» определено в Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности – ВОИС.

Юридическое содержание самого термина «интеллектуальная собственность» в большинстве стран не определено.

В России же на сегодняшний день термин определен в ст. 1225 части четвертой Гражданского кодекса РФ.

Интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям;
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам;
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности;
- научным открытиям;
- промышленным образцам;
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям, коммерческим обозначениям;
- защите против недобросовестной конкуренции;

- а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

Необходимо учесть, что названная Конвенция имеет целью учреждение ВОИС, а не определение перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в связи с чем не следует говорить о противоречии внутреннего законодательства международному договору.

В то же время следует отметить более детальный подход к феномену интеллектуальной собственности со стороны зарубежного законодателя и более жесткий характер санкций за нарушение права интеллектуальной собственности. Данный факт указывает на настоятельную необходимость дальнейшей работы отечественных специалистов в области дефиниции понятия «интеллектуальная собственность», а также дальнейшего совершенствования форм и методов ее правовой защиты [2].

-
1. Сурин А.В., Молчанова О.П. Инновационный менеджмент: учебник. М.: Инфра М, 2013. 359 с.
 2. Савинова А.А. Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 218 с.

Сведения об авторе

Коробов Алексей Александрович
Кандидат экономических наук
Преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)
E-mail: konvar2012@mail.ru

УДК 346

Ломовская А.В.

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА

Статья посвящена изучению проблем, касающихся вынесения законного и обоснованного решения суда в гражданском судопроизводстве, а также анализу негативных последствий, наступающих для судьи, в случае вынесения незаконного решения.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, решение суда, судебные ошибки, законность и обоснованность решения суда.

Судебное решение является основополагающим актом при осуществлении правосудия в гражданском процессе. В соответствии с ч. 1 ст. 209 ГПК РФ решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное или кассационное обжалование, если они не были обжалованы. В случае подачи апелляционной жалобы решение мирового судьи вступает в законную силу после рассмотрения районным судом этой жалобы, если обжалуемое решение суда не отменено. Если решением районного суда отменено или изменено решение мирового судьи и принято новое решение, оно вступает в законную силу немедленно. В случае подачи кассационной жалобы решение суда, если оно не отменено, вступает в законную силу после рассмотрения дела судом кассационной инстанции.

Проверочная деятельность судов различных инстанций была очень подробно и основательно изучена в трудах ведущих российских процессуалистов Е.А. Борисовой, Л.А. Тереховой, М.Ш. Пацация, Р.В. Шакирьянова и др. Наряду с этим некоторые тенденции в деятельности судов проверочной инстанции нуждаются в дополнительном научно-практическом осмыслении.

В науке процессуального права дискутировался вопрос о том, можно ли отмену судебного решения рассматривать как форму возложения ответственности для суда первой инстанции или для судьи, вынесшего решение [1].

Достаточно взвешенную позицию в этом вопросе занял КС РФ в Постановлении «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и

статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко», в котором предлагается разграничивать два вида судебных ошибок:

Первые – это ошибки, связанные с принятием незаконного и необоснованного судебного акта, явившегося следствием неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения нормы права, если допущенные судьей нарушения закона не носят систематического характера, не обусловлены намеренным отступлением от общепризнанных морально-этических норм и не дискредитируют судебную власть. Ошибки такого рода не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий.

Вторая группа ошибок – это ошибки, которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, т.е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, что приводит к грубому нарушению прав участников процесса. Данные ошибки могут послужить основанием для применения к судье мер дисциплинарной ответственности как за однократное грубое нарушение, так и за систематические нарушения.

Таким образом, сама по себе судебная ошибка ординарного характера, влекущая за собой необходимость отмены или изменения решения суда первой инстанции, не должна связываться с наступлением неких негативных последствий для судьи. Однако на практике, для судьи, чье решение было отменено, будет прослеживаться своеобразный «брак» в работе, и, несмотря на то что каких-то прямых мер юридической ответственности для судьи это не влечет, показатель отмененных или измененных решений определяет так называемое качество работы судьи, что является важным при его назначении на какую-либо должность в судебной системе, присвоении квалификационного класса и т.д.

Все это обуславливает нежелательность отмены или изменения решения для вынесшего его судьи и может превратиться в одну из основных доминант в его процессуальной деятельности. Интересно заметить, что в некоторых зарубежных правовых порядках разрешение на обжалование решения может даваться самим вынесшим его судьей. Так, например, в соответствии с § 511 ГПУ Германии суд первой инстанции разрешает апелляцию, если спор имеет принципиальное значение или

постановление апелляционного суда необходимо для совершенствования права или обеспечения единообразия правосудия [2, с. 158]. Очевидно, что данная норма в условиях системы, при которой отмена решения считалась бы «браком», оказалась бы нежизнеспособной.

Относительно небольшое число отмененных решений суда первой инстанции связано с достаточно высоким качеством таких решений и демонстрирует эффективность процессуальной деятельности суда первой инстанции. Но помимо этого «устойчивость» решений судов первой инстанции может быть обусловлена юридическими, а также прагматическими факторами формального и неформального толка.

Итак, юридические факторы. Разумеется, процессуальный закон никак не может и не должен предопределять результат деятельности судов проверочных инстанций, требуя от них неких показателей отмен, изменений или оставления в силе судебных постановлений. Однако из содержания нормативного процессуального материала все же можно сделать вывод о том, что оставление решения в силе – это более предпочтительный вариант развития событий, нежели отмена или изменение акта суда первой инстанции. Здесь можно привести рассуждения общего и частного характера. Доводы общего плана сводятся к следующему [3].

Во-первых, заявитель жалобы должен доказать свои утверждения в пользу неправильности решения (п. 4 ч. 1 ст. 322 ГПК РФ) – в противном случае жалоба будет отклонена как неосновательная и решение суда первой инстанции останется в силе. Как замечал И.М. Зайцев, несмотря на то что кассаторам не противостоит вторая сторона с противоположной юридической заинтересованностью, их процессуальное положение имеет некоторое сходство с положением истца в суде первой инстанции [4, с. 100].

Во-вторых, если даже решение суда первой инстанции является и незаконным, и необоснованным, но заявитель не проявил волю на его обжалование, то оно вступает в законную силу, обретает все свойства решения, вступившего в законную силу, и считается законным и обоснованным.

В-третьих, если заявитель жалобы не приводит доводов в пользу незаконности и необоснованности решения суда первой инстанции, то суд не будет осуществлять проверку решения в этой части (за исключением процессуальных нарушений, являющихся безусловными

основаниями для отмены судебного акта (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ), а для гражданского процесса – также за исключением интересов законности (абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ)), т.е. даже если бы решение в необжалуемой части и содержало юридические дефекты, оно не будет подвергаться корректировке и вступит в законную силу.

Неопределенность критериев формальных и неформальных оснований для отмены судебного акта приводит к вынесению решений, в которых есть некоторые нестыковки, несовпадения, не до конца выясненные обстоятельства, однако они не берутся в расчет, поскольку решение является правильным по существу.

Таким образом, процессуальный закон возлагает на заявителя жалобы обязанность убедить суд в неправильности судебного акта, а суд имеет полное право сомневаться в выдвигаемых доводах, требуя от заявителя необходимой аргументации, – в противном случае решение будет оставлено в силе. В этом отношении задача стороны, «поддерживающей» решение, гораздо легче: ей достаточно соглашаться с доводами, приводимыми в решении. Теперь необходимо разъяснить некоторые так называемые прагматические факторы относящиеся к деятельности суда первой инстанции [5].

«Угроза» отмены решения вышестоящим судом накладывает отпечаток на деятельность суда первой инстанции и вносит в нее коррективы, сводящиеся к тому, что при вынесении решения ориентиром для судьи может являться не столько правильное рассмотрение дела, сколько то, каким образом это дело предстанет в глазах вышестоящего суда. Казалось бы, критерии оценки законности и обоснованности решения для судов первой и второй инстанций одинаковы, однако с практической стороны дело может обстоять иначе, и судья при вынесении решения бывает подвержен влиянию ряда соображений.

Во-первых, значимым выступает то, как данное дело и состоявшееся по нему решение сможет представить в суде второй инстанции лицо, обжалующее решение. Судья, как правило, понимает, что все действительные и мнимые недостатки решения могут быть раздуты и представлены перед судом второй инстанции в преувеличенном виде.

Во-вторых, значимой для суда первой инстанции является позиция суда проверочной инстанции по определенной категории дел. Однако определенные дефекты в деятельности суда второй инстанции,

тиражируемые им в виде позиций, рекомендаций, указаний по применению норм материального и процессуального права, могут обусловить их некритичное восприятие и воспроизведение судом первой инстанции, хотя бы судья и полагал предлагаемый подход ошибочным.

Если подобные позиции имеют официальный характер, доведены до сведения судей, опубликованы в сборниках судебной практики и т.д., то их существование и ориентация на них правоприменителей является фактором позитивного толка и может приветствоваться как средство обеспечения единства судебной практики (п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ) [3].

В-третьих, логично предположить, что, поскольку отмена или изменение решения могут обусловить наступление отдельных негативных последствий для судьи, он может быть не заинтересован в том, чтобы его решение обжаловалось сторонами. Отсюда судья бывает движим желанием принятия не столько решения законного, сколько решения, которое бы устроило обе стороны и которое в связи с этим никто бы не стал обжаловать.

Процессуальный закон вменяет в обязанность судье осуществлять меры по примирению спорящих сторон (абз. 6 ст. 148 ГПК РФ). Однако не все иницилируемые судом формы достижения компромисса между сторонами являются допустимыми. Это относится к случаям, когда судья предлагает истцу удовлетворить часть его требований в «обмен» на то, что он откажется от других требований к ответчику, которого устроило бы такое положение; или же судья уговаривает сторону не обжаловать решение в обмен на то, что он удовлетворит иное требование стороны, каким-либо образом связанное с рассматриваемым делом и способное улучшить положение стороны.

Таким образом, вместо правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела, логичным исходом которого служит принятие законного и обоснованного решения, судья может стремиться к вынесению решения, которое не будет отменено или изменено судом вышестоящей инстанции. Приведенные выше соображения доказывают, что это не всегда одно и то же.

Нельзя отрицать того, что негативные последствия, все же наступают или могут наступить для судьи, чье решение подверглось корректировке. Подобное положение, в свою очередь, может отразиться и на деятельности суда вышестоящей инстанции, который при проверке

судебного акта с чисто психологической стороны может быть движим нежеланием отменить решение своего коллеги без каких-либо достаточно серьезных оснований.

Решение суда первой инстанции как объект обжалования представляет собой результат процессуальной деятельности суда и участников процесса. Судебный акт, принятый по существу спора, отражает результаты доказательственной деятельности, правоприменения и др. Несмотря на то, что непосредственным «автором» решения выступает суд, его содержание предопределяется процессуальными действиями лиц, участвующих в деле.

Таким образом, в гражданском судопроизводстве судебное решение является важным актом правосудия, на который направлена процессуальная деятельность всех участников процесса по конкретному делу, в связи, с чем в судебной практике ему должно уделяться особое внимание.

Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению [6, с. 416-417]. Обоснованным решение является тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов. Отсюда следует, что отмена незаконного и необоснованного решения суда может повлечь как для суда так и для судьи негативные последствия в его деятельности. Чаще всего судьи пытаются избежать каких либо ошибок при вынесении решения и основываются прежде всего на то, устроит ли данное решение стороны, но будет ли оно соответствовать требованиям закона – это уже второстепенный вопрос.

-
1. Юдин А.В. Факторы «устойчивости» решений судов первой инстанции по гражданским делам и их «реабилитация» судами проверочных инстанций // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1.
 2. Гражданское процессуальное уложение Германии = Deutsche Zivilprozessordnung mit Einfuhrungsgesetz: Ввод. закон к Гражд.

процессуальному: пер. с нем. / В. Бергманн, введ., сост. М.: Волтерс Клувер, 2006.

3. Юдин А.В. Факторы «устойчивости» решений судов первой инстанции по гражданским делам и их «реабилитация» судами проверочных инстанций // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1.

4. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1985.

5. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3.

6. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008.

Сведения об авторе

Ломовская Алина Вячеславовна
Курсант 101 учебной группы факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

Научный руководитель:
Мельник Сергей Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент
Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 347.9

Ломовская О.И.

НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются противоречивые моменты норм, регламентирующих отношения в сфере прав на недвижимое имущество, определяются спорные вопросы определения критериев признания объекта недвижимым имуществом, в частности, появления

новой разновидности недвижимых вещей – единого недвижимого комплекса.

Ключевые слова: недвижимое имущество, критерии оценки имущества, временное сооружение, жилые помещения, нежилые помещения, единый недвижимый комплекс.

Вступивший в силу 1 января 1995 года ГК РФ в первой части закрепил понятие «недвижимость» и объединил «недвижимость», «недвижимое имущество», «недвижимые вещи».

В соответствии с ГК РФ (статья 130) к недвижимым вещам по природе следует относить две условные группы:

объекты, которые составляют единое целое с земельным участком, в том числе участки недр и водные объекты;

объекты, передвижение которых без глобального ущерба нельзя представить возможным (леса, многолетние насаждения, здания, сооружения, а так же объекты незавершенного строительства).

Конечно, такое деление, хоть и условное, назвать последовательным нельзя, в силу того, что леса, многолетние насаждения, изолированные водные объекты можно было отнести к той же категории, что и земельный участок, недра по причине прочной связи этих объектов с землей.

А вот критерий перемещения объектов без несоразмерного ущерба для них относят к второстепенному, обосновывая это тем, что, разделяя недвижимые вещи на две формы, каждая из которой характеризуется прочной, неразрывной связью с землей, вторую форму наделяет возможностью перемещения с несоразмерным ущербом их назначению. В тоже время, невозможность перемещения без пропорционального ущерба свойственна не всем объектом недвижимости.

Следует отметить тот факт, что законодатель относит к недвижимости объекты, которые по своим признакам и назначению являются движимыми (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты). Признание данных объектов в качестве недвижимого имущества определено, в первую очередь, их важным значением для жизнедеятельности в целом, а их эксплуатация строго подконтрольна в гражданском обороте, а так же тем, что оно является дорогостоящим. Именно поэтому для данных объектов определен особый порядок регистрации, но в полном объеме режим недвижимого

имущества на них не распространяется. Следовательно, закрепленность предмета с землей, хоть это и главный критерий в соответствии с ГК РФ, в большинстве случаев признак формальный, так как с развитием техники может потерять свой статус.

Конечно, представленный перечень объектов, относящихся к недвижимым вещам, не является полным, исчерпывающим, потому что из пункта 1 статьи 130 ГК РФ следует, что к недвижимым вещам можно отнести и другое имущество.

Как отмечалось ранее в работе, законодатель отождествляет понятия «недвижимые вещи, недвижимое имущество, недвижимость». В тоже время, некоторые цивилисты предлагают иную классификацию деления имущества на движимое и недвижимое имущество. В частности, выдвигается точка зрения о том, что видами недвижимых вещей выступает недвижимость и все недвижимое имущество. Предлагается классифицировать «недвижимость» на земельный объект, водный объект, горный и т.д. То есть, к недвижимости он относит предметы, не имеющие имущественной ценности. Это такие объекты и ресурсы, которые сформировались в процессе естественного развития материи и их перемещение невозможно в силу их естественного, природного происхождения и развития (земля и другие природные объекты). Следует отметить, что данная теория не находит практического применения в силу следующих факторов:

природные объекты, например, лесные массивы, могут быть перемещены с несоразмерным ущербом их назначению, кроме этого, они могут являться объектами, в которых в какой-то степени вложен труд человека;

в соответствии с гражданским законодательством применение понятия имущественная природа к недвижимым вещам является некорректным, так как объекты, определенные статьей 130 ГК РФ являются вещами, а вещи, в свою очередь, видами имущества (статья 128 ГК РФ), а не наоборот.

По мнению С.Ю. Стародумовой [1, с. 42-45], законодатель не совсем обоснованно применяет взаимозаменяемые определения «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость», так как среди данных объектов равными нужно воспринимать только понятия «недвижимая вещь и недвижимость», так как к имуществу могут быть отнесены и имущественные права. Этой точки зрения

придерживается и С.П. Гришаев, подчеркивая, что «... в данном случае речь идет об ошибке, которая вновь повторяется в ГК» [2, с. 47].

Противоречивым остается вопрос о возможности причисления к недвижимому имуществу тех объектов, которые неразрывно связаны с земельным участком, при этом отделить его достаточно сложно, так называемая недвижимость в силу назначения (объекты, не скрепленные фундаментом или установленные на блоках). В данном случае нам видится, что при ГК РФ не был учтен по данному вопросу зарубежный опыт и дореволюционный отечественный.

В современном российском государстве важность и необходимость разделения вещей на движимые и недвижимые используется и признается не только в науке гражданского права. Государство стремится контролировать процессы, которые связаны с оборотом недвижимости в связи с их социальной ценностью.

В связи с этим, с учетом рыночного развития экономики страны, учеными верно отмечено, что деление вещей на недвижимые и движимые стало ключевым для гражданского законодательства.

ГК РФ в статье 130 устанавливается невозможность передвижения недвижимости без несоразмерного ущерба назначению такого объекта, имея в виду именно здания, сооружения и объекты незавершенного строительства.

В связи с этим, в нашей исследовательской работе обратимся к признакам недвижимости, перечисленным в ГК РФ.

С учетом развития уровня техники, некоторые объекты недвижимости были перемещены на небольшие расстояния без какого-либо ущерба их назначению, в связи с чем, можно говорить о прочности связи недвижимого объекта с землей. В данном случае законодатель не дает дефиниции таким понятиям, как «прочность», «прочная связь с землей», а судебная практика каждый раз индивидуально подходит к определению, устанавливая, возникла такая связь или нет.

Прочная связь с землей характеризуется песчаной подушкой, щебеночным покрытием и слоем бетона. В связи с этим, некоторые авторы предлагают ввести критерий прочной связи объекта с землей в обязательной документации и привлечением квалифицированных специалистов в конкретной сфере.

Так же, законодатель не дает четкого понятия «несоразмерный ущерб назначению недвижимого объекта». О.В. Макаров [3, с. 11-12] вообще предлагает исключить данный признак из ГК РФ.

Очень часто судебные инстанции в этой связи под ущербом понимают дальнейшую невозможность использования объекта по целевому назначению после его перемещения, а так же значительное ухудшение технического состояния, снижение материальной, художественной ценности объекта и т.п.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что ученые предлагают различные дефиниции недвижимости.

В данном случае нельзя не упомянуть позицию Н.Ю. Шеметовой [4, с. 26]. Автор упоминает о недвижимом имуществе только как о земельном участке и прочно связанных с ним объектов, в случаях отделении их от земельного участка теряют свое предназначение и субъективные характеристики.

Полагаем, что давать определение недвижимости необходимо именно через признаки земельного участка как объекта недвижимости.

На первый взгляд, не должно быть проблем с земельными участками, участками недр (природными недвижимыми объектами) при установлении их как недвижимости. В связи с чем, земельный участок более конкретно будет рассмотрен именно как главный классификатор деления вещей на движимые и недвижимые. ГК РФ относит к недвижимым вещам воздушные, морские и иные суда по экономическим и по другим основаниям,

Поэтому и выделяется такое большое количество признаков недвижимости, кроме прямо вытекающих из нормы пункта 1 статьи 130 ГК РФ.

Отметим тот факт, что в действующем законодательстве понятие «земельный участок» многократно менялось «перемещаясь» из одной отрасли в другую. Данное понятие ранее содержалось в самостоятельной главе 1.1 Земельного кодекса Российской Федерации, было названо «земельные участки» и раскрывало порядок их образования. Видимо, 1 марта 2015 года вступила в силу новая редакция Земельного кодекса, для конкретного раскрытия данного порядка. Данная редакция уточняет как само определение земельного участка, так и его образование и закрепляемые на него права.

Земельный участок законодательно определяется как объект права собственности и иных прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи.

Судебная практика земельный участок все равно относит к недвижимому имуществу, даже если таковой не имеет границ, описанных и утвержденных в установленном порядке Федеральным законом Российской Федерации «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

В случае приобретения имущества по возмездному договору у лица, которое не обладало правами на отчуждение, то собственник имеет право обратиться в суд с иском об истребовании имущества из незаконного владения лица, купившего это имущество (виндикационный иск). Но, в тоже время, такой земельный участок предметом сделки может и не стать, в силу того, что и его местоположение, и его границы индивидуализируют земельные участки друг от друга и разрешают им принимать участие в гражданском обороте.

Таким образом, земельный участок в соответствии с законодательством, хоть и обладает двумя признаками – некоторой частью земной поверхности и определением границ этой части поверхности на местности, без необходимости гражданского оборота не нуждается в определении и уточнении своих границ.

Следует отметить тот факт, что в Земельном кодексе Российской Федерации ни о каких природных характеристиках земельного участка не говорится, а вот пункт 2 статьи 261 ГК РФ явно указывает на такие характеристики (поверхностный (почвенный) слой, водные объекты и находящиеся на земельном участке растения).

Нами отмечалось выше, что с 2015 года земельный участок был рассмотрен и конкретизирован и как объект права собственности и иных прав на землю (это показывает на юридическое признание такого объекта), и, как недвижимая вещь, представляющая собой часть земной поверхности, и имеющая такие характеристики, которые позволяют определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи.

Следовательно, законодатель уточняет именно второй признак земельного участка, а конкретно, его характеристики, позволяющие определить его в качестве индивидуально-определенной вещи. Безусловно, к ним отнесены и границы земельного участка. Полагаем, что к представленным признакам следует отнести и такие физические характеристики как природные, антропогенные, фактические.

Выделяя природные объекты, перечисленные в ГК РФ, цивилисты к природным признакам относят почвенный слой земли, древесно-кустарниковую и лесную растительность, водные объекты [5, с. 81-82].

Категория отнесения земель позволяет определить разные природные характеристики земельного участка.

Земельный участок – это составная, сложная вещь, имеющая и природные характеристики, и искусственно созданные, исходя из категории земли.

С точки зрения судов движимой важной частью земельного участка могут быть участки, имеющие покрытие, границы участка, поливные системы и пр. Ряд цивилистов причисляют к рукотворным признакам присутствие на земельном участке объектов недвижимости, которые позволяют классифицировать его как сложную (единый объект) или составную недвижимую вещь.

Изменения в гражданское законодательство, вступившие в силу с 1 октября 2013 года ввели новый объект недвижимости – единый объект (единый недвижимый комплекс). Данный объект объединил единым назначением вещи, неразрывно связанные физически или технологически либо расположенные на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность объектов в целом как одну недвижимую вещь (статья 133.1 ГК РФ).

Проанализировав законодательные акты, можно выделить два признака недвижимости – физический (фактическое существование участка в качестве объекта прав с определением его границ, утвержденной площади, координатах точек земельного участка) и юридический признак, определяющий целевое назначение и разрешенное использование земельного участка для обязательной регистрации объекта в качестве недвижимости.

Отметим тот факт, что в науке возникает спор по поводу второго признака, а именно, о его подчиненности государственной регистрации прав.

Даже при отсутствии регистрации прав на определенный земельный участок в границах нашего государства земельные участки считаются недвижимостью по природе. Однако законодатель, все же иногда, пытается увеличить роль юридического признака недвижимости, вводя обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью [6, с. 15-17].

В 2011 году появился отдельный вид земельного участка – искусственный земельный участок, имеющий двойственную природу, потому как, с одной стороны, является рукотворным объектом, а с

другой, получает правовой статус естественно-природного земельного участка. В данном случае искусственный земельный участок трактуется как сооружение, создаваемое на водном объекте или его части, находящемся в федеральной собственности, путем намыва или отсыпки грунта либо использования иных технологий и признаваемое после ввода его в эксплуатацию также земельным участком.

В соответствии с пунктом 10 статьи 1 ГК РФ к недвижимости объекты капитального строительства (здания, строения, сооружения и объекты, строительство которых еще не завершено), отличающиеся между собой своим правовым режимом.

Например, согласно ГК РФ, Закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», нежилые помещения внутри зданий причислены к недвижимости (о возможности отнесения объектов к недвижимости).

Указанные объекты имеют физические характеристики, что позволяет установить фактическую связь с землей, характеристики, отличные от земли, и невозможность их перемещения без причинения несоразмерного ущерба назначению.

Данные объекты могут выступать объектами права только после реализации строительной деятельности по созданию этих объектов. А объект незавершенного строительства предстает ярким образцом рукотворного объекта недвижимости. Чтобы признать его в качестве недвижимости нужно наличие документов, устанавливающих право собственности на сформированный земельный участок и согласование (при необходимости) и утверждение документов, таких как, технический паспорт на создаваемый объект недвижимости.

Если говорить о судебной практике по данному направлению, то зачастую объект незавершенного строительства признается таковым при завершении определенных этапов строительных работ – например, полностью завершены фундаментные и тому подобные работы – и внесении сведений о таком объекте в кадастр. Кроме этого, при разрешении споров о праве собственности на данные объекты, в судебной практике нужно следовать тем нормам, которые регулируют правоотношения собственности на недвижимое имущество с учетом особенностей возникновения права собственности на незавершенные строительством объекты и возможностью распоряжения ими.

Объект незавершенный строительством может быть предметом договора купли-продажи и право собственности возникает с момента

государственной регистрации. Критерий невозможности отнесения его к недвижимости, суд связывает с невозможностью перемещения без несоразмерного для него ущерба.

В юридической литературе, такие авторы как П. Крашенинников, С. Савкин, И. Гумаров так же признавали его недвижимостью, но полагали, что к объектам незавершенного строительства должны применяться нормы, устанавливающие правовой режим объекта, еще до момента государственной регистрации права собственности.

Е. Киндеева в своих работах предлагала для признания объекта незавершенного строительства обязательного соблюдения трех условий: наличие неразрывной связи с землей, отсутствие у объекта статуса предмета действующего договора строительного подряда, конкретному лицу необходимо совершить с ним сделку. С точки зрения автора только при наличии данных требований объект незавершенного строительства может быть признан недвижимостью.

Анализ взглядов позволяет отметить, что Е. Киндеева во главу угла ставила необходимость совершения сделки с объектом для дальнейшего признания его недвижимостью, а вот О.Козырь выделяла главное условие совершения сделки для дальнейшей регистрации права собственности на него, при несоблюдении этого условия, объект недвижимостью признан быть не может.

Авторы не выделяют различия между абсолютно разными категориями: регистрацией права собственности на объект недвижимости и регистрацией самого объекта в качестве недвижимого имущества. Государственная регистрация прав на недвижимость является результатом регистрации этих объектов в виде недвижимых с объективными признаками недвижимого имущества. Кроме того, отсутствие регистрации недвижимости не считается причиной не признания ее недвижимостью.

Здесь можно сказать о коллизиях в гражданском законодательстве из-за не очень корректных формулировок определенных норм, о чем свидетельствует смешение двух определений понятий регистрации непосредственно недвижимости и регистрации прав на нее.

Предлагаем для объектов незавершенного строительства отвести в законодательстве отдельное место, а именно:

в законе «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» конкретизировать нормы в отношении объектов незавершенного строительства в отдельной статье;

объекты незавершенного строительства внести в перечень объектов недвижимости в статье 1 Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Недвижимые объекты не заканчиваются на данной классификации. В соответствии с ГК РФ к ним можно отнести и другие объекты, соответствующие признакам недвижимости:

а) жилые помещения;
б) предприятия как имущественные комплексы;
в) стационарные торговые и складские объекты как здания (части здания) и сооружения;

г) стадионы как единое спортивное сооружение, состоящее из земельного участка, обустроенного определенным образом и предназначенного для спортивных игр (футбольное поле и мини-футбольное поле), а также объектов недвижимости вспомогательного назначения;

д) производственные площадки, индивидуализированные в едином кадастре и имеющие основание, прочно соединяющее площадку с землей, и др.

-
1. Стародумова С.Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве // Юридический мир. М., 2015. № 5.
 2. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // Законодательство и экономика. М.: Законодательство и экономика. 2015. № 3.
 3. Макаров О.В. Недвижимость как объект гражданских правоотношений: сущность и характерные черты // Нотариус. 2014. № 5.
 4. Шеметова Н.Ю. Определение недвижимого имущества в России: экономические предпосылки и правовые подходы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 7.
 5. Колов А.Ю. Вещные права на земельный участок в России. Томск: Пеленг. 2004.
 6. Ситдикова Л.Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. 2013. № 5.

Сведения об авторе

Ломовская Ольга Ивановна
Студент магистратуры
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал)
E-mail: woman-riddle@bk.ru

УДК 347.214.2

Малышева Н.А.

БЭБИ-БОКСЫ В РОССИИ: ОКНО ЖИЗНИ ИЛИ ПОРОЧНАЯ ПРАКТИКА?

В статье рассматривается вопрос введения бэби-боксов в России, что на первый взгляд выглядят достаточно надежным и действенным способом решения проблемы детской смертности. Однако, автор углубляясь в данный вопрос, находит множество подводных камней, ведущих в том числе и к нарушению базовых прав ребенка, закрепленных как в российских, так и в международных нормативных актах.

Ключевые слова: ребенок, бэби-бокс, семья, родители.

За последние десятилетия демократическая ситуация в России претерпела значительные положительные изменения: сократился уровень смертности, возросло качество укрепления здоровья населения, повысился коэффициент рождаемости. Положительная динамика демократической ситуации во многом связана с реализуемыми в стране программами в данной области. Вместе с тем, экономические, социальные, политические реформы привели к упадку современного положения семей.

Снижение авторитета семьи также во многом обусловлено кризисом духовного мира личности, который сопровождается переориентацией личности, переосмыслением жизненных ценностей, приводит к деформации сознания. Трансформация моральных ценностей

неизбежно влечет за собой разложение правосознания и нравственного сознания. Подобные процессы в обществе пагубно влияют на поведение граждан, в связи с чем они совершают абсолютно аморальные противоправные действия, в том числе и в отношении детей.

Летом 2015 года получила громкое распространение история, которая потрясла всю страну. В Челябинске молодая женщина бросила свою новорожденную дочь в лесу. Ребенка совершенно случайно нашел прохожий, который услышал детский плач. Бедную голодную девочку, всю покусанную насекомыми, чудом удалось спасти врачам [1]. В Краснодарском крае в период с 2013 по 2016 годы из мусорных баков и выгребных ям было извлечено 20 младенцев, убитых собственными матерями [2]. В новостных заголовках часто встречаются ужасающие новости о мертвых детях, оставленных в холодных подъездах, у порога больницы или найденных в мусорных баках.

На основании устрашающей статистики количества смертей новорожденных в России стали появляться бэби-боксы, так называемые «окна жизни». С 2011 по 2015 годы бэби-боксы были установлены в 13 регионах страны [3]. Их появление вызвало бурную реакцию со стороны общественности, на фоне которой родилась дискуссия относительно необходимости законодательного закрепления данного института.

Так, член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Елизавета Глинка считает, что «лучше «коробка с кроваткой», чем картонка рядом с мусоропроводом» [4]. По ее мнению, бэби-боксы заставят задуматься женщину о дальнейшей судьбе ребенка, поэтому необходимо законодательно поддержать эту идею.

Официальный представитель Следственного комитета РФ Владимир Маркин, высказав свою позицию относительно данной проблемы, отметил, что бэби-боксы доказали свою позитивную роль в России [5]. Маркин считает, что именно бэби-боксы открывают нежеланным младенцам окна в жизнь, выступая при этом дополнительным способом их защиты.

По мнению Президента благотворительного фонда «Колыбель надежды» Елены Котовой, бэби-боксы позволяют, как минимум, сохранить для общества двух людей. Свою позицию она подкрепляет тем, что женщина, оставляя своего малыша в бэби-боксе, не становится убийцей и может в дальнейшем исправиться, а ребенок, оставленный в обогреваемом контейнере, остается жив и здоров [6].

Однако, оппоненты сторонников бэби-боксов имеют мнения, отличные от вышеуказанных. Так, Павел Астахов, выполнявший полномочия Уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка с 26 декабря 2009 года по 9 сентября 2016 года, считает, что этот инструмент лишь поощряет инфантильных родителей отказываться от родительских обязанностей [2]. По его мнению, тайность и анонимность функционирования бэби-боксов исключает общественную огласку и осуждение, в связи с чем возможен рост числа детей, оставшихся без родителей.

Выражая позицию противников бэби-боксов, следует отметить, что их действие ведет к прямому нарушению многих прав ребенка, провозглашенных в Конвенции ООН о правах ребенка (далее по тексту – Конвенция) [7]. Исходя из анализа принципа действия и функционирования бэби-боксов, можно сказать, проект «бэби-бокс» нарушает право знать своих родителей, право на заботу своих родителей, право жить и воспитываться в семье, право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство и семейные связи. Кроме того, применительно к законодательству нашей страны, внедрение бэби-боксов нарушает базовые нормы семейного законодательства, в частности Семейного кодекса РФ (далее по тексту – СК РФ), который во многом дублирует положения Конвенции. Так, анонимно помещая ребенка в бэби-бокс, напрямую нарушается право ребенка знать своих родителей, закрепленное в ч. 2 ст. 54 СК РФ. Анонимность упрощает женщине процедуру помещения ребенка в специальный ящик, однако усложняет процесс возврата своего ребенка в случае раскаяния. Согласитесь, если всех малышей мамы оставляют в ящиках анонимно, то вернуть ребенка обратно в административном порядке ей уже не удастся, так как нет документальных подтверждений относительно его матери. Следовательно, женщине придется обратиться в суд, где будет назначена дорогостоящая генетическая экспертиза, которую женщина обязана будет оплатить.

Стоит отметить, что «реализация основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье» является ключевым принципом Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [8]. Вместе с тем, распространение бэби-боксов неизбежно влечет за собой нарушение данного права. Семья испокон веков считалась основным социальным институтом, где воспитывается ребенок. На наш взгляд, только в семье ребенок получает должную

заботу, любовь, поддержку и внимание, необходимые для его развития. Как же «ящик для ребенка» может заменить материнскую любовь и ласку, папину поддержку и заботу?

Безусловно, проект направлен на снижение уровня детской смертности. Убивают детей зачастую женщины, страдающие алкоголизмом, наркоманией, а также не имеющие постоянного места жительства [9, с. 75-78]. Однако мы считаем, что женщины такой категории не будут пользоваться бэби-боксами. К ним будут приходить женщины, которые в силу тяжелых жизненных обстоятельств не планировали убивать ребенка, но таким образом им будет проще справиться с трудностями. Бэби-боксы создают иллюзию гуманного решения проблемы, в действительности не решая ее. Жизненные проблемы, как правило, не уходят с ребенком, а лишь могут усугубиться, поэтому нужно придумывать цивилизованные методы решения проблемы детской смертности, в частности: повысить уровень жизни населения, расширить гарантии молодым семьям и матерям.

Таким образом, можно сказать, что проект «бэби-бокс» привлек широкое внимание общественности, в связи с чем вызвал бурную дискуссию ведущих правоведов и политиков страны. По нашему мнению, введение бэби-боксов на первый взгляд выглядят достаточно надежным и действенным способом решения проблемы детской смертности. Однако, углубляясь в данный вопрос, можно найти множество подводных камней, ведущих в том числе и к нарушению базовых прав ребенка, закрепленных как в российских, так и в международных нормативных актах. Мы считаем, что бэби-боксы не помогут нашему обществу решить столь глобальную проблему, так как она кроется в сознании граждан, в их отношении к общечеловеческим ценностям.

1. Официальный сайт 1 канала [Электронный ресурс]. URL: <http://tonight.1tv.ru/news/social/298729>.

2. Невинная И. Беби в боксе [Электронный ресурс] // Российская газета - Неделя № 6918 (50) 09.03.2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/09/bebi-boksy-vnov-predlozhili-uzakonit.html>.

3. Анушевская А. Что такое бэби-боксы и почему их хотят запретить? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты № 7184. URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/chto_takoe_bebioksy_i_pochemu_ih_hoty_at_zapretit.

4. Новоселова Е., Петин В. Помогут ли беби-боксы снизить уровень детоубийств? [Электронный ресурс] // Российская газета. № 6932 (64) 28.03.2016. URL: <https://rg.ru/2016/03/28/za-piat-let-bebi-boksy-v-rossii-spasli-zhizn-35-malysham.html>.
5. Петров И. Маркин: «Бэби-боксы стали дополнительным инструментом защиты детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/931108>.
6. Котова Е. Бэби-бокс – это просто благоустроенное окно [Электронный ресурс] // Звезда: интернет-журнал. URL: <http://zvzda.ru/interviews/52ea957471d6>.
7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
8. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23, ст. 2994.
9. Ковалевский В.И. «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Современное право. 2015. № 10.

Сведения об авторе

Малышева Наталия Александровна
Курсант 501 учебной группы факультета подготовки следователей
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: ms.Malysh1995@mail.ru

Научный руководитель:
Мельник Сергей Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент
Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 347.6

Надтачаев П.В., Мельник С.В.

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКОВ
И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ОСОБЫЙ ПРЕДМЕТ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена актуальным вопросам, возникающим в сфере защиты чести, достоинства сотрудников ОВД и деловой репутации ОВД. В статье анализируются гражданско-правовые способы защиты личных нематериальных благ сотрудников и подразделений ОВД, а также их соотношение с уголовно-правовыми способами защиты.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, сотрудник ОВД, информация, нематериальные блага, защита гражданских прав.

Ориентирование российского законодательства на международные стандарты привело к провозглашению Конституцией РФ, принятой в 1993 году, прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью нашего государства. В связи с этим законодатель должен был выстроить эффективную систему защиты прав человека во всех отраслях законодательства.

Так, отрасль гражданского права регулирует достаточно обширный пласт общественных отношений, поэтому данная сфера правового регулирования в настоящее время имеет множество пробелов и не решенных спорных вопросов.

Ст. 2 ГК РФ относит к числу субъектов гражданского права как физических, так и юридических лиц. Среди физических лиц сотрудники ОВД занимают особое место, так как в силу специфики их деятельности обладают правовым статусом представителя власти. Правовой статус традиционно определяется как совокупность прав, обязанностей, а также ответственности личности. Правовой статус является разновидностью социального статуса личности. Поскольку сотрудник ОВД обладает статусом представителя власти, то набор его прав и обязанностей должен соответствовать статусу не просто личности, а личности-представителя власти. Это вполне объяснимо, ведь перед нами предстает не просто личность, а должностное лицо,

которое выполняет служебные задачи от имени государства, то есть является связующим элементом системы «общество-государство». Выполнение служебных задач сотрудниками ОВД нередко ставит их жизнь и здоровье в опасность, что говорит о сложности и о непредсказуемости их работы. Сотрудники ОВД стоят на страже закона, порядка и человеческих жизней, в связи с этим общество предъявляет повышенные требования к личности сотрудника ОВД. Люди оценивают их деятельность, в первую очередь, с точки зрения моральных норм, поэтому недостойное поведение сотрудников крайне негативно сказывается на имидже ОВД и системы МВД в целом. Глава государства В.В. Путин сказал однажды: «Но, если уж вы и ваши сотрудники пришли на эту работу и сделали этот выбор сознательно, значит нужно всё делать для того, чтобы отвечать высоким требованиям, которые предъявляются к сотрудникам органов внутренних дел» [1].

Мы полностью согласны с мнением Президента РФ и считаем, что хамство, небрежность и неуважительное отношение к гражданам недопустимо со стороны сотрудников. В ранее действовавшем Постановлении ВС РФ от 23.12.1992 № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Постановление ВС РФ) было предусмотрено одно из оснований для увольнения со службы в ОВД в виде совершения проступков, несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам сотрудника органов внутренних дел. Согласно пришедшему на смену Постановлению ВС РФ, Федеральному закону от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – Закона «О службе в ОВД РФ»), сотрудник ОВД подлежит увольнению в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. На наш взгляд, несмотря на различие вышеуказанных формулировок, их суть и содержание практически тождественны. Мы считаем, что проступок, порочащий честь сотрудника ОВД, во многом обусловлен несовместимыми для сотрудника нравственными качествами.

Однако, зачастую сотрудники ОВД сами вынуждены претерпевать недостойное поведение граждан, выслушивая оскорбления и унижения в свой адрес. Учитывая нелегкий труд сотрудников ОВД, а также направленность их деятельности исключительно на благо

общества, считаем, что они достойны действенного механизма защиты нарушенных прав. Особой защите подлежат их честь, достоинство и деловая репутация, поскольку дискредитация сотрудников ОВД дестабилизирует нормальное функционирование системы ОВД, государства, а также негативно отражается на авторитете ОВД и министерства внутренних дел в целом.

Честь, достоинство и деловая репутация сотрудника ОВД являются объектом защиты как в гражданско-правовых, так и в уголовно-правовых отношениях. Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) предусматривает специальные нормы, касающиеся охраны законных интересов сотрудников правоохранительных органов, наряду с общими. Так, составы ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование» и ст. 319 «Оскорбление представителя власти» относятся к числу двухобъектных. И в первом и во втором случаях нарушается нормальное функционирование органов власти, а также подрывается их авторитет путем нанесения урона чести и достоинству конкретному представителю власти. Распространение сведений, порочащих честь и достоинство сотрудников ОВД, неизбежно ведет к подрыву авторитета системы ОВД РФ.

Это подтверждается и социологическими исследованиями, проводимыми различными организациями и ведомствами на предмет доверия защитникам правопорядка. По официальным данным российского негосударственного центра изучения общественного мнения имени Юрия Левады, до 2011 года граждане совершенно не доверяли полиции (на тот момент милиции) [2]. Начиная с 2011 года, ситуация постепенно стала улучшаться, переходя с планки «совсем не заслуживает доверия» на отметку «не вполне заслуживает доверия», и к декабрю 2016 года практически достигла отметки «вполне заслуживает доверия», что тождественно уровню доверия органам прокуратуры. Если же сравнивать уровень доверия граждан полиции с уровнем доверия иным силовым структурам, стоит отметить, что до 2011 года именно сотрудники милиции оказались «за чертой доверия», в то время как армия и органы государственной безопасности отличались высокими показателями в данном вопросе. С 2011 года уровень доверия возрастал по отношению ко всем правоохранительным органам и силовым структурам. С 2014 года самые низкие показатели доверия имеют суды.

Мы считаем, что уровень доверия к полиции во многом возрос благодаря проведенной в 2011 году реформе, которая была направлена на повышение как авторитета сотрудников полиции, так и престижности самой профессии полицейского. Так, исследователи РГСУ отмечают, что в 1990 году в будущем своих детей в рядах полиции хотел видеть лишь каждый десятый опрошенный, в 2015 – каждый пятый [3], что свидетельствует о реальной действенности проведенной реформы. Согласно исследованиям, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2016 году более 47 % россиян отметили свое доверие к стражам правопорядка в своем регионе (приложение № 2). ВНИИ МВД России отмечает, что наиболее защищенными оказались жители Белгородской области (67,09 %), Магаданской области (62,80 %), Республики Хакасия (60,80 %), Псковской области (58,33 %), Чукотского автономного округа (57,67 %), Ямало-Ненецкого автономного округа (57,5%), г. Севастополя (53,92 %), Республики Крым (49,33 %) [3].

По нашему мнению, подобные показатели, в первую очередь, являются заслугой самих сотрудников, поскольку общество формирует образ сотрудника ОВД исходя из личных убеждений и опыта взаимодействия с представителями закона. Оценка деятельности сотрудника ОВД конкретным гражданином, безусловно, глубоко субъективна, так как гражданин оценивает ее с позиций собственных убеждений и моральных представлений. Зачастую поведение многих недобросовестных граждан носит аморальный характер, в результате чего сотрудники ОВД вынуждены претерпевать унижение чести, достоинства и деловой репутации. В рамках проведенного в 2013 году анкетирования и интервьюирования сотрудников ОВД, прибывающих для обучения в Тюменский институт повышения квалификации МВД России, было выяснено, что 53,5 % из них подвергались оскорблению в качестве представителя власти 1-3 раза, 10,9 % – 3-5 раз, а 34,6 % – более 5 раз. Лиц, которые ни разу не подвергались оскорблению как представители власти, среди опрошенных сотрудников ОВД практически нет [4, с. 45].

По данным ГИАЦ МВД России в 2013 году было зафиксировано около 21 000 преступлений в отношении сотрудников ОВД (+2,8 к аналогичному периоду предшествующего года), в том числе 9 694 фактов оскорбления, 7 203 фактов применения насилия, 118 случаев умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, 238 посягательств на жизнь сотрудника правоохранительных органов. За

первые полгода 2014 года в суд подано более 74 исков в защиту деловой репутации ОВД, возбуждено 65 уголовных дел по фактам оскорбления представителя власти, заведомо ложного доноса и клеветы [5, с. 81].

Защита, чести, доброго имени и достоинства – это, прежде всего, конституционное право каждого гражданина, предусмотренное ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. Как уже было сказано выше, Закон «О полиции» позволяет защищаться сотрудникам полиции и членам их семей в порядке, предусмотренном законодательством РФ. На наш взгляд, указанная формулировка не совсем удачна, так как в ней не указаны конкретные способы или нормы. В поиске защиты нарушенных прав сотрудникам приходится прибегать к нормам различных отраслей права, не систематизированным должным образом. Е.Г. Комиссарова отмечает в своей монографии, «для права сотрудник полиции – это терминологический образ, который отражает факт состояния лица в служебной взаимосвязи с государством, а потому отношения с участием этого лица как субъекта властных отношений подпадают под правовое воздействие специальных норм Закона о полиции, Закона о службе в органах внутренних дел» [6, с. 88]. В рамках гражданского права сотрудник ОВД предстает как обычная личность, обладающая общим набором прав и обязанностей. Поскольку риск нарушения прав по поводу нематериальных благ у сотрудника как «представителя власти, осуществляющего исполнительную власть» значительно выше, то законодатель расширяет круг специальных норм, обеспечивающих уверенность в социальной защищенности сотрудников. Нормы же гражданского законодательства абстрагированы от профессионального и жизненного пути личности, и не дифференцированы по каким-либо ее отличительным признакам. Это обусловлено тем, что правом на честь и достоинство обладает каждый человек от рождения, и характер его деятельности никак не может отразиться на объеме и содержании абсолютного права и способе его защиты. Защита чести сотрудника ОВД несколько не будет отличаться от процедуры защиты чести обычного гражданина. Понятие «честь» в законодательстве является единым и неделимым. С одной стороны, такая позиция законодателя вполне оправдана, поскольку деление чести на частные виды, такие как: служебная честь, офицерская, деловая и др., безответно привело бы к появлению множества вопросов как в науке, так и среди правоприменителей. Главное с этой точки зрения – это то, что

законодатель отнес честь к числу нематериальных благ, тем самым определив гражданско-правовую сферу ее защиты.

Представляется уместным привести суждение И.Я. Фойницкого о том, что «кроме общей чести различайте еще честь особенную, т.е. честь лица как члена того или иного сословия или класса: например, воинскую, дворянскую, коммерческую; это значит, что деяние, безразличное вообще, становится оскорбительным, если оно относится к лицу данного класса, роняя его именно в среде этого класса (напр., название офицера трусом)» [7, с. 585]. Указанное высказывание носит не нормативный характер, а применяется в сфере профессиональной этики.

П. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О службе в ОВД» к требованиям к сотруднику ОВД относит заботу о сохранении своих чести и достоинства при исполнении служебных обязанностей. Указанная формулировка свидетельствует о разделении законодателем чести и достоинства простого гражданина, и чести и достоинства сотрудника ОВД. Однако легальное закрепление понятия чести и достоинства сотрудника ОВД отсутствует, как и отсутствуют специальные нормы по его защите. Таким образом, законодатель словно бросил на произвол судьбы сотрудников ОВД, не предоставив им юридической защиты нематериальных профессиональных благ. При распространении сведений, порочащих честь и достоинство сотрудников ОВД, другими гражданами или в СМИ, правоохранители вынуждены защищать свои права не как представители закона, а как обычные граждане. На наш взгляд, это не совсем правильно с точки зрения юридической техники. Сотрудники ОВД выполняют служебные задачи в непредсказуемых условиях, ежедневно рискуя своей жизнью и здоровьем. Однако, более половины населения России высказывают в отношении стражей закона недоверие и скептицизм, осуждая многие их поступки. Общество, сталкиваясь с единичными случаями поведения неблагочестивых сотрудников, формируют мнение о всей системе ОВД. Представляется, что при этом, мало кто задумывается над тяжестью и количеством работы сотрудников. Такое положение дел никаким образом не стимулирует работу сотрудников, напротив, ведет к снижению их работоспособности, а также к эмоциональному напряжению. Именно поэтому должен быть создан действенный механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД как особых субъектов правоотношений, которые наиболее подвержены общественной критике и осуждению.

В юридической науке уже давно обсуждается тема о возможности гражданско-правовой защиты чести, достоинства, деловой репутации общности людей, объединенных по какому-либо признаку. В случаях, когда противоправному посягательству оказались подвергнуты представители коллектива, который организационно не оформлен (то есть не является субъектом гражданско-правовых отношений), приемлемым, считает М.А. Федотов, исковую активность его членов [8, с. 276]. Но в данном случае стоит опасаться того, что суд может не признать конкретного представителя истцом, поскольку порочащая информация касается не его персонально, а общности в целом. Не субъекты гражданского права в данном случае могут защитить свои права лишь во внесудебном порядке.

Однако для Законодательства РФ защита неопределенного круга лиц в суде не является новизной. Так, согласно ст. 38 Федерального Закона «О рекламе», Федеральный антимонопольный орган (его территориальные органы) и органы саморегулирования в области рекламы вправе обратиться в установленном порядке в суд или арбитражный суд с иском к рекламодателю о публичном опровержении недостоверной рекламы. Подобное положение содержится и в Законе РФ «О защите прав потребителей». Кроме того, ст. 45 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – ГПК РФ) наделяет правом обращаться в суд с заявлением о защите прав неопределенного круга лиц прокурора.

Кроме того, обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц вправе прокурор (ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ). Такого права лишены, к сожалению, органы исполнительной власти, в том числе и МВД РФ, что, по нашему мнению, не совсем логично, и ведет к ослаблению правовой защиты сотрудников ОВД. Мы считаем, что представители органов исполнительной власти должны наравне с прокурором обладать правом подачи исковых заявлений.

Как уже было сказано ранее, Конституция РФ охраняет честь и достоинство каждого гражданина. В современных условиях обострения криминогенной обстановки, роль правоохранительных органов возрастает, в связи с чем государство заинтересовано в привлечении новых профессиональных кадров. Однако, как показывает практика, работа в ОВД РФ привлекает далеко не многих из-за отсутствия действенного механизма защиты профессиональных прав.

Долгое время честь и достоинство в России были лишь объектами защиты уголовно-правовых норм. С развитием общественных отношений, защитных мер уголовно-правового характера оказалось недостаточно, так как нравственная сторона вопроса требовала не только наказать виновного, но и восстановить нарушенные права потерпевшего. Наиболее широкие возможности для восстановления прав потерпевшего предоставляет гражданско-правовое поле, в рамках которого не требуется устанавливать состав преступления, чтобы быть уверенным в защите прав. Так, Кировский районный суд г. Уфы отказал в уголовно-правовой защите чести и достоинства подполковника внутренней службы Е., сотрудника УВШ МВД РФ, в связи с чем последний был вынужден подать гражданский иск [9].

ГК РФ предусматривает множество способов защиты гражданских прав, среди которых выделяют общие (ст. 12 ГК РФ) и специальные (применительно к теме работы – ст. 152 ГК РФ). Так, специальный способ защиты чести, достоинства и деловой репутации заключается в требовании по суду опровержения порочащих сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Указанное положение нашло свое отражение и в ст. 43 Закона РФ «О средствах массовой информации», которая закрепляет за гражданином или организацией право требовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации. Общие способы защиты личных неимущественных благ законодатель представил в виде возмещения убытков и компенсации морального вреда. Итак, наряду со специальными гражданско-правовыми мерами защиты чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц, закон выделяет также и общие способы. В данном параграфе более подробно рассмотрим специальные способы защиты, так как компенсации морального вреда будет посвящен отдельный вопрос научной работы.

Интересным представляется обратиться к п. 14 ст. 14 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ ред. «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который наделяет государственных гражданских служащих подавать заявление для проведения служебной проверки. В свою очередь, стоит отметить, что сотрудники ОВД таким правом не обладают, хотя имеют в своей

нелегкой работе множество прецедентов, служащих подтверждением необходимости реализации сотрудниками такого права. В 2003 году в ряде центральных СМИ Республики Башкортостан была опубликована бездоказательственная негативная информация, дискредитирующая руководство МВД Республики Башкортостан. Государственное Собрание Республики обратилось с постановлением к министру внутренних дел субъекта с просьбой о защите чести, достоинства и деловой репутации МВД Республики Башкортостан. По большому счету данное постановление является требованием и основанием проведения служебной проверки.

На основании вышесказанного, считаем целесообразным закрепить за сотрудниками ОВД право требования проведения служебного расследования с целью опровержения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Данное право способствовало бы повышению уровня правовой защищенности сотрудников. Однако, данный шаг не был предпринят законодателем в 2011 году при принятии Закона «О полиции», несмотря на явную направленность реформы на повышение престижа профессии и защищенности ее представителей.

Нормы действующего Гражданского кодекса РФ о защите нематериальных благ реализуют принцип возмещения причиненного вреда в полном объеме. На наш взгляд, данное обстоятельство является очень важным, так как, только таким образом можно защитить и восстановить нарушенные права.

В XXI веке – веке информации и информационных технологий средства массовой информации (далее – СМИ) стали неотъемлемой частью жизни каждого человека. Журналисты, телеведущие, корреспонденты и иные представители СМИ пытаются разными способами привлечь внимание публики. Г.Г. Почепцов в своих трудах доказал, что читательских интерес возрастает, когда публикуемые в СМИ сведения содержат информацию о негативных событиях, трагических происшествиях, скандалах, проступках и т.д. Читатели (зрители) в соотношении 7:1 предпочитают «плохие» новости «хорошим» [10, с. 209]. Особенно данное правило проявляется в отношении сведений, которые касаются деятельности ОВД РФ. Согласитесь, никто никогда не вспомнит, кто и когда спас маленькую девочку от смерти, но общественность долгое время будет обсуждать

нерадивого сотрудника, получившего взятку, со всеми подробностями, вплоть до имени и фамилии такого сотрудника.

Так, в 2011 году в один из жарких июльских летних дней майор полиции Дмитрий Григорьев отправился со своей семьей в город Можгу Удмуртской Республики в гости к родственникам. Вечером пошли купаться на пруд, где как раз купались местные ребяташки. Было около 8 вечера, когда Дмитрий раздевал детей и сам готовился искупаться, жена с младшим ребенком в это время пошли прогуляться на мостик. Вскоре жена начала кричать, звать на помощь мужа, указывая на воду. В воде было бездыханное тело маленькой девочки. Дмитрий не раздумывал ни секунды, в несколько прыжков он добрался до тела девочки и вытащил из воды посиневшую и не подававшую жизни четырехлетнюю Диану. Дмитрий стал понимать, что девочка вся синяя и совсем не дышит именно в тот момент, когда вытаскивал ее. Но ждать помощи было некогда, поэтому уже по пути к берегу он предпринял меры по очистке легких ребенка, чтобы вода из легких девочки постепенно выходила. На берегу пруда Дмитрию пришли на помощь жена и родная сестра, вместе они приступили к реанимационным мероприятиям, которые должен знать любой сотрудник полиции. На крики сбежались люди, кто-то говорил, что девочку уже не спасти, поскольку она уже вся синяя. Но Дмитрий, не теряя надежды, продолжал выполнять действия по спасению жизни маленького ребенка. Вскоре пальцы рук Дианы стали белеть, губы розоветь, а через пару минут Диана стала откашливаться. С этого момента для нее время стало отмерять новые минуты жизни, ведь Дмитрий словно подарил ей новую жизнь. Приехавшие на место происшествия врачи скорой помощи похвалили Дмитрия и оценили действия сотрудника полиции, как квалифицированно оказанную помощь, без которой маленькую девочку было бы не спасти.

У этой истории мог бы быть и достаточно печальный конец, если бы не отвага и ответственность майора полиции Дмитрия Владимировича Григорьева.

В тот вечер на пруду было многолюдно: и взрослые и дети купались, веселились, но никто не обратил внимания на бездыханное тело ребенка. Однако Дмитрий не мог поступить иначе, ведь при поступлении на службу он присягал «достойно исполнять свой служебный долг». За спасение утопающей Министр внутренних дел по Удмуртии Александр Первухин от лица всего коллектива министерства

внутренних также поблагодарил Дмитрия Григорьева, назвав его поступок поступком настоящего мужчины.

Майор полиции Дмитрий Григорьев показал, что он не только отличный сотрудник, который владеет всеми служебными навыками и знаниями, но и прекрасный человек. Человек, который не равнодушен к происходящим вокруг событиям и готовый прийти на помощь [11]. Таким сотрудником должно гордиться не только УМВД по Удмуртской Республике, а вся страна должна знать его, уважать и гордиться им. Однако, сведения о героизме Дмитрия скромно и мимолетно «пробежались» по местным новостям, не говоря уже о том, что федеральные СМИ совершенно не заинтересовались данным поступком, а вскоре местное население и вовсе забыло о случившемся. Как бы горестно ни было осознавать, но жестокая реальность такова, что действительно больший интерес общество проявляет к негативным событиям. Об этом свидетельствуют и многочисленные комментарии в адрес сотрудников-правонарушителей на Интернет-пространстве.

Так, большой резонанс в обществе вызвала новость, опубликованная 21 июля 2017 года на сайте gosnews.ru, в которой указывалось на преступную деятельность оперуполномоченного УЭБиПК по городскому округу Подольск и двух его соучастников. Оперуполномоченный, согласно опубликованной статье, за денежное вознаграждение содействовал прекращению уголовных дел. Всего за период с июля 2016 года по январь 2017 года он получил более чем 49 млн рублей [12].

Безусловно, в данном случае речь не идет о гражданско-правовой защите представителя власти, так как опубликованная информация содержала достоверные сведения. Но все же не редки случаи дискредитации сотрудников ОВД, в связи с чем необходим действенный механизм защиты их интересов.

На наш взгляд, универсальным способом защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудника ОВД могли бы служить письменные извинения виновного лица. Извинения виновной стороны способствовали сглаживанию психической напряженности, привели бы к восстановлению нарушенных прав, а также воздействовали бы на поведение правонарушителя.

Таким образом, можно сказать, что сотрудники ОВД, являясь представителями власти, относятся к числу особых субъектов права, чья деятельность направлена на защиту жизни, здоровья, чести и

достоинства граждан. Но нередко честь, достоинство и деловая репутация сотрудника ОВД становится объектом преступных посягательств со стороны разных категорий граждан. В указанных ситуациях сотрудник ОВД становится субъектом гражданско-правовых отношений, однако, в таких случаях он выступает общим субъектом права, не имеющим дополнительной правовой защиты нарушенных прав.

Действующий ГК РФ закрепляет 2 группы способов защиты нематериальных благ: общие и специальные, которые могут дополнять друг друга с целью реализации принципа полного возмещения вреда.

1. Выступление Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 15 марта 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>.
2. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru>.
3. Общественное мнение. Работа полиции: доверие и оценки. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/publicopinion>.
4. Зарубин А.В. Об ответственности за посягательства на честь и достоинство сотрудников правоохранительных органов // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования института, 2013.
5. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности ОВД и ВВ в 2013 году: аналитические материалы. М.: АОД МВД России, 2014.
6. Комиссарова Е.Г. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: социально-правовые и идеологические аспекты: монография / под ред. Е.Г. Комиссаровой. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.
8. Федотов М.А. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации / Научный комментарий доктора юридических наук М.А. Федотова. М., 1996.
9. Дело № 2 – 129/97 Кировского районного суда г. Уфы.
10. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: «Рефл-бук», 2000.

11. Аргументы и факты в Ижевске [Электронный ресурс]. URL: <http://aifudm.net/news/news29024.html>.

12. Государственные вести: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosnews.ru>.

Сведения об авторах

Надтачаев Павел Валерьевич

Кандидат юридических наук

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

(Уфимский юридический институт МВД России)

E-mail: naraval77@mail.ru

Мельник Сергей Васильевич

Кандидат юридических наук, доцент

Доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

E-mail: m809sv@yandex.ru

УДК 347.1

Рыбак А.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются особенности реализации прав и свобод человека и гражданина на приграничной территории Российской Федерации через призму преимуществ, льгот и ограничений.

Ключевые слова: права, приграничная территория, льготы, ограничения, запреты, безопасность государства.

Конституция Российской Федерации в ст. 2 рассматривает человека, его права и свободы как высшую ценность. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина –

обязанность государства. Но вместе с тем приграничная территория, испытывает определенные особенности их реализации.

Анализируя порядок и особенности реализации прав и свобод человека и гражданина на приграничной территории, можно выделить три блока правоотношений, складывающихся в данном аспекте:

- права и обязанности, реализация которых не отличается ни в сравнении с другими лицами, не проживающими на приграничных территориях, ни между гражданами Российской Федерации и лицами, не являющимися гражданами Российской Федерации, находящимися на приграничной территории на любом законном основании;

- преимущества, льготы и особые возможности, предоставляемые гражданам Российской Федерации и обусловленные их проживанием на приграничной территории;

- запреты, изъятия и ограничения, установленные для лиц, проживающих на приграничной территории, обусловленные, во-первых, особенностями правового режима приграничной территории, во-вторых, наличием (отсутствием) гражданства России [1].

Представляется, что к первой группе стоит отнести те права, которые в научной литературе называются неотъемлемыми абсолютными правами [2, с. 116-121], среди которых: право на жизнь, запрет пыток и унижающего достоинство обращения и наказания, запрет рабства, уважение личного достоинства, запрет повторного преследования по одинаковым основаниям, право человека на признание его правосубъектности, свобода мысли, совести и религии.

Их абсолютный характер предполагает, что вне зависимости от места нахождения, статуса, гражданства и других факторов они принадлежат всем и подлежат неукоснительному соблюдению со стороны государства и его органов, а также со стороны других лиц. Останавливаться на их анализе нет необходимости, они в силу собственной значимости получили широкое освещение в научной литературе и для темы настоящей статьи имеют опосредованное отношение.

Вторая группа касается особых, дополнительных прав, которые предоставляются гражданам России именно в связи с тем, что их проживание на приграничной территории связано с ограничениями жизнедеятельности.

В настоящее время нельзя не отметить повышенное внимание Президента РФ и Правительства РФ к развитию Дальнего Востока,

имеющего самые протяженные сухопутные и морские внешние границы, в связи с чем предлагается рассмотреть Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».

В качестве одной из основных целей Концепции провозглашено обеспечение комфортных условий для жизни и деятельности населения на приграничной территории. Для этого Концепцией для граждан Российской Федерации вводятся дополнительные возможности.

В дополнение к мерам государственной поддержки семей, имеющих детей, предусмотренным федеральным законодательством, в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, введен материнский (семейный) капитал, право на который возникает при рождении (усыновлении) 3-го или последующих детей. В Приморском и Хабаровском краях, а также в Еврейской автономной области средства материнского капитала можно направить на улучшение жилищных условий, образование ребенка и оказание ребенку или матери медицинских услуг. В Амурской области – на улучшение жилищных условий.

Для того чтобы повысить демографическую эффективность рассматриваемого инструмента на уровне региона, в качестве рекомендации можно предложить проанализировать возможности повышения размера материнского капитала для граждан, которые постоянно проживают на дальневосточных территориях, расположенных на границе страны. Также следует детально проработать вопрос о необходимости расширить целевой перечень расходования средств материнского капитала семьями, которые родили или усыновили 3 и более детей и постоянно проживают на перечисленных выше территориях, в частности в целевой перечень можно включить такие пункты как: а) улучшение качества условий жилья, в т.ч. строительство и ремонт; б) предоставление ребенку (детям) или матери медицинской помощи; в) прохождение медицинской реабилитации или предоставление санаторно-курортного лечения ребенка (детей); г) развитие и расширение личных подсобных хозяйств и т.д.

Законодательством Российской Федерации для семей, имеющих 3 и более детей, предусмотрено право на бесплатное получение земельных участков, оснащенных инженерной инфраструктурой, для индивидуального жилищного строительства или ведения личного

подсобного хозяйства. Для семей, имеющих 3 и более детей, постоянно проживающих на дальневосточных приграничных территориях, рекомендуется рассмотреть вопрос об увеличении размера предоставляемых земельных участков на указанные цели и обеспечении права приоритетного выделения земельных участков для указанной категории семей.

Указанный объем прав не является исчерпывающим, поскольку Концепцией устанавливается в той или иной мере также иные дополнительные возможности, например в части реализации мероприятий по развитию инфраструктуры в приграничных населенных пунктах, повышение качества услуг в социальной сфере.

Однако особый исследовательский интерес вызывают ограничения прав и свобод человека и гражданина, включающие в себя запреты, изъятия и ограничения, установленные для лиц, проживающих на приграничной территории, обусловленные, во-первых, особенностями правового режима приграничной территории, во-вторых, наличием (отсутствием) гражданства России.

На фоне льгот и привилегий, распространяемых, в том числе, на земельные участки приграничной территории, логично рассмотреть и ограничения права собственности на землю.

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.01.2011 № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» утвержден перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства не могут иметь землю на праве собственности. Этот документ принят в соответствии с п. 3 ст. 15 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ.

В частности, в статье 15 Земельного кодекса РФ для указанных лиц установлен запрет на обладание теми земельными участками (на праве собственности), которые находятся на приграничных и других территориях РФ в соответствии с действующим федеральным законодательством. Помимо этого, законодательством для иностранных граждан, иностранных юридических лиц и лиц без гражданства предусматриваются некоторые ограничения по отношению к праву собственности на землю определенных категорий. Так, исходя из ст. 8 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие

Земельного кодекса РФ», иностранные граждане, иностранные юридические лица и лица без гражданства могут пользоваться и владеть только сельскохозяйственными землями и только на правах аренды. Схожая норма, которая также распространяется и на юридических лиц, в складочном (уставном) капитале которых доля лиц без гражданства, иностранных граждан или иностранных юридических лиц превышает 50 %, закреплена статьей 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Отметим возникающую в свете высказанного ограничения права собственности в приграничных территориях проблему.

Какую правовую оценку дать указанному положению закона в ситуации, когда российское юридическое лицо приобретает в собственность участок земли, в роли единственного учредителя которого выступает гражданин иного государства.

В аспекте анализа смысла норм закона, вполне логичным кажется тот факт, что положение п. 3 ст. 15 Земельного кодекса РФ призвано защищать суверенитет государства от возможностей создания на приграничной территории анклавов, контроль над которыми будет сосредоточен в руках иностранных лиц. В действительности же данное положение допускает проведение подобного рода сделки по приобретению земельного участка юридическим лицом из России, подконтрольное иностранному гражданину, в чьей компетенции находится принятие решений, имеющих ключевое значение для деятельности юридического лица [3].

Можно предположить, что законодателем не вполне удачно сформулировано правило п. 3 ст. 15 Земельного кодекса РФ, тем не менее, указанная неточность может быть устранена при помощи смыслового (целевого) толкованием. И, следовательно, подобные сделки, совершаемые через конструкцию юридического лица, являются явным обходом закона. Законы, принятые позже Земельного кодекса РФ, содержат более удачные формулировки (например, ст. 5 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»).

В заключение нужно подчеркнуть, что после проведения детального анализа базы российских нормативно-правовых актов, в рамках которых регулируется статус иностранных граждан и лиц, не

имеющих гражданства, можно выявить, что существует равенство прав и обязанностей и для российских граждан, и для граждан иностранных государств (исключая перечень случаев, который прямо устанавливается в рамках федеральных законов или международных договоров) в аспекте абсолютных прав. Совокупный правовой статус граждан иностранных государств и лиц, не имеющих гражданства, приравнивается к аналогичным статусам граждан России. Тем не менее, административно-правовой статус иностранных подданных и лиц, не имеющих гражданства, имеет существенные различия в сравнении с административно-правовым статусом россиян.

Наличие особых дополнительных прав, а так же запретов, ограничений и изъятий на приграничной территории РФ целесообразны из соображений незыблемости и безопасности государственной границы.

-
1. Панфилова М.Р. Правовой режим земель приграничных территорий: дис. ... канд. юрид. наук, 2008. 197 с.
 2. Валеев Р.М. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник. М.: Статут, 2011. 830 с.; Капустин А.Я. Международно-правовые основы институциональной системы евразийской интеграции // Журнал российского права. 2013. № 10.
 3. Ильичева О.А. Конституционное право частной собственности гражданина на землю. Проблемы теории и судебной защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Сведения об авторе

Рыбак Алексей Александрович
Преподаватель кафедры
(Дальневосточный юридический институт МВД России)
E-mail: mmmasa@rambler.ru

УДК 342

Селютина О.Г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДТП

В данной статье рассматриваются основные вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: имущественный вред, возмещение вреда, дорожно-транспортное происшествие, обязательное страхование гражданской ответственности.

В результате дорожно-транспортного происшествия (далее ДТП) может быть причинен как имущественный вред (повреждение, порча, или уничтожение имущества), так и неимущественный вред (вред, причиненный нематериальным благам, таким как жизнь и здоровье гражданина). Кроме того, так как в результате ДТП вред может быть причинен жизни и здоровью гражданина, то ввиду этого не стоит забывать и о компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ).

Способы возмещения вреда названы в ст. 1082 ГК РФ – это возмещение вреда в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т.п.) или возмещение причиненных убытков.

Жизнь и здоровье возместить в натуре невозможно (впрочем, как и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину), поэтому неимущественный вред может быть возмещен только в денежном выражении.

Кроме того, денежные средства являются всеобщим эквивалентом, в связи, с чем при причинении вреда имуществу в результате ДТП он возмещается также в денежном выражении, а не путем, например, предоставления потерпевшему идентичного автомобиля взамен поврежденного [1, с. 27–32].

Следует также отметить, что в последнее время законодатель пошел по пути замены возмещения вреда социальным обеспечением потерпевших и гражданско-правовым страхованием ответственности причинителя. Обязательное страхование гражданской ответственности введено: с 1 июля 2003 г. – владельцев транспортных средств (Федераль-

ный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»); с 1 января 2013 г. – перевозчиков за причинение вреда жизни, здоровью и имуществу пассажиров (Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном»). Тем не менее, это не исключило здесь действия норм субинститута возмещения вреда, причиненного противоправными деяниями: работники, потерпевшие и выгодоприобретатели имеют право на возмещение вреда согласно его положениям в части, превышающей обеспечение по социальному или гражданско-правовому страхованию [2, с. 146–153].

Вместе с тем, в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате ДТП.

Одной из проблем является страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. С каждым годом увеличивается количество исков к страховым компаниям о взыскании страхового возмещения по договорам имущественного страхования. Правоотношения между гражданами и страховыми компаниями, связанные с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, регулируются Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей», поэтому по этой категории споров истцы освобождены от уплаты государственной пошлины в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (п. 3 ст. 17).

28 июня 2012 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в соответствии с которым к отношениям по договору страхования, в том числе и договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО), применяются нормы Закона РФ «О защите прав потребителей», а также в случае отказа от добровольного удовлетворения требований потребителя со страховщика взыскивается в пользу потребителя компенсация морального вреда, штраф в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Тем не менее, стимулирование участников страхового рынка к решению

вопросов о выплате страхового возмещения в досудебном порядке не реализовано. Как правило, страховщики предлагают заключить мировое соглашение (исключающее неустойку, штраф, компенсацию морального вреда) уже после подачи искового заявления в суд.

В преамбуле Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) говорится о том, что в целях защиты прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами, Законом об ОСАГО определяются правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Владельцы транспортных средств, заключив договор обязательного страхования гражданской ответственности, возлагают, а страховщик принимает на себя обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, т.е. в случае наступления страхового случая.

На практике все чаще встречаются случаи, когда владельцы транспортных средств не могут исполнить свою обязанность, которая предусмотрена п. 1 ст. 4 Закона об ОСАГО, по заключению договора обязательного страхования владельцы транспортных средств, так как сталкиваются с проблемами, которые создают недобросовестные страховые организации (далее – страховщики), осуществляющие обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Проблемы, с которыми сталкиваются владельцы транспортных средств, касаются навязывания им дополнительных услуг страховщиками при заключении договора обязательного страхования.

Незаконное навязывание услуг страховщиками при заключении договора обязательного страхования происходит практически во всех регионах.

В связи с этим Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее – ФАС России) предлагает разрешить автомобилистам, заключившим договор обязательного страхования с «нагрузкой» в виде дополнительной страховки, в течение 14 дней отказаться от навязанной услуги. По информации ФАС России за три года получено около 10 тысяч обращений, где шла речь о навязывании

услуг при заключении договора обязательного страхования. В ФАС России уточняют, что располагают информацией о таких действиях в 44 страховых компаниях из 80 регионов [3, с. 27–30].

Данную проблему можно разрешить, если законодательно урегулировать порядок заключения договора обязательного страхования через Интернет, а также пересмотреть ответственность страховщика за отказ от заключения договора обязательного страхования.

Распространенной проблемой при возмещении вреда, причиненного в результате ДТП, является наличие разногласий потерпевшего и виновника либо потерпевшего и страховой компании (в рамках договора ОСАГО) в определении размера возмещаемого ущерба, вследствие чего субъекты деликтных правоотношений данной категории обращаются в суд.

Согласно ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Таким образом, истец должен доказать размер причиненного ему ущерба, а ответчик при несогласии с заявленными требованиями соответственно должен представить доказательства, опровергающие размер ущерба, указанный истцом, или ставящие под сомнение верность его определения.

Универсальным средством определения материального ущерба, причиненного транспортному средству в результате ДТП, является экспертное заключение, содержащее расчет среднерыночной стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства.

Деятельность экспертов и организаций, предоставляющих услуги определения размера ущерба, причиненного автомобилю в результате ДТП, регулируется Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

И хотя все оценщики по общему правилу пользуются одними и теми же стандартами оценки, размер ущерба, причиненного одному и тому же объекту оценки, рассчитанный несколькими специалистами, может различаться.

Не менее важной является проблема взыскания компенсации морального вреда и штрафа. Правоприменительная практика свидетельствует, что в судах Орловской области сложился единообразный

подход к решению вопроса о взыскании компенсации морального вреда при разрешении споров, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Суды, взыскивая компенсацию морального вреда, правомерно руководствуются ст. 150, 151, 1101 ГК РФ, Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 13 июля 2015 г.) «О защите прав потребителей», учитывают разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

Как правило, ответчики возражают относительно заявленных истцом требований о взыскании компенсации морального вреда, мотивируя это следующим: страховщик выполнил обязательства по договору ОСАГО, или положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» не подлежат применению к отношениям, вытекающим из договоров ОСАГО, либо истцом не доказан факт причинения ему морального вреда.

При определении размера компенсации суды не ставят его в зависимость от размера возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков, а определяют исходя из требований разумности и справедливости, учитывая фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред [4, с. 57]. Вместе с тем в некоторых случаях суды не учитывали взысканную компенсацию морального вреда при расчете размера штрафа, взимаемого со страховой компании в пользу потребителя. Таким образом, расчет штрафа должен производиться от всей суммы, присужденной в пользу потребителя, включающей в себя, в том числе денежную компенсацию морального вреда [5, с. 45–50].

Решением Железнодорожного районного суда г. Орла от 24 июня 2013 г. по гражданскому делу по иску Т. к страховой компании о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, в пользу истца взысканы страховая выплата, неустойка, компенсация морального вреда и штраф.

Однако суд, сделав обоснованный вывод о взыскании со страховщика в пользу истца штрафа в размере 50 % от удовлетворенных требований и исчисляя его размер, не учел взысканную в пользу истца денежную компенсацию морального вреда. Вследствие чего, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам

Орловского областного суда от 28 августа 2013 г. № 33-1902 решение районного суда изменено в части взыскания штрафа, его размер определен с учетом размера компенсации морального вреда, взысканного в пользу истца.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует отметить, что количество гражданских дел, предметом рассмотрения которых является возмещение вреда при ДТП, постоянно растет, и, несмотря на наличие нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по возмещению вреда, причиненного в результате ДТП, в правоприменительной практике имеются определенные проблемы, требующие разрешения. Проведенный анализ показал, что наиболее распространенными проблемами в рассматриваемой области являются: страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств при навязывании страховыми организациями дополнительных услуг; проблема определения размера возмещаемого ущерба, причиненного в результате ДТП; компенсация морального вреда и штрафа; совершенствование института андеррайтинга по ОСАГО как вида страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Существующие проблемы правового регулирования свидетельствуют о необходимости дальнейшего законодательного урегулирования вопросов возмещения ущерба, причиненного при ДТП. Одной из мер, направленной на урегулирование отдельных вопросов, возникающих при возмещении вреда от ДТП, на мой взгляд, явилась бы разработка типовой инструкции для участников дорожного движения с алгоритмом действий по возмещению вреда, причиненного другим участникам дорожного движения, в случае ДТП. Такая инструкция объединила бы в себе правовые нормы, содержащиеся в разных нормативных правовых актах, и повысила уровень правовой культуры участников дорожного движения.

-
1. Морозова Т.В. Склонение сторон к миру по делам о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 9.
 2. Чорновол Е.П. Гражданско-правовой институт предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4.

3. Долгов С.Г. Проблемы заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцами транспортных средств // Гражданское право. 2015. № 5.
4. Мельник С.В. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: монография. Орел, 2009.
5. Корнева М.А. Рассмотрение судами споров, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Судья. 2015. № 4.

Сведения об авторе

Селютина Ольга Геннадьевна
Кандидат экономических наук
Преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)
E-mail: selitina-olja@rambler.ru

УДК 347.51

Фалькина Т.Ю., Алимпиев С.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье исследуются современные проблемы правового регулирования цифровой экономики. Обращается внимание на основные стратегические документы, лежащие в основе формирования цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, интернет-экономика, киберправо, киберпространство, информационная безопасность.

Информационная индустрия в России развивается огромными темпами. В настоящее время постоянно ведется речь о концепции цифровой экономики, т.е. экономической деятельности, в основе которой лежат цифровые технологии [1]. В рамках анализа структуры цифровой

экономики говорится о следующих основных составляющих: вспомогательная инфраструктура (программное обеспечение, сети и т.д.), электронный бизнес, электронная коммерция [2].

В.В. Путин, выступая с ежегодным посланием к Федеральному Собранию, определил следующее: «Предлагаю запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики. В ее реализации будем опираться на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны» [3]. Таким образом, необходимо выявить основные проблемы, возникающие в сфере правового регулирования [4] отношений в киберпространстве и обеспечения информационной безопасности.

В рамках деятельности организации экономического сотрудничества и развития [5] и Российской Федерации существует ряд нормативных правовых актов, которые определяют векторы их взаимодействия. В Декларации о сотрудничестве между ОЭСР и РФ подчеркивается, что ОЭСР готовит обзоры экономического положения России, которые будут отражать характеристику общего состояния экономики страны, анализ реформирования экономики, отдельных направлений экономической политики. Кроме того, в Декларации провозглашается, что ОЭСР будет направлять свои усилия на организацию различного рода встреч (семинаров, симпозиумов), целью которых станет анализ экономической политики нашей страны.

Одним из программных документов в сфере цифровой экономики стала Декларация министров о цифровой экономике: инновации, рост и социальное благополучие. Декларация была принята 21-23 июня 2016 года в Канкуне (Мексика), где состоялась Министерская встреча по вопросам развития цифровой экономики. Декларация несла в себе ряд программных положений, которые выразились в том, чтобы всячески оказывать поддержку свободному развитию информации в целях стимулирования инноваций, проводить научные исследования; развивать цифровые инновации; управлять рисками цифровой безопасности; создавать условия для развития возможностей трудоустройства, цифрового образования и развитию навыков в сфере ИКТ.

Важными документами, определяющими основные векторы развития цифровой экономики, являются Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», ФЗ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ

«О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7]. Согласно Стратегии целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации.

Приоритетами научно-технологического развития РФ следует считать те направления, которые позволят получить научные и научно-технологические результаты и обеспечат: переход к новым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования; переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, формирование новых источников энергии; переход к высокотехнологичному здравоохранению и т.д.

Принципы, лежащие в основе регулирования отношений в сфере цифровой экономики, могут быть следующие: всемерное использование информации, быстрая реализация решений, высокая интеллектуальная мобильность, понимание сути процессов полидисциплинарного характера, цифровая грамотность и т.д.

На сегодняшнем этапе развития общественных отношений цифровая экономика затрагивает все аспекты человеческой деятельности: торговлю, строительство, транспортные сети, энергетические системы. В связи с этим назрела острая необходимость создания широко-масштабной правовой базы, регулирующей данные сферы. Сегодня составляющие цифровой экономики имеют такие названия, как: АРР экономика, Совместная экономика, Циркулярная экономика, Креативная экономика, Зеленая экономика, Экономика Интернета и др. [8]

При этом создание эффективной нормативно-правовой базы, способной эффективно регулировать киберотношения, требует выработки ее теоретико-методологических основ [9]. Ученые подчеркивают важность изучения феномена «киберправо» как важнейшего элемента развития современной цифровой (сетевой) экономики. Требуют своего развития такие понятия, как «киберпространство», «киберотношения», «киберобъект», «субъект киберотношений».

В связи с ускоренным развитием цифровой экономики, стоит острая необходимость в регулировании отношений в киберпространстве. В обратном случае мы можем наблюдать такие негативные тенденции,

как нарушение интеллектуальных прав пользователей, отсутствие защиты информации, персональных данных субъектов и т.д.

Таким образом, в настоящее время исследователи должны уделять внимание, прежде всего, проблемам правового регулирования узких специальных аспектов интернет-отношений и вопросам эффективного обеспечения и охраны прав и свобод человека и гражданина.

1. Цифровая экономика [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.09.2017).
2. Digital economy [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_economy (дата обращения: 07.09.2017).
3. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 19.09.2017).
4. Декларация по трансграничным потокам данных 1985 г.; Декларация по защите неприкосновенности частной жизни в глобальных сетях и по аутентификации в электронной коммерции; Декларация о будущем интернет экономике 2008 г.
5. URL: <http://www.oecdru.org> (дата обращения: 19.09.2017).
6. URL: <http://www.oecdru.org> (дата обращения: 20.09.2017).
7. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Куприяновский В.П., Намиот Д.Е., Минягов С.А. Демистификация цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. 2016.
9. Богдановская И.Ю. Актуальные проблемы киберправа (обзор материалов Второй международной летней школы по киберправу) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/search?q=%>.

Сведения об авторах

Фалькина Татьяна Юрьевна
Кандидат юридических наук
Доцент кафедры теории и истории государства и права
(Уральский юридический институт МВД России)
E-mail: f.t.u.81@mail.ru

Алимпиев Сергей Александрович
Кандидат юридических наук
Доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
(Уральский юридический институт МВД России)
E-mail: Alimpuss@mail.ru

УДК 346

Чернецова М.В.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрены основные направления совершенствования отечественного законодательства о противодействии экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму, профилактика преступлений.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. за № 537, четко указано, что главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере [1]. Существующий на сегодняшний день государственно-правовой механизм в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации обладает достаточно полным спектром правовых норм, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с экстремизмом, но все же данный механизм является несовершенным и требует существенных

доработок. Российское законодательство должно «идти в ногу со временем» и развиваться в современных условиях. Для этого необходимо не допускать «пробелов» и «лазеек» в нормативно-правовом регулировании. Так, основу государственно-правового механизма в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, прежде всего, составляют такие законодательные акты, как: Конституция РФ; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. В вышеуказанных законодательных актах имеется огромный потенциал мер правового противодействия экстремизму, но он не используется в полной мере, неэффективен в силу существующих пробелов в законодательном регулировании, в связи с чем и правоприменительная деятельность не столь эффективна, как того бы хотелось. Так, остановимся подробнее на некоторых «правовых пробелах», допущенных законодателем. Прежде всего, следует сказать, что в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] отсутствует четкий понятийный аппарат, что приводит к разночтениям и «кривотолкам». В законе не прописано, какие конкретно действия могут расцениваться как экстремистские, а какие не могут. Не дано четкого понятия, что такое экстремизм. Как верно высказался известный публицист – Валерий Выжубович: «хорошо бы для начала дать максимально недвусмысленное определение экстремистской деятельности, чтобы широкое толкование этого понятия нельзя было использовать против законопослушных граждан». Так, например, высказывание о том, что «только мусульмане имеют истинную Веру», экстремистским не является. В то же время высказывание о том, что «в православных храмах одни старухи» или «власть в нашей стране и во всем мире должна принадлежать мусульманам» уже может быть расценено как экстремистское [3, с. 55]. Чтобы подобных казусов не происходило – необходимо сформировать четкий понятийный аппарат и закрепить его в законе, привести конкретику.

Следует особенно отметить, что на данный момент максимальная ответственность за организацию экстремистского сообщества с целью совершения преступлений экстремистской направленности в соответствии с санкцией ст. 282.1 УК РФ, уголовное законодательство признает данное деяние преступлением небольшой тяжести.

Данное преступление должно быть признано тяжким. Это необходимо и для проведения расследования. Как известно, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [4] «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается в случаях, не терпящих отлагательства, лишь если они могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Преступления, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 282.1 УК РФ, не относятся к таковым. Вследствие чего невозможно проведение вышеуказанных мероприятий.

Кроме этого, прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Следовательно, данное оперативно-розыскное мероприятие не может быть проведено в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в участии в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ), так как настоящие преступления отнесены законодателем к категории небольшой тяжести.

Таким образом, возникает необходимость ужесточения санкций за совершение преступлений, предусмотренных ст. 282.1 УК РФ, повысив тем самым категорию тяжести преступлений, что расширит ограниченные полномочия сотрудников правоохранительных органов в проведении полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимого для получения доказательств причастности отдельных граждан к экстремистской деятельности.

Кроме повышения категории тяжести рассматриваемого преступления необходимо также снизить возраст ответственности. Субъект рассматриваемого преступного посягательства общий – физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления

16-летнего возраста. Нередким явлением в настоящее время является молодежный экстремизм, рядовыми и наиболее активными участниками которого являются лица возраста 13–17 лет. Молодежный экстремизм является одним из опаснейших, так как молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для повышенной агрессивности в действиях. По мнению А.В. Серикова, «развитие молодежного экстремизма представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией и развитием «анормных» установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия» [5].

ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не предусматривает никаких мер по борьбе с государственным экстремизмом (его еще называют – политическим), тем самым у социума (общества) нет никакой защиты от возможного произвола со стороны должностных лиц (государственных служащих, чиновников). В законе сказано: «противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям: выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц», про должностных лиц и государственные структуры – ничего не сказано. Таким образом, область регулирования данного федерального закона – сужена, что является прямым нарушением прав граждан. Следует отметить и то, что в законодательных актах в сфере противодействия экстремизму имеется – «рассогласованность». Так, например, ст.13.15 Кодекса об административных правонарушениях урегулировано наказание за «публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенные с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»)».

УК РФ ст. 214 [6] в свою очередь так же предусматривает наказание за практически одноименное деяние «вандализм, осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах и за те же деяния,

совершенные группой лиц, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Фактически получается, что за одно и то же деяние (так как осквернение символов воинской славы не что иное как – осквернение зданий и иных сооружений, законодатель указал – «иные сооружения», следовательно, к ним можно причислить и военные музеи, и памятные сооружения с воинской символикой и т.д.), предусмотрена и административная ответственность, и уголовная ответственность. Тем самым законодатель сам создает двусмысленные ситуации, провоцирующие правоохранительные органы на самостоятельное толкование норм закона [7, с. 55].

Думается, что целесообразно усилить возможности уже действующего законодательства, дополнив его нормами, направленными на преодоление противоречий в нормативно-правовой базе.

Экстремистская деятельность, в любых из форм его проявления, является крайне опасным противоправным деянием, угрожающим не только обществу, но и национальной безопасности. Одной из внутренних функций государства является защита своих граждан от преступных и иных посягательств. Так, рассматривая основу государственно-правового механизма в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации и анализируя нормативно-правовые акты, которые применяются сегодня в борьбе с экстремизмом, можно сделать вывод, что существующий механизм в целом многогранен и обладает достаточно полным набором правовых норм, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с экстремизмом, однако имеющийся потенциал мер правового противодействия экстремизму не всегда может использоваться в полной мере в силу вышеупомянутых неточностей и пробелов которых в «законодательном арсенале» – бесчисленное множество и некоторые из которых были упомянуты в данной статье. Однако хочется заметить, что выявленные пробелы могут быть в дальнейшем видоизменены, потому что, законодательство и общество не стоит на месте оно развивается и такой феномен, как экстремизм, также мгновенно реагирует на современные изменения в обществе и во всем мире. Поэтому, наше государство, на всех его уровнях власти, должно четко понимать, чтобы пресекать и предупреждать указанную угрозу необходимо:

– постоянно проводить мониторинг действующего законодательства в сфере противодействия экстремизму, с привлечением, не только специалистов в области права, но и в других не менее значимых областях науки (социологии, психологии и др.), с целью принятия новых нормативных актов в сфере противодействия экстремизму и совершенствования уже существующих;

– законодателю так же необходимо ужесточить ответственность за совершение правонарушений затрагивающих сферу экстремизма (особенно это касается информационного экстремизма);

– требуется серьезная доработка федерального закона о противодействии экстремисткой деятельности. В первую очередь требуется более четкий понятийный аппарат с конкретным выделением всех экстремистских факторов – это поможет избежать «кривотолков» и двусмысленных ситуаций в правоприменительной деятельности.

– антиэкстремистское законодательство объединило «в одной корзине» преступления различной правовой природы и смешало их, в связи с чем на сегодняшний момент появилась острая необходимость в продуманной политико-правовой стратегии противодействия экстремисткой деятельности, которая бы дала четкие правовые ориентиры для разграничения и упорядочения деяний экстремистской направленности.

На наш взгляд, нельзя утверждать, что эффективной борьбе с экстремистской деятельностью будет способствовать дальнейшее расширение соответствующих норм. Наоборот необходимо произвести устранение двусмысленности действующих правовых актов и по возможности сузить их сферу действия.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: ред. от 23 ноября 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

3. Зеленина О.В., Суслонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Уральский юридический институт МВД России, 2009. С. 55.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.
5. Сериков А. В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской обл.): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов, 2005.
6. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
7. Зеленина О. В., Суслонов П. Е. Методика выявления признаков экстремизма. Уральский юридический институт МВД России. 2009. С. 55.

Сведения об авторе

Чернецова Марина Викторовна
Старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
(Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева)
E-mail: chmarina057@ya.ru

УДК 343.3/.7

Юзефович Ж.Ю.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена значимостью процессуального представительства для укрепления гарантий конституционного права граждан на судебную защиту, а также гарантий реализации в гражданском процессе принципов законности, диспозитивности, состязательности и процессуального равноправия сторон при рассмотрении гражданских дел в суде. В статье рассматривается институт представительства, а так же

особенности правового регулирования судебного представительства системе Органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: представительство, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, полиция, оказание юридической помощи, Юридическая служба МВД России, судебно-исковая работа.

Конституция Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Обеспечение и защита прав и основных свобод человека гражданина является важной конституционной обязанностью государства.

Законодательством Российской Федерации предусмотрен ряд способов защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, муниципальных образований, лиц, являющихся субъектами трудовых, гражданских или иных правоотношений – от самозащиты своих прав до обращения к главе государства, как гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина.

Тема представительства в гражданском процессе относится к числу тем, постоянно находящихся в центре внимания ученых-юристов.

В юридической науке существует целый ряд мнений по поводу определения понятия представительства в гражданском процессе. Одни ученые определяют представительство как деятельность [2], вторые определяют представительство как отношение [3], третьи же, напротив, считают судебное представительство межотраслевым институтом [4].

Несмотря на многовековую историю становления и развития института представительства, вопросы, касающиеся отношения представительства в гражданском процессе, правового статуса представителя, нормативно-правового регулирования отношений процессуального представительства и ряд других важных вопросов для правоприменительной деятельности, связанных с данным процессуальным институтом, до сих пор являются предметом дискуссий в среде профессиональных юристов [5].

В частности, не выработана единая позиция, касаемо самого определения представительства в гражданском процессе [6].

В настоящее время в гражданском судопроизводстве существует необходимость уточнения определения понятия представительства, правового положения представителя, которого в большинстве случаев рассматривают в качестве обязательного участника состязательного процесса [7].

Определить понятие, обозначить роль и место представителя в современном гражданском процессе невозможно без изучения и соотнесения таких правовых понятий, как «представитель» и «оказание юридической помощи в гражданском процессе».

В наши дни понятия «представитель» и «оказание юридической помощи» отождествляются.

Право ведения гражданских дел в суде через представителей, которое закреплено в ст. 48 ГПК РФ, является важной гарантией соблюдения и обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Правозащитная деятельность государства является особой процессуальной формой, которая предъявляет ряд требований к действиям лиц, которые обратились в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав.

На современном этапе развития институт представительства закрепляется в главе 5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Содержание пятой главы отличается стабильностью, так как за период с 2002 по 2013 гг. в главу вносились изменения только два раза – в 2007, 2013 году, касающиеся особенностей оформления полномочий представительства. Так же Федеральным Законом от 5 мая 2014 года № 93 – ФЗ «О внесении изменения в статью 50 ГПК РФ» было принято внести в статью 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации изменение, дополнив ее предложением следующего содержания: «Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика в случаях, предусмотренных настоящей статьей, вправе обжаловать судебные постановления по данному делу» [8].

Специфика представительства в системе Органов внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту ОВД) состоит в том, что в рамках того или иного судебного процесса в качестве одной из сторон выступает орган государственной власти.

Осуществлять представление интересов ОВД в рамках судебного процесса имеют право все сотрудники, на которых возложена обязанность в установленном законом порядке, участвовать в суде от имени органа (подразделения). «Результатом этой работы являются объективные индикаторы служебной деятельности всей системы Министерства, в частности, эффективность мер, принимаемых руководителями всех рангов по обеспечению законности и соблюдению ведомственных нормативных актов» [9].

Согласно Типовому Положению о территориальном органе МВД России по субъекту Российской Федерации руководитель территориального органа имеет полномочие на представление в судах интересов своего подразделения и интересов МВД России на основании доверенности [10].

Главным подразделением в области правовой работы в системе МВД России определен Договорно-правовой департамент. Он создан на базе Правового департамента и Управления международного сотрудничества Административного департамента МВД России.[11] К полномочиям ДПД МВД России отнесено, право определять органы, подразделения и организации системы МВД России, представители которых в обязательном порядке должны участвовать в заседаниях судов по искам, которые предъявлены к системе МВД России.

В.В. Черников отмечает, что «Юридическая служба системы МВД России занимает особое место в структуре правовых организаций государственного аппарата, потому что представляет одну из масштабных структур среди силовых ведомств Российской Федерации, эскалирована на все его уровни и виды подразделений» [12].

Деятельность юридической службы МВД России базируется на основании большого количества нормативных правовых актов [13].

Судебно-исковая работа юридической службы в системе МВД РФ представляет собой деятельность, в которой, во-первых, осуществляется защита органов внутренних дел от предъявляемых в суд исков, во – вторых, предъявление исков самим органом внутренних дел в целях защиты своих интересов и сопровождение их в судебном процессе.

Автор поддерживает приоритетные задачи, определенные Концепцией правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД РФ на период с 2017 по 2021 гг., согласно которым необходимо: продолжить тесное взаимодействие в работе, направленной

на профилактику нарушения законодательства, которое ведет к предъявлению исковых требований к МВД России, осуществлять комплексный анализ судебной практики в целях исключения причин и условий, которые способствуют удовлетворению исковых требований в отношении сотрудников МВД России; соблюдать единый порядок подготовки проектов доверенностей на представление интересов подразделений МВД России и общие требования к их оформлению, согласованию, регистрации, учету и хранению.

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 21 января 2009 года. № 4831. Ст. 2.
2. Резниченко, И.М. Установление достоверности и силы доказательств по гражданским делам // Ученые записки Дальневосточного университета. 1989. № 4. С. 96.
3. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов / Л.В. Туманова и др.; под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
4. Халатов С.А. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 40 с.
5. Викут М.А. Представительство в гражданском процессе / Гражданский процесс / Под ред. К.С. Юдельсона. М.: Юридическая литература, 2009. С. 96; Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде. М.: Известия, 2004. 416с; Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 480 с.
6. Табак И.А. Новое положение судебного представителя в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 204 с.
7. Томилов А.Ю. о соотношении понятий «представитель» и «оказание юридической помощи в гражданском процессе» / Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 35. С. 34–38.
8. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 93 «О внесении изменений в статью 50 ГПК РФ» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2298.
9. Авдейко А.Г. Обеспечение защиты интересов территориального органа МВД России в судах и правовая защита его сотрудников // Профессионал: популярно-правовой альманах МВД России. 2016. № 5. С. 2–8.

10. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 марта 2011г. № 249 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10, ст. 1335.

11. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 марта 2011 № 248: вместе с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс», 2017.

2. Черников В.В. Юридическая служба МВД России на современном этапе // Полиция России. 2011. №7.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Федеральный закон от 25.11.2011 № 342-ФЗ // СПС «Консультант Плюс», 2017.

Сведения об авторе

Юзефович Жанна Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент

Доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

E-mail: nir-orui@yandex.ru

УДК 347.51

Сборник статей

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО
И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.

Подписано в печать 27.12.2017 г. Формат 60x90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10. Тираж 29 экз. Заказ № 1131.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.